

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№6 ИЮНЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

2022

*О жизни телеведущей, актрисы и общественного деятеля
Арины Шарповой читайте на стр. 52*

Неизвестное об известном

<i>Юрий Осипов</i>	Корней Чуковский. Славная жизнь 4
<i>Алла Зубкова</i>	Доктор из джунглей 101

Зарисовка из прошлого

<i>Екатерина Маркова</i>	Соседи по даче 16
--------------------------	--------------------------------

Минувшее

<i>Евгения Гордиенко</i>	Ученый от природы 20
--------------------------	-----------------------------------

Рассказ

<i>Олег Лемашов</i>	Прощальный подарок 30
---------------------	------------------------------------

Поэзия

<i>Виктор Елисеев</i>	Певица женской неволи 45
-----------------------	---------------------------------------

Замечательные современники

<i>Дмитрий Соколов</i>	Арина Шарапова: «Я очень счастливый человек» 52
<i>Елена Воробьева</i>	Агния Кузнецова: «У Балабанова я научилась выкладывать в работе на все сто процентов» 114

Звезды не гаснут

<i>Георгий Кричевский</i>	«Претендую на субъективность» 56
---------------------------	---

Российские музеи

<i>Дмитрий Зелов</i>	Талашкино 70
----------------------	---------------------------

Мир увлечений

<i>Елена Чулкова</i>	В полку ложкореза 75
----------------------	-----------------------------------

Эссе

<i>Виктор Ом</i>	Русский лирический пейзажист 83
------------------	--

Судьбы

<i>Денис Логинов</i>	Две жизни одной женщины 92
----------------------	---

Иронический детектив

<i>Елена Колчак</i>	Убийство в стиле ретро 120
---------------------	---

Кроссворд. Эрудит

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales-smena@yandex.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Актриса театра и кино Агния Кузнецова.
Фотограф Ольга Тупоногова.
Фото из личного архива

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
+7 (495) 612-15-07

Для писем:
127994, Москва, ГСП-4,
Бумажный проезд, 14, стр.1
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение1
+7 (495) 744-55-12

© ООО «Журнал «Смена»

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано: **ООО «Типография «Миттель Пресс».**
127254, г. Москва, ул. Руставели, д. 14,
стр. 6, офис 7

Тираж —

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 19.05.2022

«Чувство, господствующее в романе, — есть любовь к отчизне». Эти слова И. Лажечникова, сказанные им о его романе «Последний новик», могут быть отнесены ко всему творчеству замечательного писателя первой половины XIX века, которого называют одним из зачинателей исторического жанра в русской литературе. Сегодня романы Лажечникова переживают новый подъем популярности, привлекая читателей разных поколений занимательным изображением картин нашего исторического прошлого, острыми сюжетами и высокими нравственными идеалами, во имя которых живут и погибают харизматичные герои его книг.

Юрий **Осипов** «Русский Вальтер Скотт»

В липецкой глубинке, старинном городе Ораниенбаум, носящем с середины прошлого столетия название Чаплыгин, стоит единственный в мире памятник Железной Маске. Посвящен он не состоявшемуся правителю России и не успевшему вкушать аромат власти младенцу-императору Иоанну Антоновичу, ребенку царской крови с необычайно печальной судьбой.

«Безымянный узник» пребывал в Шлиссельбургской крепости, полностью изолированный от людей. А при попытке его освобождения подпоручиком Мировичем загадочный арестант был заколот охранявшими его стражниками, действовавшими строго в соответствии с секретной инструкцией...

Юрий **Прокопчук** «Отмененное царствование»

Человек необычной судьбы часто бывает виден не сразу, поначалу он производит весьма ординарное впечатление. Как и вся история его рождения и становления. Но Александр Бородин совсем не таков. Уже его появление на свет было окутано если не тайной, то интригой. А вся последующая жизнь подтверждала, что перед нами человек весьма и весьма оригинальный, у которого параллельно шли обе выбранные им по жизни стези — химия и музыка.

Евгения **Гордиенко** «Бородин. Ученый и композитор»

Талант и многогранность Уильяма Морриса поражали современников. Некоторые наиболее горячие поклонники сравнивали его с корифеями эпохи Возрождения. Поэт, прозаик, переводчик, выдающийся художник-дизайнер, он для многих был символом интеллектуальной жизни. И при этом проповедовал социалистические взгляды, что не мешало ему выполнять заказы по дизайну от самых высокопоставленных представителей аристократии. Его безудержная фантазия рождала изумительные по красоте узоры обоев, гобеленов и ковров — здесь он не знал себе равных. Кроме этого, он экспериментировал с цветным стеклом и металлом и с удивительным вкусом оформлял интерьеры помещений. Он создал новый пространственный идеал жилища, ввел моду на внутреннее убранство домов и создал многое другое. О нем по праву можно сказать: «Этот человек пытался изменить вкусы своего времени, и ему это почти удалось».

Алла **Зубкова** «Гений дизайна!»

«Окончание детектива Елены **Колчак** «Убийство в стиле ретро»

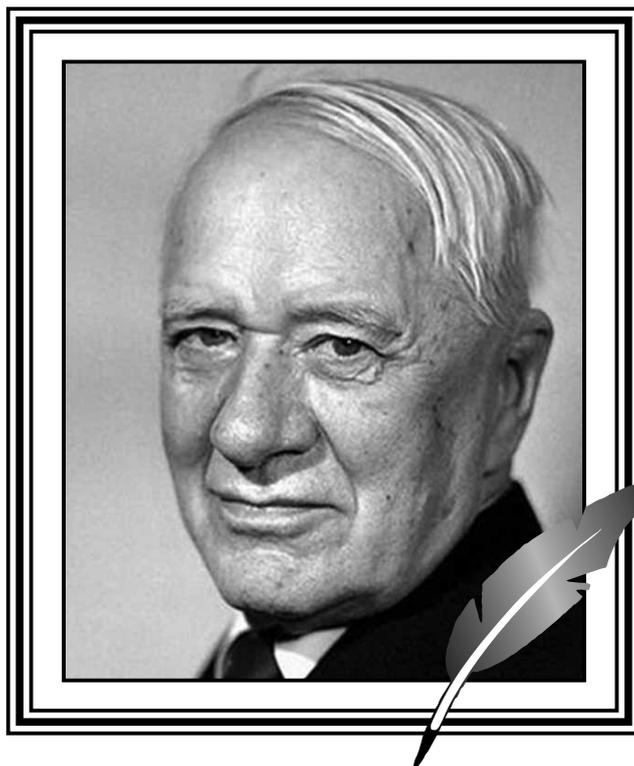
Юрий Осипов

Корней Чуковский

Славная жизнь

1 июня — Всемирный день ребенка

Наш знаменитый детский сказочник Корней Чуковский, на произведениях которого воспитывались поколения советских мальчишек и девочек, долгое время оставался одним из самых недооцененных литературоведов и критиков Серебряного века, автором классического исследования о Некрасове. Мало того, благодаря Чуковскому мы узнали четверть неопубликованных до революции некрасовских стихов. Знаток англоязычной литературы, Корней Иванович редактировал собрание сочинений Оскара Уайльда, переводил Уитмена, писал

о творчестве Чехова, Достоевского, Толстого, Ахматовой, умея открывать «неизвестное в известном».

«Я написал двенадцать книг, и никто не обратил на них никакого внимания, — шутиливо сетовал писатель. — ...Боюсь, что на моем памятнике, когда я умру, будет начертано «Автор «Крокодила». Но и оставшись в восприятии официальных кругов и читательских масс, прежде всего, создателем добрых, поучительных сказок в стихах, он столкнулся в СССР с многолетней травлей. Сказки Чуковского словно преследовал злой рок: сначала их нахваливали, издавали огромными тиражами, а потом находили чуть ли не в каждой политической подтекст и высмеивание советской власти. Начало этому было положено еще вдовой Ленина, Надеждой Крупской.

Чуковский тяжело переживал необоснованные нападки, отрекался порой от своих чудесных сказок, обещал создать так и не написанный стихотворный сказочный сборник «Веселая колхозия».

Его последней детской книгой, вышедшей в 1945 году, стали «Приключения Бибигона». А скончался он в 1969-м. И сегодня оказался самым издаваемым детским автором России, а его стихи для детей остались любимым чтением миллионов малышей XXI века.

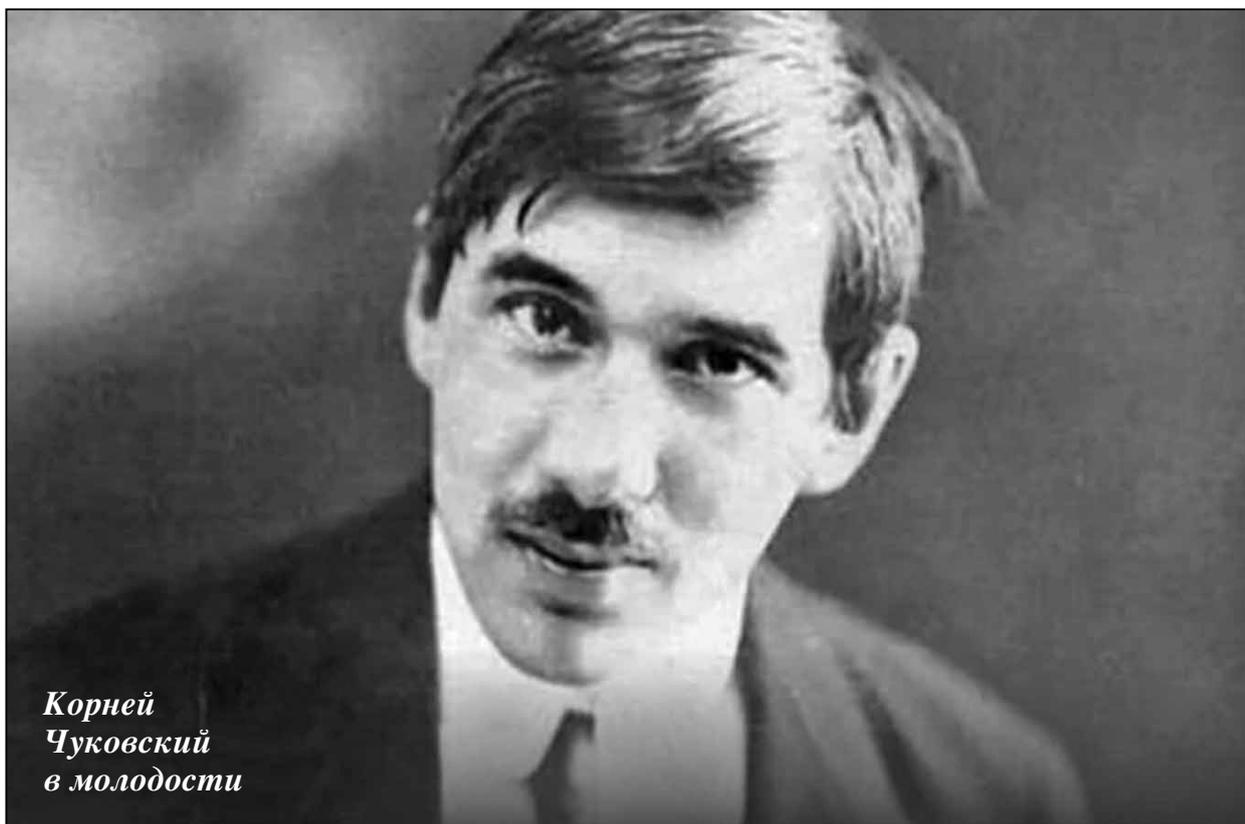
Николай Корнейчуков (таковы настоящие имя и фамилия писателя) появился на свет в марте 1882 года в Петербурге. Его мать, крестьянка Екатерина Осиповна, будучи прислугой в доме именитого врача, почетного гражданина Одессы С. Левенсона, вступила в связь с его сыном Эммануилом и родила гражданскому мужу сперва дочь Марию, а затем — и Николая.

Вопиющий по тем временам мезальянс продолжался семь лет, пока дед будущего классика детской литературы, упорно отказывавшийся породниться с простолюдинкой, не выставил незаконную невестку

за дверь с двумя малышами на руках. Нанять себе жилье в северной столице у Екатерины денег не было, и она с малолетними детьми уехала к родственникам в Одессу. Там в беспросветной нужде и гнетущей атмосфере раздоров прошло детство писателя.

Может быть, поэтому прекрасный южный город, как он признавался в автобиографической повести «Серебряный герб», так и не стал ему родным. Мать, хоть и трудилась, не покладая рук, то швеей, то прачкой, обеспечить семью не могла.

Она мечтала выучить Колю на врача и отдала его в привилегированную

*Корней
Чуковский
в молодости*

гимназию. Однако в 1887 году вышел «Циркуляр о кухаркиных детях», в котором министр просвещения граф И. Делянов рекомендовал директорам гимназий принимать в ряды учащихся лишь тех детей, чье происхождение не вызывало вопросов. Корнейчуков под данное «определение» не подходил и был отчислен из 5-го класса.

Чтобы не слоняться без дела и помогать матери, юноша брался за любую работу: был разносчиком газет, чистильщиком крыш, расклейщиком афиш. Он рано возмужал и начал интересоваться литературой. Читал запоем — Дюма и другую приключенческую беллетристику, пробовал вникать в работы Ницше и Энгельса, а по вечерам в одиночестве у моря декламировал стихи Эдгара По.

У него обнаружилась феноменальная память, позволившая ему по самоучителю овладеть английским языком, правда, без понятия о правильном произношении, которое в самоучителе не разъяснялось. Но тексты на английском он переводил бойко.

Ему исполнилось восемнадцать, когда он познакомился с симпатичной бухгалтерской дочкой Марией Гольдфельд. Вспыхнула взаимная любовь. К тому времени Николай уже всерьез увлекся журналистикой и успешно сотрудничал в газете «Одесские новости».

Его дебютом там стал пространственный философский опус. Друг юности, будущий известный писатель, переводчик и журналист Владимир Жаботинский, отнес это сочинение в газету. На свой первый гонорар 7 рублей,

немалые тогда деньги, начинающий автор купил себе презентабельные штаны и рубашку, в которых мог явиться в дом своей избранницы.

Увы, «благородное семейство» сомнительного жениха отвергло.

английский язык, командировали в Лондон, куда он выехал вместе с молодой женой, соблазненный высоким окладом (целых 100 рублей ежемесячно!). Теперь он уже подписывал свои публикации псевдонимом

В 1917 году Корней Иванович принял предложение Горького возглавить детскую редакцию издательства «Парус». Амплу сказочника он до этого уже приобрел, работая над альманахом «Жар-птица», куда вошли и его сказки в стихах. А позже Чуковского привлекли и к лекционным выступлениям по всей стране, а также к сотрудничеству с различными издательствами. Но и сказки он не переставал писать, создав такие шедевры, как «Тараканище», «Муха-Цокотуха», «Мойдодыр», «Бармалей» и многие другие

Влюбленные встречались тайно и одно время даже планировали сбежать из ненавистной им обоим Одессы. Побег так и не состоялся, но в мае 1903-го пара обвенчалась, и Мария Борисовна, верная спутница жизни писателя, к возмущению родителей, перешла в православие.

Год спустя у них родился сын, поэт, прозаик и переводчик Николай Чуковский, а еще через три года — дочь, писательница Лидия Чуковская. Младшая дочь Корнея Ивановича, героиня его стихов и рассказов для детей Мария (Мурочка), родилась уже после революции.

Два года успешной работы газетчиком привели к тому, что Чуковского как единственного корреспондента «Одесских новостей», знавшего

Корней Чуковский, к которому позже присоединилось фиктивное отчество — Иванович. После революции это словосочетание сделалось его настоящим именем, отчеством и фамилией, переданной детям.

Кроме «Одесских новостей» корреспонденции Чуковского из Англии печатались также в «Южном обозрении» и в некоторых киевских газетах. Но гонорары из России поступали нерегулярно, а затем и вовсе прекратились. Так что беременную супругу ему пришлось отправить в Одессу. Сам же Корней Иванович подрабатывал перепиской каталогов в Британском музее. В Лондоне молодому человеку очень нравилось, и он с головой погрузился в английскую литературу — зачитывался Теккереем, Диккенсом, Теннисоном и Байроном.

В Одессу Чуковский вернулся в конце 1904 года и с энтузиазмом встретил революционные события. Дважды побывал на восставшем броненосце «Потемкин», передавал письма его матросов близким. Однако арестовали Чуковского не за это, а за «оскорбление величества» на страницах нового петербургского сатирического журнала «Сигнал».

Выпустить журнал помогла Чуковскому субсидия выдающегося оперного певца Леонида Собинова. В «Сигнале» публиковалась исключительно политическая сатира, причем среди авторов издания числились такие популярные писатели, как Куприн, Федор Сологуб, Тэффи. Чуковский же помещал там двусмысленные карикатуры и антиправительственные памфлеты.

Под арестом Корней Иванович провел всего 8 дней, поскольку его оправдания на суде добился знаменитый адвокат и общественный деятель О. Грузенберг. Вскоре после освобождения Корней Иванович наведился в финляндское местечко Куоккала на берегу Финского залива. Оно пришлось ему по душе, и он обосновался в нем почти на... десять лет.

Рядом жили Репин и Короленко, с которыми он тесно сошелся. Именно Чуковский убедил Репина сдать за книгу воспоминаний «Далекое близкое». А тот, в свою очередь, придумал для его рукописного юмористического альманаха шутовское название «Чукоккала», под которым этот уникальный альманах вошел в ис-

торию отечественной литературы. В Куоккале Корней Иванович познакомился с Маяковским и А. Толстым. Они оставили в «Чукоккале» свои творческие автографы-заметки, шуточные записи, дружеские эпиграммы и стихотворные послания. Наряду с Блоком, Гумилевым, Мандельштамом, З. Гиппиус и Г. Уэлсом...

В 1917 году Корней Иванович вернулся в Петроград и принял предложение Горького возглавить детскую редакцию издательства «Парус». Амплу сказочника он до этого уже примерил, работая над альманахом «Жар-птица», куда вошли его «Цыпленок», «Собачье царство» и «Доктор».

Горький увидел в этих сказках большие перспективы для развития таланта автора в качестве детского писателя и доверил ему, как раз в канун Октябрьской революции, создание соответствующего литературного приложения журнала «Нива», которое должно было открываться его новой вещью. Чуковский очень волновался, что не справится с ответственным заданием. Помогло счастливое совпадение. Перевозя заболевшего сына из Куоккалы в Питер, Корней Иванович, чтобы ободрить мальчика и отвлечь от слез, начал на ходу сочинять сказку со стремительным чередованием образов и событий (на детальную проработку сюжета времени не было). Так родился легендарный «Крокодил».

*С женой
и сыном*

После революции Чуковский привлекли к лекционным выступлениям по всей стране и сотрудничеству с различными издательствами. Но и сказки в стихах он не бросал писать, создав в последующие десятилетия такие шедевры этого жанра, как «Тараканище» и «Мойдодыр». Тогда же увидели свет десятки его стихотворных сказок, восторженно воспринятые детворой: «Муха-Цокотуха», «Чудо-дерево», «Путаница», «Бармалей», «Телефон», «Федорино горе» и многие другие.

Несмотря на партийную критику с идеологических позиций, популярность этих сказок была настолько велика, что в разных городах им даже ставили памятники (!). Наиболее известен переживший Сталинградскую битву фонтан «Бармалей», который был установлен на привокзальной площади города по проекту скульптора Р.Иодко в 1930 году.

Тогда же у писателя появилось еще одно увлечение — изучение психики детей, наблюдение за тем, как они учатся говорить, овладевают речью. Этот ценный опыт наблюдений за детским словотворчеством он обобщил в замечательной книге «От двух до пяти» (1933 г.), выдержавшей более 20 переизданий, каждое из которых существенно дорабатывалось автором.

«Все другие мои сочинения, — сетовал Чуковский, — до такой степени заслонены моими детскими сказками, что в представлении многих читателей я, кроме «Мойдодыров» и «Муха-Цокотуха», вообще ничего не писал».

Писал же Корней Иванович в те годы «для взрослых» много, занимался теорией художественного перевода (книга «Искусство перевода») и сам переводил М. Твена, О. Уайльда,

Р. Киплинга, Д. Дэфо, адаптировал их в «пересказах» для детского чтения, начал работать над мемуарами. За книгу «Мастерство Некрасова»

миру: "Вот он, вот он, наш дорогой друг!"...

Тут в подкрепление собакам со всех сторон бежит целая армия ребят!..

Ему всегда было мало лишь литературной деятельности. У себя на даче Корней Иванович и в старости продолжал устраивать встречи с окрестными детьми, вел с ними душевные беседы, читал стихи, приглашал выступить перед ними прославленных летчиков, артистов, писателей. Кроме этого, он передал в дар местной администрации построенную им на собственные средства детскую библиотеку с большим книжным фондом и всем необходимым инвентарем

он был удостоен Ленинской премии. Ранее и позднее был награжден орденом Ленина, четырьмя орденами Трудового Красного Знамени. Ему присвоили степень Почетного доктора литературы Оксфордского университета.

Из воспоминаний о Корнее Ивановиче Чуковском:

«В подмосковном писательском городке Переделкино есть дом. При входе в него — короткая строгая надпись: "ПРОШУ ДАЖЕ САМЫХ БЛИЗКИХ ДРУЗЕЙ ПРИХОДИТЬ ТОЛЬКО ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМ". "Что за человеконенавистник!" — невольно подумает каждый... Но тут... сам хозяин собирается выйти из дома... Почти одновременно с выходом на улицу "Отшельника" к нему стремительно мчатся отовсюду собаки... бегают вокруг него, прыгают, лают... радостно, словно сообщают всему

И начинается веселая возня... В свои семьдесят пять лет Корней Иванович радуется игре чуть ли не больше, чем его маленькие партнеры!

Но вот, расставшись с детьми и собаками, Корней Иванович входит в Дом творчества писателей — и во всех сорока комнатах этого дома писатели радуются его приходу, его беседе, сверкающей умом, знаниями, чудесным юмором.

Тут раскрывается тайна "Отшельника": он наполнил свой дом ограничительными надписями не оттого, что боится людей, — он себя боится. Боится своего жизнелюбия, своего неутолимого интереса к людям. Он боится заговориться, забыть о времени, — а ведь ему нужно работать, ведь работает он поражающе много... радостно видеть человека, который уступил старости только в одном — в цвете волос, ставших теперь совсем белыми».

*Сказочник
Корней
Чуковский*

В 60-е годы Чуковский задумал пересказать Библию для детей. Исключительно масштабный и очень трудный проект, особенно учитывая антирелигиозную позицию советской власти. В частности, от Чуковского потребовали, чтобы слово «Бог» нигде не упоминалось. Авторским коллективом (а Корней Иванович привлек к работе видных литераторов) был придуман псевдоним «Волшебник Яхве». Книга под названием «Вавилонская башня и другие древние легенды» вышла в издательстве «Детская литература» в 1968 году. Однако судьба ее оказалась трагичной — весь тираж был уничтожен по распоряжению ЦК партии.

Причины столь невероятного запрета описал позднее один из авторов книги В. Берестов. «Был самый разгар Культурной революции в Китае. Хунвейбины, заметив публикацию, громогласно потребовали раз-

можить голову старому ревизионисту Чуковскому, засоряющему сознание советских детей религиозными бреднями... Наши инстанции отреагировали привычным образом». Второе издание этой уникальной книги вышло только в 1990 году.

Устав бороться с критиками и цензурой, писатель на закате дней вернулся к публицистике. Его поздняя книга «Живой как жизнь» посвящена «болезням», поразившим «великий и могучий» русский язык. «...мы никогда не имеем права судить о ценности того или иного слова... вне связи с другими элементами данного текста, — указывает автор, — этим в значительной степени решается вопрос о допустимости чужезычных речений в ту или иную эпоху...»

Ему всегда было мало одной лишь литературной деятельности. У себя

на даче он и в старости продолжал устраивать встречи с окрестными детьми, вел с ними душевные беседы, читал им стихи, приглашал выступать перед ними прославленных летчиков, артистов, писателей. Давно ставшие взрослыми, переделкинские жители до сих пор вспоминают эти детские посиделки на даче у Чуковского. Кроме того, в 1957 году Корней Иванович передал в дар местному райисполкому построенную на собственные средства детскую библиотеку с большим книжным фондом и всем необходимым инвентарем...

Всенародный любимец, лауреат высших государственных премий, кавалер отечественных и зарубежных орденов, почетный доктор Оксфордского университета, Чуковский в очень преклонном возрасте не побоялся идти наперекор правящей верхушке периода брежневского «застоя» и поддерживал дружеские контакты с гонимыми правозащитниками. Например, всемирно известного писателя А. Солженицына он укрывал у себя на даче в Переделкино.

Когда еще в 1961 году к нему в руки попала солженицынская повесть «Один день Ивана Денисовича», именно Чуковский стал ее первым восторженным рецензентом и на пару с тогдашним главным редактором литературного журнала «Новый мир» А. Твардовским убедил Хрущева дать разрешение напечатать там это эпохальное произведение.

«Чуковский — это наша многолетняя привязанность, привычно казавшаяся нам радостно-нескончаемым счастьем быть товарищем по работе и по внутреннему, сердечному родству одного из самых удивительных и знаменитых людей нашей страны, нашего века». Так сказал о нем прекрасный детский писатель Лев Кассиль.

Корней Иванович Чуковский прожил огромную по широте общения жизнь. Со всеми, кто с конца позапрошлого столетия и на протяжении XX века был в числе наиболее ярких и талантливых мастеров искусства и литературы, он поддерживал дружеские связи, обменивался творческими идеями.

И — дожил до очень преклонного возраста. Когда писатель ушел из жизни, ему шел семьдесят восьмой год. Но стариком его невозможно было назвать. До последних дней Корней Иванович все так же прямо и уверенно шагал по дорожкам дачного поселка. Все так же звонко и увлеченно звучал в окружении переделкинской детворы его голос. И все так же около шести утра зажигалось окно рабочего кабинета Чуковского на втором этаже дачи... Трудился он за письменным столом самоотверженно, неутомимо, на зависть молодым. И успел так много!

В каждой области литературного творчества, за которую этот удивительный человек ни брался, он ста-

новился подлинным новатором, первооткрывателем, корифеем.

...Окно в его кабинете погасло в октябре 69-го. Причем скончался Корней Иванович не от старости, а от вирусного гепатита, в палате Кунцевской больницы. На даче, где он прожил большую часть жизни,

родные открыли его мемориальный музей.

Рассказывали, что, умирая, классик нашей детской литературы, литературной критики и художественного перевода произнес: «Вот и нету Корнея Чуковского...» Он, разумеется, ошибся. Корней Чуковский со своими книгами есть и будет всегда.

Корней Чуковский

От двух до пяти

Дедушка признался, что не умеет пеленать новорожденных.

— А как же ты пеленал бабушку, когда она была маленькой?

Девочке четырех с половиной лет прочли «Сказку о рыбаке и рыбке».

— Вот глупый старик, — возмутилась она, — просил у рыбки то новый дом, то новое корыто. Попросил бы сразу новую старуху!

— Бабушка, ты умрешь?

— Умру.

— Тебя в яму закопают?

— Закопают.

— Глубоко?

— Глубоко.

— Вот когда я буду твою швейную машину вертеть!

— Ой, дедуля, киска чихнула!

— Почему же ты, Леночка, не сказала кошке: на здоровье?

— А кто мне скажет спасибо?

— Я в школу не пойду, — заявил пятилетний Сережа, — там на экзамене ребят режут.

- Мама, что такое война?
- Это когда люди убивают друг друга.
- Не друг друга, а враг врага!

— Мама, что это радио говорит: война, война! Что это такое — война?
— Это когда враги нападают на мирную страну, убивают людей, поджигают города, села.

- Анечка быстро снимает радио.
- Куда ты его понесла? Поставь на место!
 - Несу на помойку.
 - Зачем?
 - Чтобы не было войны!

Двухлетней Ирочке отец дает ложку и спрашивает:

- Сколько у тебя ложек?
- Одна.

Дает другую:

- Теперь сколько?
- Две.

Дает третью:

- Теперь сколько?
- Много.
- Нет, ты скажи.

Ирочка с преувеличенным выражением брезгливости отодвигает от себя третью ложку:

- Возьми, она грязная!

- Владик, ты школьник?
- Нет, еще садист. Я в садик хожу.

— Я люблю снег больше солнышка. Из снега можно крепость строить, а из солнышка что?

Валерик четырех лет:

- Мама, ты была девочкой?
- Да, была.
- В школу ходила?
- Да
- А с кем я дома оставался?

- Мама, из чего делают корку на хлебе?
- Из муки.
- А как же ее потом на хлеб натягивают?

Мать говорит своему трехлетнему Леше:

— Слезь с окна, упадешь, будешь горбатый.

— А верблюд, наверное, два раза падал.

Леночка попросила у бабушки китайский сервиз.

— Вот когда будешь выходить замуж — подарю.

Леночка тут же побежала к отцу:

— Папочка, дорогой, давай с тобой поженимся, и тогда у нас будет китайский сервиз.

— Как я родилась, я знаю. А вот откуда вы с папой выродились?

— Папа, откуда я взялся?

— Тебя купили на рынке.

— Да, но прежде чем продавать, меня должен же был кто-то сделать!

— Ну вот, Славик, теперь тебе будет весело: мы купили маленькую Наташу.

— У, чего! Лучше купили бы телевизор!

— Мама, правда, что все люди произошли от обезьян?

— Правда.

— То-то я смотрю: обезьян так мало стало.

Разговор между детьми в детсадыке:

— У меня папа — я не знаю кто.

— А у меня папа — шофер.

— А у тебя, Витенька?

— А у меня папа — подлец, так мама говорит.

— Никогда не женюсь! Охота каждый день ссориться!

У трехлетнего мальчика спрашивают:

— Кто красивее — папа или мама?

— Не буду вам отвечать, потому что не хочу обижать маму.

Пятилетний философ:

— Когда будет завтра?

— Через ночь.

Утром:

— Сегодня завтра?

— Нет, сегодня.

— И чего я никак завтра не поймаю?! □

Екатерина Маркова

Соседи по даче

За забором выросло какое-то лохматое чудовище. Лопух — не лопух... И все же лопух, только волосатый. Своим наглým вторжением он что-то поменял в знакомой картинке привычного переделкинского мира. Он был — чужой. Его надо было уничтожить.

Напялив толстые, не по размеру, перчатки, мы с Катькой взялись за дело. Моя тезка Катя Чаковская была младше меня на полтора года, поэтому с высоты своего возраста я давала указания сухим командирским голосом и анализировала неприятную ситуацию: волосатый пришелец не поддавался уничтожению. К тому же его буйная волосатость оказалась такой колючей, что даже сквозь перчатки впивалась в кожу.

— Время упустили, — мрачно процедила я сквозь стиснутые зубы и предложила передохнуть.

Мы стащили перчатки и примостились на трухлявом пне на краю канавы.

Из-за забора на нас уставились два черных глаза Катиной овчарки. Гай был огромный, цвета смолы, без единого светлого пятнышка на гладкой шерсти. Я протянула руку сквозь забор и положила ее на теплую макушку Гая. Гай, не мигая, изучал меня умными, искусно маскирующими исконную собачью тоску глазами и, выдержав светскую паузу, стремительно вспорол воздух внезапно выпрямленными упругими ушами.

Я понимающе кивнула и поспешно убрала руку.

— Давай землю подкопаем, — предложила Катька и протянула мне толстенную щепку.

Мы уселись возле лохматого чудища и заработали щепками.

За нашими спинами на дороге послышалось равномерное бряцанье.

— Пастернак купаться идет, — прокомментировала моя подруга, и уже через минуту рядом с нами, сидящими на корточках, возникли запыленные сандалии на толстой подошве с расстегнутыми ремешками. Именно они, бряцая по асфальту, сигнализировали о приближении их владельца.

— Здравствуйте, Кати! — раздался глуховатый голос.

— Здравсьте, Борис Леонидович, — вразнобой произнесли мы, приподнимаясь с корточек.

Пастернак стоял перед нами, не до конца проснувшийся, в синих сатиновых шароварах, вылинявшей майке, с перекинутым через плечо полотенцем.

— Над чем трудимся? — Он с интересом рассматривал колючего уroda.

— Представляете, за два дня вымахал, страшила этакая! Мы пытаемся его уничтожить. Нечего пейзаж портить. И потом он — чужой.

— Если чужой... тогда, конечно. Желаю успеха, — улыбнулся Борис Леонидович и двинулся по направлению к пруду своей чуть припадающей на одну ногу размашистой походкой.

Я классно умела изображать, как он ходит, и меня переделкинские друзья часто просили пройтись как Пастернак. Вот и теперь, чтобы не потерять навыка, я сделала несколько шагов и крикнула ему вслед:

— Вы там осторожней. Пруд зацвел.

Пастернак обернулся и, снова улыбнувшись своей толстогубой, белозубой улыбкой, скрылся за поворотом.

Не успели мы вернуться к своему неприятному занятию, как нас окликнула запыхавшаяся женщина.

— Девочки, это же... С полотенцем через плечо... Это кто?

— Кто? Сосед по даче, — удивились мы. — А что?

— Да ведь это же Пастернак!

— Ну, Пастернак, — еще больше удивились мы. — Мы и говорим — сосед по даче. Купаться пошел на пруд...

Не успели мы подкопать лохматого урода, как в конце улицы заколыхались знакомые разноцветные перья индейского головного убора Корнея Ивановича Чуковского. Он любил прохаживаться по дорожкам Переделкина в этом экзотическом одеянии, шокируя непосвященных и вызывая улыбки у аборигенов. Прикалывался, как сказали бы сейчас.

Мы с Катькой считали себя аборигенами, поэтому вежливо улыбнулись, хотя, честно говоря, его недолюбливали. Может, потому что видели другую сторону доброго дедушки. Да и детские стихи, населенные пауками, бармалеями, злобными монстрами, на наш взгляд, только пугали и нервировали детей, поэтому воодушевления у нас не вызывали. Конечно, мы тогда знать не знали о его замечательных взрослых книгах. Но что было, то было. Участвуя в подготовке его знаменитых костров «Здравствуй, лето» и «Прощай, лето», мы сталкивались с его раздраженными нападками на детей, нетерпимостью к нашим шалостям и проказам и побаивались его самодельной сучковатой палки, которой он подгребал остатки хвороста к огромной куче, заготовленной для костра. Мы не понимали тогда, какую важную и благородную миссию он осуществлял, организовывая эти костры в начале и конце летних каникул. Плата за вход была 10 шишек. И не только писательские детки присутствовали на этих праздниках — из всех соседних поселков собирались дети из самых неблагополучных семей. Поэтому нам строго-настрого запрещалось выпендриваться и наряжаться на этих сборищах. Приглашались знаменитые артисты и писатели: Аркадий Райкин, Рина

Зеленая, Агния Барто, Лев Кассиль, прославленные циркачи, певцы и танцоры. А его библиотека! Построил дом, начинил тысячами книг и дал возможность всякому, кто хочет, записаться и войти в ошеломляющий разнообразием мир детской литературы...

...Корней Иванович восхитился экзотическим уродством нашего лопуха и посоветовал сохранить ему жизнь. Строгим голосом заметил, что на вчерашней репетиции «Цветика-семицветика» мы с Катькой вели себя безобразно. Я оправдывалась, объясняя, что мне по роли мамы девочки Жени полагается взрослая юбка, а она с меня все время падает, и я совсем не виновата, что все вокруг ржут, как лошади.

— Не ржут, а смеются, — укоризненно потряс разноцветными перьями Корней Иванович.

Он удалился, а мы, показав ему вслед языки, вновь приступили к своему безнадежному мероприятию.

— Юбку для «Цветика-семицветика» все ж надо ушить, — посоветовала Катька.

— Ага, щас! Ольга не разрешает импортную вещь курочить.

Моя старшая сестра, пожертвовав стильной юбкой для спектакля, была по справедливости непримирима к ее переделыванию по моей тощей фигуре.

— Да ладно, Валентин Петрович так смеялся, когда она у меня по ходу дела упала. Сказал, что принесет какие-то невидимые булавки.

— Катаеву видней, он — автор, — хмыкнула Катька, — а позор тебе, а не ему достанется, когда Женькина мама перед всем честным народом в трусах останется.

Я огрела Катьку щеткой по затылку, она пнула меня ногой в бок — и назревающий конфликт был исчерпан.

Валентин Петрович Катаев, тогда для нас автор «Цветика-семицветика», «Белеет парус одинокий», «Сына полка», был строгий и одновременно ироничный и смешливый. Позже, два десятилетия спустя, он ходил со мной, тогда уже автором знаменитой «Юности», по «большому» или «малому» кругу переделкинских прогулочных дорог и рассуждал о литературе.

— Понимаешь, сквозь прозу надо продираться, именно продираться. Искать слова, как геолог ищет драгоценные камни. Ничего нет хуже, чем расхожее слово, — говорил он, а потом вдруг останавливался, запрокидывал голову и, прищурившись, показывал:

— Вот погляди. Как облечь в образ то, что видишь?

Я тоже запрокидывала голову и глядела на электрические провода, несколькими рядами натянутые между столбами. Провода были густо усеяны сидящими на них воробьями. Я сосредоточенно думала, озадаченно поглядывая на гениального литературного стилиста и моего соседа по даче. Валентин Петрович, убедившись в моей несостоятельности, радостно заявлял:

— Нотный стан зарвавшегося музыканта!

А я, обалдев, так и стояла, задрав голову.

...Мы окончательно подкопали корни чудища, а ему было хоть бы хны.

— Пастернак-то не утонул бы, — вдруг озабоченно произнесла Катя-ка. — Может, пойдём поглядим? Пора бы ему уже возвращаться.

Я согласно кивнула.

Конечно же, нам было невдомек, что на другом берегу пруда в деревне Измалково в то время жила его последняя любовь Ольга Ивинская. И, возможно, полотенце через плечо было лишь маскировкой, так, для отвода глаз... Кто ведаёт! Также, знай я тогда, что пройдут годы, и моей настольной книгой станет его гениальный роман «Доктор Живаго», наверное, одно из самых горьких христианских исследований невыносимых бездн человеческой души, я бы удержала в памяти не только образ его запыленных сандалий и уходящую приземистую фигуру, а, сбросив гнет детской застенчивости, обнаглев, задала бы тысячу вопросов и запомнила бы каждое слово, каждое движение его растянутого в улыбке толстогубого рта, удержала в памяти лучики его доброй снисходительной усмешки.

А тогда мы собрались, было, спасти Бориса Леонидовича, но нас остановил знакомый рокот мотора, от которого у нас обеих озадаченное выражение лиц сменилось восторженным ожиданием. Через несколько секунд мимо нас промчался на сияющем мотороллере красавец Шура Фадеев. Махнув нам рукой в бежевой перчатке, он умчался, а мы в замороженной задумчивости глядели ему вслед, благоговейно вдыхая из выброшенного облака запах бензина и пыли.

— Может, на обратном пути прокатит, — мечтательно просипела Катяка и вдруг от резкого скрежета тормозов отпрыгнула в сторону. Высунувшийся из окна «Победы» шофер крикнул: «Чего посреди улицы растопырились?» — и помчался дальше. А я с удивлением вгляделась в бледное, со сведенными в жесткую прямую линию рта Катякино лицо, скорей отрешенное, чем перепуганное. Она всегда вздрагивала, ойкала, подпрыгивала, когда рядом тормозила машина. Что-то в ее природе уже предощущало ту беду, которая двадцать лет спустя таким визгом тормозов оборвет ее жизнь. Случится это в Крыму, на лихой серпантинной дороге. И останется дочка, большеглазая пятилетняя Нюся, так похожая на маму.

...На следующее утро мы обнаружили, что наш лопух завял. Пожелтел, осунулся, сник. Катяка тихонько вздохнула и заметила:

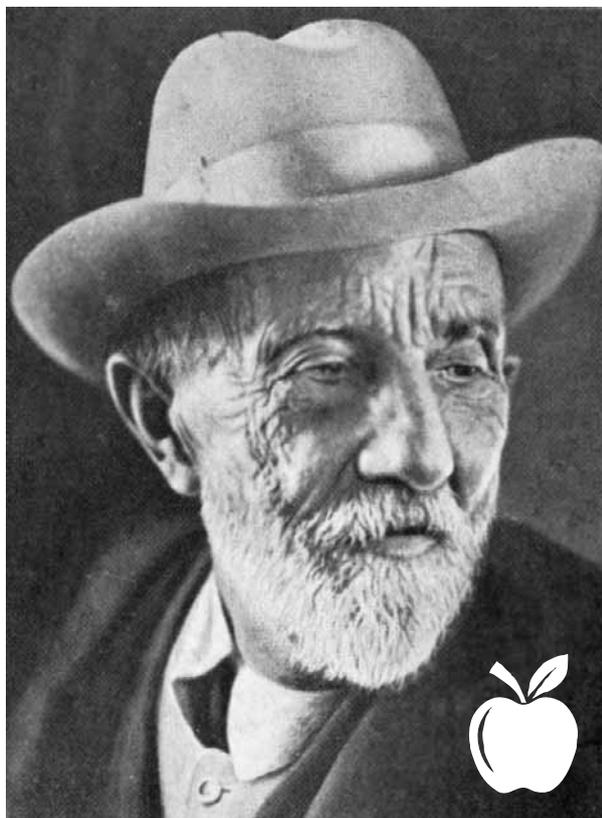
— Жаль вообще-то. Хоть и страшный был, но красивый. Давай хоть остатки на память засушим...

Так и сделали.

Нашла его сухие листочки спустя полжизни в томике катаевской прозы. Гербарий переделкинского детства... □

Евгения Гордиенко

Ученый от природы

Не так много существует примеров, когда чье-то имя становится нарицательным, символом целого научного направления, символом, вбирающим в себя огромный пласт знаний, шуток, названий... Все это говорит, прежде всего, о том, что человек этот всю свою жизнь посвятил одному делу, изучил его настолько глубоко и полно, что стал олицетворением этого самого дела. Именно так произошло с Иваном Владимировичем Мичуриным — великим ученым, биологом, селекционером, изобретателем — список его умений и талантов можно продолжать практически бесконечно.

Иван Владимирович Мичурин появился на свет 27 октября 1855 года в поместье Вершина Пронского уезда на Рязанщине. Все предыдущие поколения этого семейства были военными, принимавшими участие в сражениях разных эпох. Отец, Владимир Иванович, потомственный дворянин, служил на оружейном заводе в Туле. Он имел смелость взять в жены мещанку, которую категорически не одобрили его родители.

Выйдя в отставку, он занялся разведением пчел и садоводством, увлеченно выписывал семена и литературу по сельскому хозяйству, так что страсть будущего селекционера к работе в саду можно считать наследственной.

Мичурин-старший много экспериментировал с растениями — но только летом. В зимний период, будучи не в силах сидеть без дела, обучал крестьянских детей грамоте.

Из семерых детей, рожденных в этой семье, выжил только один — младший Иван. Жизнестойкость его проявилась еще и в том, что в момент его рождения семья жила в... лесном домике. Так вышло из-за того, что бабушка (мать Владимира Ивановича) страдала душевной болезнью, и находиться с ней в одном доме было попросту опасно. Однако вскоре женщину поместили в психиатрическую клинику, и Мичурины смогли вернуться домой.

Но счастье жить в родном доме было недолгим, потому что, когда мальчику исполнилось 4 года, его мать умерла от горячки. Через какое-то время ребенок привык быть предоставленным самому себе, хотя отец, как мог, старался участвовать в его воспитании: показывал свой сад и учил работать в нем, рассказывая сыну о природных явлениях.

Но все же смерть жены подкосила Владимира Ивановича. Все больше он стал пить, все реже выходить из дома, все меньше заниматься сыном. Ребенку нечего было делать, кроме как копаться в огромном саду. Лучшими его игрушками стали семена, в которых таинственным образом скрывалась будущая жизнь. У него была целая коллекция семян самых разных форм и размеров.

В училище Пронского уезда, куда отец отправил Ивана, он, не привыкший к общению с другими детьми, не смог найти общий язык с одноклассниками. Растения стали для него куда лучшими друзьями, и именно им он посвящал все свободное от уче-

бы время. В восьмилетнем возрасте Мичурин самостоятельно делал прививки растений, а также проводил окулировку, копулировку и аблактировку своих подопечных.

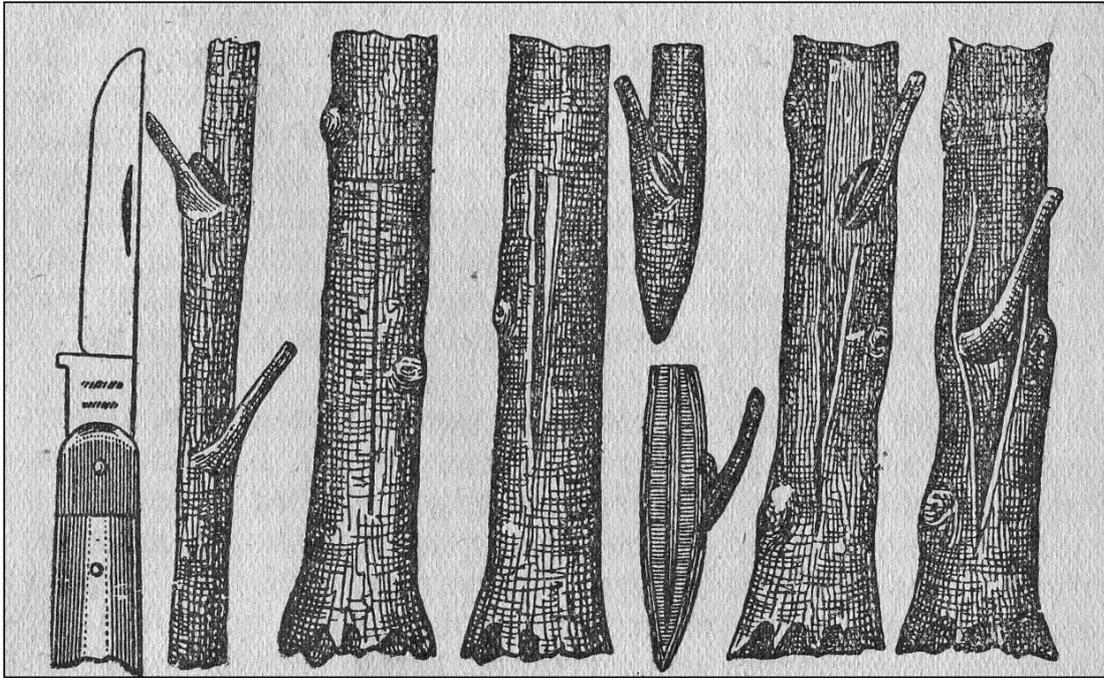
После уроков он спешил домой, и, несмотря на то, что путь был долгим, ему было интереснее пройти через лес, где каждый куст был ему знаком, нежели дожидаться подводы.

Училище юноша окончил в 1872 году. На последние деньги отец смог отправить его в лицей, но Иван там долго не продержался. Был отчислен с формулировкой «за непочтительность к начальству». Что случилось — достоверно неизвестно. По одной версии, Мичурин отказался снять шапку перед руководителем гимназии, потому что был болен, за что и был наказан. Вторая версия гласит, что у обедневшей семьи не было возможности дать директору взятку.

Дома тоже было неладно: заболел отец, причем очень сильно, его положили в рязанскую больницу. Поместье было заложено, а вскоре и вообще продано за долги.

Заботы об Иване взяла на себя тетка Татьяна Ивановна, образованная и энергичная женщина, относившаяся к племяннику как к собственному сыну. Правда, денег у нее тоже было немного, так что материальное положение семьи по-прежнему оставляло желать лучшего.

Поскольку из лицея Мичурин был исключен, у него не оставалось другого пути, как идти работать. Он устроился на Рязанско-Уральскую

Прививка. Рисунок Мичурина из статьи «Полезные советы по делу садоводства»

железную дорогу станционным конторщиком — в городе Козлове. Трудиться приходилось много — по 16 часов в сутки, а жалованье составляло всего 12 рублей в месяц. Но ответственный юноша даже за небольшие деньги работал на «отлично» и вскоре получил повышение — сначала до товарного кассира, а затем — до помощника начальника станции. Без блата, без взяток дослужиться до такого высокого поста на железной дороге молодому человеку в царской России было почти невозможно.

Помимо селекции и садоводства, у Ивана Владимировича было еще одно увлечение, появившееся как раз в годы работы на железной дороге, — слесарное дело. И ему удалось объединить эти занятия: так, он сам придумал и собрал систему опрыски-

вания для растений в открытом и закрытом грунте, которой — в несколько измененном виде — огородники и садоводы пользуются до сих пор.

Но основные силы были брошены им на создание огромной коллекции плодово-ягодных культур. Ее размеры были столь велики, что вскоре стало ясно — нужно расширяться, то есть менять место жительства. А поскольку с деньгами, несмотря на престижную должность, лучше не стало, Мичурин экономил, как мог: сам чинил одежду и шил рабочие рукавицы. От постоянного перенапряжения начались серьезные проблемы с легкими, открылось кровохарканье. Справиться с этим недугом помогло лето, проведенное на природе.

Еще в самом начале своей садовой деятельности Иван Владимирович посетил Рязанскую, Тульскую,

Калужскую области и понял, что старые русские сорта деревьев и кустарников из-за болезней и вредителей почти не давали урожая, а привозные южные растения плохо приспособлялись к нашему климату. Он знал: вырождаются русские сорта, а привозные так и не приживутся, в результате придется покупать недешевые привозные яблоки и груши. Он писал: «Нельзя было повторять ошибки прежних садоводов, напрасно надеявшихся акклиматизировать у себя иностранные сорта. Надо выводить новые, улучшенные, выносливые сорта для каждой отдельной местности!» Этим он и планировал заняться.

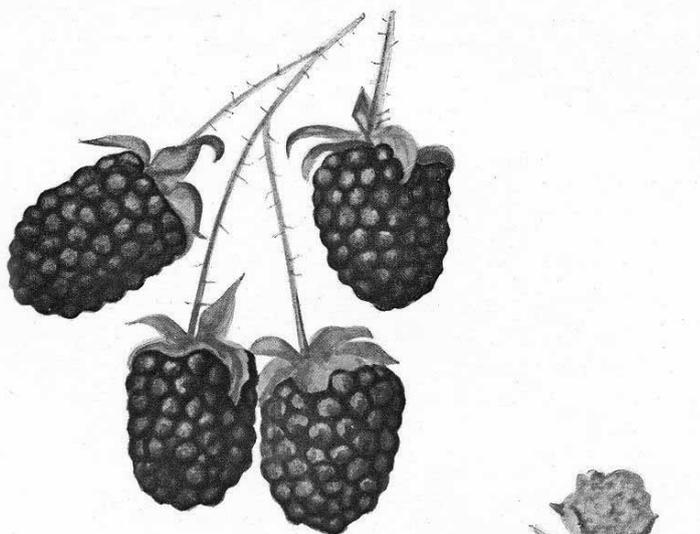

Накопив некоторое количество денег и воспользовавшись банковской ссудой, Мичурин смог приобрести новое поместье. Все растения члены семьи переносили туда на руках, за семь километров. Именно этому месту суждено было стать родиной легендарных мичуринских сортов, которые до сих пор ценятся селекционерами всего мира. К 1893-му году на территории поместья насчитывалось уже несколько тысяч гибридных грушевых, яблочных и вишневых сеянцев. Именно Мичурин первым в средней полосе России вырастил абрикос, миндаль, виноград, персик, тутовое дерево и масличную розу

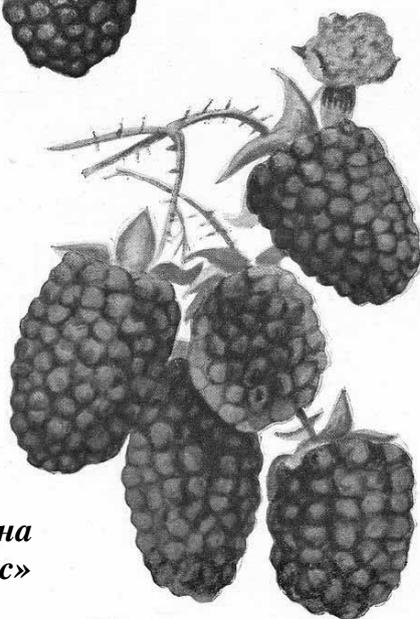

В работу селекционер взял полтора десятка плодовых и ягодных культур, несколько десятков ботанических видов. Это были растения с Дальнего Востока, Кавказа, Тибета, из Китая, Канады и других стран.

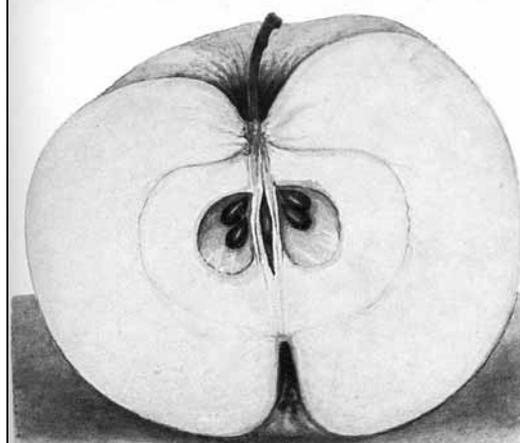
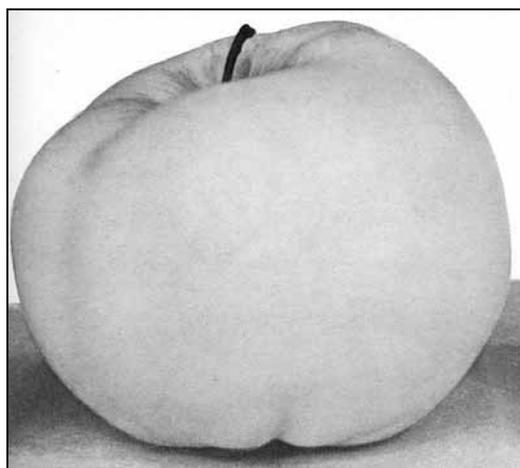
К тому моменту Иван Владимирович уже был женат. Его избранницей стала дочь простого рабочего — Александра Васильевна Петрушина. На протяжении всей жизни она оставалась помощницей и верной под-

*Ежевика
«Изобильная»*

*Малина
«Техас»*

*Антоновка
«Шестисотграммовая»*

*Селекционные сорта,
выведенные И.В. Мичуриным*

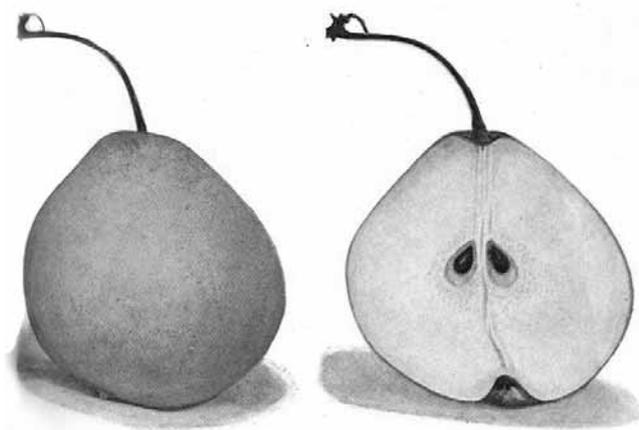
ругой ученого. Поженились они в 1875 году.

Тут в точности повторилась история отца Мичурина: родня, несмотря на то, что давно обнищала, не забыла о своем дворянском происхождении. Они были так возмущены браком Ивана с простолюдинкой, что грозили лишением наследства. Поскольку лишать было уже нечего, Мичурин на это внимания не обратил. Общаться с ним продолжала лишь тетя Татьяна Ивановна.

В 1876-м у пары родился сын Николай, а через год — дочь Мария.

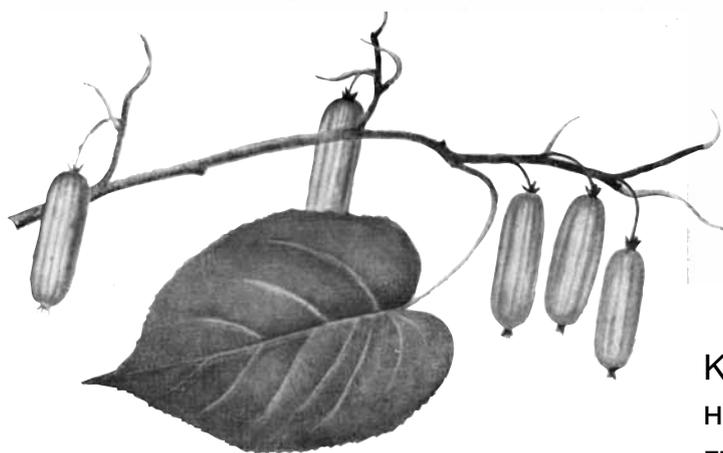
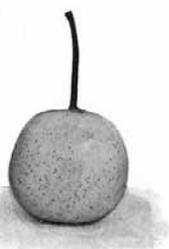
Чтобы обеспечить семью, Иван Владимирович вспомнил о своих технических умениях и открыл в городе часовую мастерскую.

Накопив некоторое количество денег и воспользовавшись банковской ссудой, Мичурин смог приобрести новое поместье. Правда, сразу после покупки половину пришлось заложить, чтобы начать рассчитываться с долгами, однако это не огорчало Ивана Владимировича. Все растения из старого поместья в новое члены семьи переносили на руках, за семь километров. Но именно этому месту суждено было стать родиной легендарных мичуринских

«Бере зимняя Мичуринская»

*Плод груши
дикой
уссурийской
(материнская)*

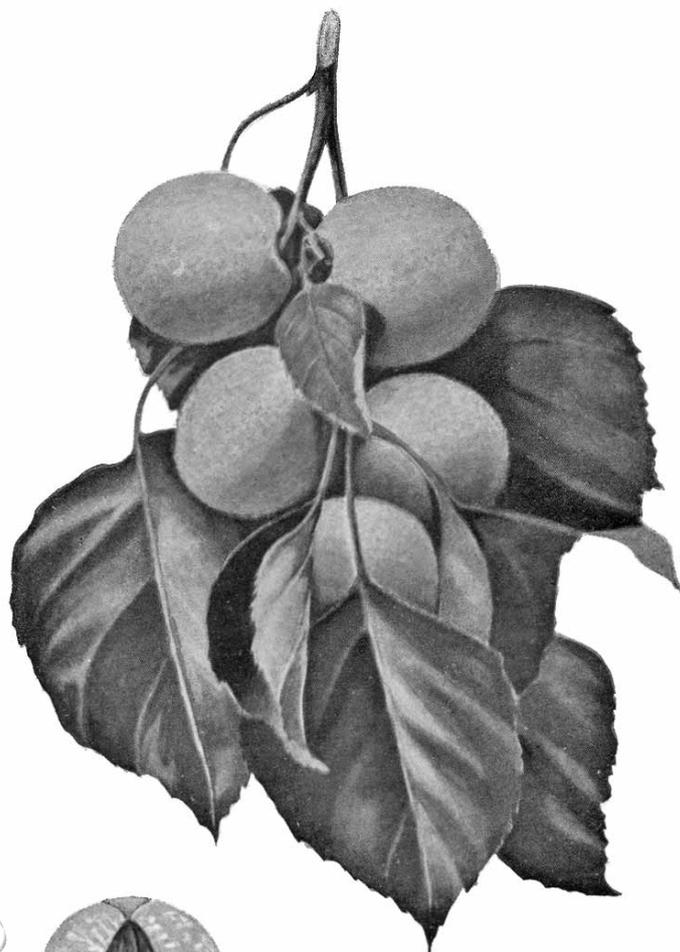

*Актинидия
«Клара Цеткин»*

сортов, которые до сих пор ценятся селекционерами всего мира.

Семье, однако, пришлось пару сезонов прожить... в шалаше, так как денег на постройку дома не было. Питались овощами и фруктами, выращенными самостоятельно, а на оставшиеся крохи покупали хлеб и чай.

Через какое-то время шалаш заменили небольшим домиком, вокруг которого вскоре вырос огромный сад.

*Абрикос «Лучший
Мичуринский»*

К 1893 году на территории поместья насчитывалось уже несколько тысяч гибридных грушевых, яблочных и вишневых сеянцев. Именно Мичурин первым вырастил в средней полосе России абрикос, миндаль, папиросный табак, виноград, персик, тутовое дерево и масличную розу. Службу на железной дороге селекционер к тому времени оставил, полностью посвятив себя любимому делу.

И дело шло! Правда, не совсем так, как хотелось Мичурину. Растения приживались, виды размножались, питомник плодоносил. Но вот коммерческого успеха — в силу малой известности — не было. Иван

*Жена Мичурина —
Александра Васильевна Петрушина*

Владимирович составил полный прейскурант своих сортов и разослал его по всей России. Он включал в себя перечень плодовоощных культур, а также иллюстрации, сделанные самим селекционером. Мичурин, наряду с прочими своими талантами, отлично владел как графикой, так и сложной акварельной техникой.

Это был даже не столько каталог, сколько руководство для садоводов — с указанием цен. Пользуясь знакомствами на железной дороге, Мичурин раздал прейскурант проводникам в поездах, кондукторам и продавцам яблок. Особенного успеха не было, но торговля, так или иначе, шла.

Однако внезапно пришедшая суровая зима погубила значительную

часть трудов. Тогда Мичурин решил бросить все силы на выведение сортов с помощью гибридного скрещивания. Энтузиазма у него было много, а вот инвестиций по-прежнему не хватало.

Только к пятидесяти годам Иван Владимирович обрел известность как селекционер. Однако его огорчало то, что, несмотря на его высокое мастерство, официальные научные деятели отказывались признавать его. Никакие письма в специализированные издания, в научные сообщества и даже императору не могли повлиять на это положение вещей. Возможно, дело было в том, что высшего образования Мичурин так и не получил. Для «высоколобого» научного сообщества это могло быть камнем преткновения.

Однажды он отправил в крупный садоводческий журнал статью о черенковании саженцев черешни. В ответ получил насмешливое письмо о том, что черешня не подлежит черенкованию. Что ж, Мичурин выкопал двенадцать укорененных черенков и без комментариев отправил на адрес издания. Когда редакция извинилась и слезно попросила поделиться способом, Иван Владимирович только гордо промолчал в ответ.

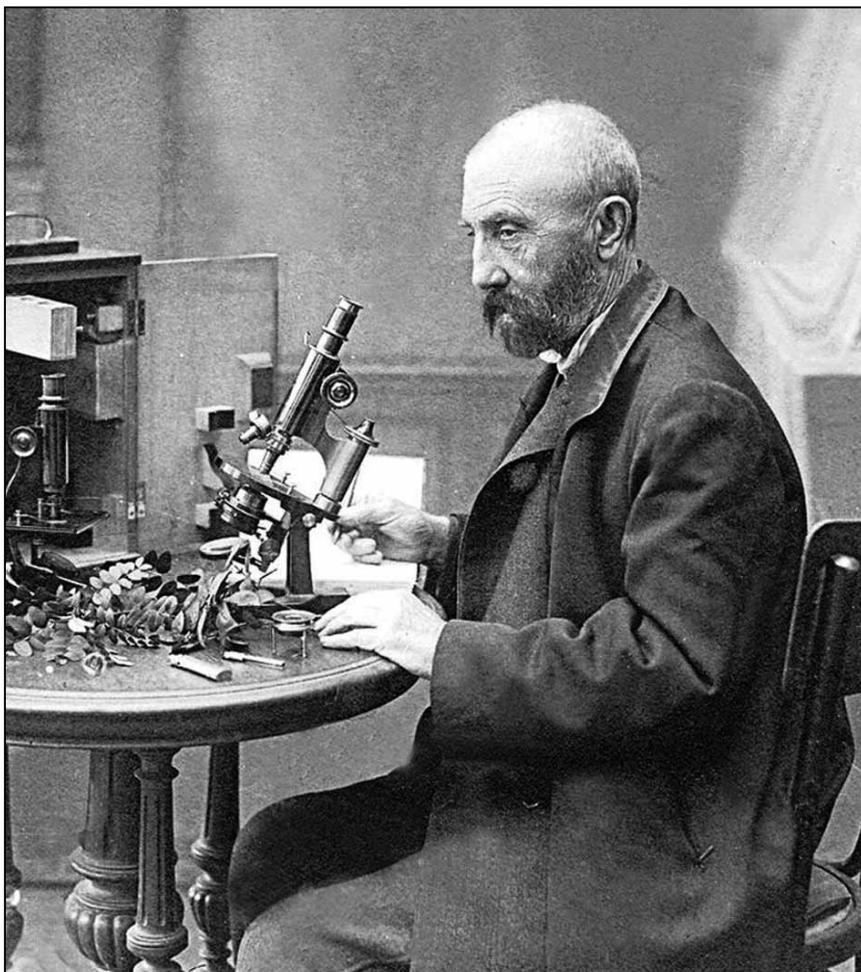
Общение с растениями вообще сделало его нелюдимым. Зато со своими саженцами он мог разговаривать часами, и они оживали, даже если до этого собирались погибнуть. В народе за ним закрепилась слава колдуна. Он разбирался в лечебных травах, готовил мази и отва-

ры, из 10 тысяч семян чутьем определял жизнеспособные.

Но государство все же должно было, рано или поздно, заметить Мичурину. В 1912 году по распоряжению Николая II в Козлов был отправлен некий полковник Салов — для изучения вопроса. В поместье военный сначала принял Ивана Владимировича за сторожа — так скромно и даже неряшливо тот выглядел. Но сады осмотрел и мнение составил.

Через пару месяцев Мичурин получил два царских креста — «За работу по сельскому хозяйству» и «Анну» III степени.

Ученому было уже за пятьдесят, когда он начал печатать свои научные работы. Наконец-то его заметили — причем не только на родине, но и за рубежом: его сорта занимали значительные площади в США и Канаде. В 1898 году Всеканадский съезд фер-

меров после суровой зимы обнаружил, что все старые сорта вишен как европейского, так и американского происхождения в Канаде вымерзли, за исключением «Плодородной Мичурина» из города Козлова.

Настоящей славы и уважения он добился уже после революции: к нему потянулись делегации ученых, появилось множество учеников. Люди постоянно писали ему, чтобы получить его бесценный опыт.

В 1913 году Мичурину предложили переехать работать и жить в Америку и продать свою коллекцию. Не отказывая, он заломил такую цену, что американцы сами пошли на попятный.

Знатные цветоводы голландцы предлагали Мичурину около 20 тысяч царских рублей золотом за луковицы необычной лилии, которая выглядела как лилия, а пахла как фиалка, но с условием, что этот цветок больше не будет выращиваться в России. Он опять отказался.

Шло время. Иван Владимирович не молодедел, и ухаживать за огромным питомником становилось все труднее. Он подумывал о привлечении беспризорников к хозяйственным работам, но началась Первая мировая война, и о планах пришлось забыть.

В 1915 году питомник едва не погиб: весной река, разбушевавшись, вышла из берегов и затопила почти все посадки. Затем ударили морозы,

ко мог, но советская власть его успокоила — ему сообщили, что он будет оставлен при саде в должности заведующего. Вскоре у Ивана Владимировича появились помощники и ученики, и работа продолжилась.

Мичурин придерживался одного и того же графика: вставал в пять утра и до двенадцати работал в саду, с перерывом на завтрак в восемь. В полдень обедал, затем до трех часов дня отдыхал и читал газеты,

Если в его жизни наступала темная полоса, он на время отрывался от растительного мира и занимался тем, что чинил часы и фотоаппараты, модернизировал барометры, изобретал уникальные инструменты для садоводов.

А также смастерил прибор для замера радиации, перегонный аппарат для выгонки из лепестков роз эфирного масла, портсигар, зажигалку, не говоря уже об облегченном двигателе внутреннего сгорания, собранного им для собственных нужд. Все эти «побочные занятия» Мичурин объяснял потребностью «освежить мыслительные потребности»

оставив подо льдом множество растений. А летом в городе началась эпидемия холеры. Александра Васильевна ухаживала за одной заболевшей девушкой и заразилась сама. В итоге девушка поправилась, а жена Мичурина умерла.

Ученый был настолько погружен в свое горе, что революцию, наверное, и не заметил бы, если бы в его питомник не пришли и не национализировали его. В ужасе от происходящего Мичурин жаловался, куда толь-

а также специальную литературу, а еще принимал делегации, которые зачастили к нему. После этого до вечера снова проводил время в питомнике или, в зависимости от погоды и обстоятельств, в своем кабинете. Ужинал он в девять вечера и до полуночи отвечал на письма, после чего ложился спать.

Если же вдруг наступала темная полоса, он на время отрывался от растительного мира и занимался тем, что чинил часы и фотоаппараты, за-

нимался механикой, модернизировал барометры и изобретал уникальные инструменты для садоводов. Также он смастерил прибор для замера радиации, перегонный аппарат для выгонки из лепестков роз эфирного масла, прививочное долото, портсигар, зажигалку, специальную машинку для набивки папирос табаком. Не говоря уж об облегченном двигателе внутреннего сгорания, собранного им для собственных нужд. Не имея возможности купить пишущую машинку, Иван Владимирович сделал ее сам. Была у него и мастерская по изготовлению из воска муляжей овощей и фруктов. Считались они лучшими в мире и были так качественно сделаны, что многие пытались... надкусить их, принимая за настоящие. Сам Мичурин все эти «побочные занятия» объяснял потребностью «освежить мыслительные способности». Впрочем, такой подход тоже можно назвать частью ритуала.

Но зимой 1935-го Иван Владимирович был вынужден отступить от выработанных годами привычек. Он серьезно заболел, ослаб, ничего не ел. Врачи выявили у него рак желудка в тяжелой стадии. К маю ученый уже находился на искусственном питании.

Несмотря на свое состояние, Мичурин продолжал вести дела своего питомника, но уже с помощью учеников, которым ежедневно выдавал инструкции и консультировал по всем вопросам. Он надеялся, что ученики продолжат его дело.

7 июня 1935 года ученого не стало. Могила его находится рядом с основанным им сельскохозяйственным институтом. Основной постулат ученого — «Мы не можем ждать милостей от природы; взять их у нее — наша задача!» — уже давно перешел в разряд народных пословиц и поговорок. □

*Памятник
И.В. Мичурину
в Мелитополе*

Олег Лемашов

Прощальный подарок

Он приехал к бабушке на каникулы в покрытый зноем и пылью сонный городок, посреди выжженных солнцем степей, и наполнил ее жизнь суетой, смехом и смыслом, словно свежий ветер, ворвавшийся в давно не проветриваемое помещение. Он знал здесь все, всех местных мальчишек, приятелей и недругов, всех девчонок-задавак и таких, с которыми вполне себе можно было дружить (хотя этих было наперечет), все высоченные тополя, каждую лавочку у каждого подъезда, каждый выщербленный бордюрный камень, всех кошек и собак округи. Каждый куст в палисаднике, каждая тропинка в лесополосе, протянувшейся вдоль дороги позади их дома, и каждая трещина на потолке в его комнате были не просто ему знакомы, они были его и для него. Как и все, что наполняло это лето на основе святого права, которое могло принадлежать только двум категориям людей: детям и безумцам.

Бабушка, мудрая, как тысячелетний платан, строгая, как скульптура вождя на центральной площади, и справедливая, словно само время, не вмешивалась в его, самые важные на свете, мальчишечьи дела, не ограничивала его во времени и, казалось, интересовалась только тем, чтобы он не умер с голоду, целыми днями пропадая на улице. Она не приставала к нему с нравоучениями, интуитивно чувствуя: ей не перегородить мощный поток его блуждающего внимания, но, безошибочно угадывая момен-

ты, когда он готов был слушать, говорила с ним, находя самые верные и проникающие слова, которые западали в душу и оставались там окаменевшими указательными знаками, направлявшими всю его последующую жизнь.

По вечерам, глядя, как он уплетает ужин, уставший, растерявший за день все силы в пылких сражениях с «пиратами» или «гвардейцами кардинала», она иногда говорила ему: «Как же ты похож на деда, Миша». И тогда Миша просил ее рассказать о бабушке, о том, как тот воевал, как после войны ловил бандитов и однажды даже поймал японского шпиона на Дальнем Востоке, после чего ему пришлось долго лежать в больнице, потому что нещадно промок в сыром болоте, пока был в засаде. Они доставали бабушкины фотографии и ордена. С черно-белых фотографий смотрел совсем не геройского вида обычный молодой человек в гимнастерке с прямым стоячим воротом, и только глаза были очень уставшие, как будто им довелось смотреть на этот мир уже тысячу лет.

Иногда по вечерам звонила мама, справиться, как у них дела, Миша нетерпеливо отвечал, что у него все хорошо, передавал трубку бабушке и бежал смотреть мультики на стареньком черно-белом телевизоре «Горизонт». Бабушка подробно рассказывала о том, что он ел, во что был одет, как они ходили в магазин или за квасом, но никогда не делилась тем, сколько хлопот он доставлял, с кем подрался во дворе и что в очередной раз натворил. Впрочем, как и Миша никогда не жаловался маме, что был наказан за ту или иную проказу, как например, когда его за ухо привел к бабушке сосед с третьего этажа, поймавший его за метанием ножа в деревянную дверь подвала, отчего та приобрела вид боевого щита викинга, прошедшего много сражений.

На кухне из крана звонко капала вода, на стене едва слышно тикали потемневшие от времени часы, за тонкими панельными стенами веселились, бранились и просто жили соседи, а за окном бежало время, обтекая простенько обставленную бабушкину квартиру, где они были счастливы вдвоем. Так проходило их лето.

Над ними, на втором этаже, жила застывшая в своем горе, как мухи в янтаре, семья из двух старух и непомерно толстой девочки-дурочки, которая не могла промямлить даже собственное имя. Старухи, похоже, были сестрами, неотличимыми друг от друга, как две скорбные тени, и, как говорили во дворе, одна из них была, кажется, матерью, а другая тетей этой девочки с огромным телом, над которой жестоко смеялись мальчишки, если, конечно рядом не было никого из взрослых.

Девочка изредка сидела на скамейке перед подъездом или прогуливалась вдоль палисадника, подальше от отворачивавшихся соседей, насме-

шек и улюлюканья жестокой детворы. Неизменно в сопровождении своих скорбных стражей. Но чаще она сидела у окна, неподвижно, как глубоководная рыба, помещенная в аквариум, ничего не выражающими глазами рассматривала все, что происходило снаружи, или водила пальцем по стеклу, повторяя контуры миров, видимых только ей одной.

Миша никогда не надсмехался над несчастной толстухой, но старался держаться от нее подальше. Она, в сочетании с безмолвными старушками, вызывала ощущение тяжести у него в душе, природу которого он осознать и объяснить не мог, да и не стремился, поскольку этому всему не находилось места в его мире, наполненном играми, солнцем, тайными походами на речку, футболом и вечным соперничеством с рыжим Ромкой и его шайкой.

Поэтому, когда однажды утром, после завтрака, его, торопливо обуваящегося на пороге, остановила бабушка и сказала, что ему нужно подняться на второй этаж и постучать в дверь, в эту обитель скорби, он искренне удивился:

— Зачем?

— Пообщаешься с девочкой, с тебя не убудет.

— Но, бабуль, мы сейчас в футбол с пацанами собрались. Меня уже ждут.

— Ничего, потом поиграешь. — Взгляд бабушки был мягок, но очень серьезен.

Миша вздохнул — этот взгляд, говоривший, что лучше не спорить, выполнить работу, которую тебе поручают, а потом уже со спокойной совестью гулять сколько влезет, он знал хорошо, — и взлетел на второй этаж. Тени-старухи, видимо, уже ждали его, и дверь распахнулась еще до того, как он успел нажать на звонок. Его провели в комнату, полы и окна которой были заставлены цветами и комнатными растениями. Солнце, пробиваясь сквозь стебли и листья, наполняло комнату причудливым переплетением шевелящихся теней. Посадили на стул напротив толстой девочки, и Миша сразу почувствовал себя неудобно. Смотреть на нее было неприятно: большое круглое лицо, губы, словно вылеплены неумелой рукой из пластилина, жиденькие черные волосы, собранные в тугий хвост на затылке, пухлые руки с короткими толстыми пальцами, безразмерное платье неопределенных серых расцветок ниже колен.

Одна из старух шепнула ему, чтобы он не боялся, вторая ободряюще покивала головой, после чего обе тени отползли к дверям комнаты, где и замерли, выжидательно смотря то на него, то на нее.

«А я и не боюсь», — подумал Миша.

Затянувшееся молчание заволочло пространство комнаты тяжестью, и, когда воздух стал ощутимо увесистым и уже начал давить на плечи, он глубоко вдохнул и сказал:

— Привет!

— Привет! — Звонкий голос прожурчал как ручеек, скачущий по камням, и воздух в комнате вновь стал невесомым.

Никогда раньше не слышавший ее голос, Миша удивился и впервые прямо посмотрел ей в глаза. Они были чистые и бездонные, как две Маринские впадины, на дне которых плавают загадочные огоньки. Он увидел, что она смеется, но не над ним, не над его робостью, а оттого, что вся состоит из света и радуется ему. И Миша улыбнулся в ответ:

— Меня зовут Миша.

— А меня зовут Маша. Я знаю, ты приехал на лето к бабе Клаве и живешь на первом этаже прямо под нами.

— Да, я каждый год приезжаю.

— Я знаю, ты любишь играть во дворе и рассказывать друзьям истории, которые прочитал в книжках. А иногда ты их сам сочиняешь, и мне кажется, что твои истории даже интересней.

— Правда? А откуда ты знаешь? Я же тебе никогда не рассказывал!

— А ты расскажи!

— Расскажу обязательно.

И он начал взахлеб рассказывать — о книгах, которые прочитал, о дворовой собаке Чапе, у которой появились щенки, о море, которого он никогда не видел. Во дворе уже закончили играть в футбол, и ребятня затеяла игру в выбивалы, которую Миша обожал, но теперь даже не реагировал на азартные крики, доносившиеся из окна.

Когда он уходил, одна из старушек шепнула ему в дверях:

— Спасибо, что поговорил с Машенькой, Миша, ты очень добрый мальчик.

Он искренне удивился: за что его благодарят, ведь он ничего такого не сделал, а общаться с Машей оказалось совсем не в тягость, и вообще, его переполняла радость от зарождавшейся новой дружбы. Он только и сказал на прощанье:

— Я еще приду.

Вечером бабушка похвалила его за то, что он поговорил с Машей.

— Что в этом такого особенного? — пожал плечами Миша.

— Ну, знаешь, с ней ведь, поди, не очень интересно, она ведь молчит все время, и во дворе всякое болтают.

Миша в ответ весело рассмеялся:

— Молчит? Да она ужасная болтунья! — и убежал посмотреть вечерний мультфильм.

Он стал заходить на второй этаж, чтобы поболтать с Машей, все чаще, и все реже появлялся во дворе. Оказалось, что две скорбные тени, жившие с Машей, это не ее мать и тетка, а бабушка со своей сестрой. Баба Валя и баба Шура. А настоящая мама бросила Машу почти сразу после ее рождения и жила теперь где-то в другом городе. Но Маша на нее не обижалась, сказала, что давно простила ее.

Миша бросал все игры со сверстниками, когда Машу изредка выводили на прогулку, и неизменно составлял ей компанию, что вызывало недоумение у всех, кто наблюдал эту картину. Но что им до косых взглядов и пересудов, если во время недолгих встреч они не успевали наговориться обо всем, что их переполняло! Они словно отгораживались от внешнего мира в полупрозрачном хрустале собственной вселенной, за пределами которой почти не замечали мелькание человеческих теней, кружащихся в каком-то странном суетливом хороводе. Они были слишком выделяющимися, и, конечно же, дворовое сообщество не могло долго оставлять их в покое...

Рома почесал непослушные рыжие вихри, потом смачно сплюнул и бухнулся на лавочку рядом со своим старшим братом Коляном. С другого конца примостился худощавый Олег, а Андрей примостился перед ними на корточках. Вся компания дружно гоготала над каждым словом Коляна, который живописно повествовал о своих похождениях в лагере, из которого только что вернулся. Как он отметелил какого-то оборзевшего чувака, и как тот потом ныл «как баба» и до конца смены прятался от Коляна, где только мог.

— Здорово ты его! — вставил Рома, но Колян ничего не ответил, словно и не слышал.

Рома разочарованно отвернулся и вдруг наткнулся взглядом на сидящих у соседнего подъезда Машу и Мишу. Бабушки настолько привыкли к мальчику, что иногда оставляли Машу с ним.

— Гляди, тупая корова и ее женишок! — заорал Рома.

Колян и все пацаны, как по команде, обернулись и осклабились..

— Эй, Мишаня, поцелуй невесту, чего стесняешься? Или не хватает рук, чтобы ее обнять?

Грянул шквал хохота. Рома, довольный собой, смеялся громче всех.

Но тут в открытое на первом этаже окно почти по пояс высунулся дед Семен в выцветшей майке:

— Ах, вы, паршивцы! Я сейчас выйду и выбью из вас всю дурь!

Компания тут же сорвалась прочь от подъезда.

Миша сидел, весь потемневший от гнева, и до боли сжимал кулаки.

— Миш, — позвала его Маша, — ты чего?

— Я им отомщу, этот Ромашишка у меня за все ответит!

— Да брось, это того не стоит. К тому же их много.

— Я тоже не один, я ребят позову. Один Санек чего стоит, знаешь, он какой? Никогда не отступит!

— Дело не в этом, Миш. Тут не с кем биться. Я ведь вижу, что у них внутри. Этот Рома, он ведь просто трус. Ты не представляешь, в каком страхе он постоянно живет. Все, что он делает, это от желания скрыть свой страх. Он боится многого: брата, чужого мнения, но более всего — одиночества. Это приведет к тяжелым последствиям в его жизни. Оставь, его можно только пожалеть.

— Ты серьезно? Пожалеть? Его?

— Да, Миша! Я вижу его дальнейшую судьбу, поверь, никто не сможет его наказать более сурово, чем он сам.

Миша подумал немного над словами Маши и кивнул головой:

— Ладно, пусть так.

Они поднялись, и он осторожно повел ее домой.

Как вскоре выяснилось, даже верные друзья — Санек из четвертого подъезда и Игорек в соседнего двора — не понимали и не принимали эту странную дружбу, что привело, в конечном итоге, к ссоре, когда однажды Санек напрямую спросил:

— Слушай, что ты возишься с этой полоумной?

— Она не полоумная, — сразу же насупился Миша.

— Ну, как знаешь, а по мне, так она полностью вольтанутая.

Игорек примирительно положил руку на Мишино плечо и серьезно сказал:

— Послушай, мы все понимаем, девочка не виновата, что она такая, но, блин, над тобой уже весь двор смеется. Знаешь, что Ромка говорит? Что ты водишься с чокнутой, потому что сам такой же.

Это был болезненный удар: если такое услышишь от поганого Ромашишки или его дружков — одно дело, но услышать от близких друзей — это обиднее вдвойне.

— Раз так, то и катитесь к своему Ромашишке!

— Ты объясни только, что в этом интересного, — продолжал напирать Саня, — она ведь даже говорить не умеет, мычит как корова. Тебе что, с ней интереснее, чем с нами?

Миша потрясенно смотрел на друзей, с неприятным удивлением осознавая, что окружающие, оказывается, совсем не обязательно видят мир таким же, каким видит он.

— В общем, так, — подытожил Игорь, — выбирай: или ты с нами водишься, или с этой дурочкой.

В повисшей тишине, казалось, даже падающий тополиный пух неподвижно завис в воздухе, ожидая ответа. И тогда Миша произнес слова, изменившие его дальнейшую жизнь. Дело было даже не в самих словах, а в принятом решении пойти против мнения большинства, потому что так правильно.

— Сами вы дураки, — тихо сказал он и, развернувшись, быстро зашагал прочь.

Идти к Маше ему не хотелось, после ссоры с друзьями он сердился на нее, хотя в глубине души понимал, что она ни в чем не виновата перед ним.

Расстроенный и сердитый, он шел, сшибая ногами одуванчики, куда глаза глядят, и внезапно остановился, поняв, что вернулся в свой двор. Осмотревшись, Миша увидел, что все лавочки у подъездов заняты, кругом мельтешила детвора. У его подъезда вообще образовалось сборище из местных старушек, да еще и Алина со своей старшей сестрой Женей. Алина, удивительно красивая, с голубыми глазами Мальвины, из фильма про Буратино, изводила его насмешками и придирками при каждом удобном случае, а Женя, хоть сама и не говорила ему ничего обидного, но всегда одобрительно посмеивалась над остротами младшей сестры и смотрела на Мишу снисходительно, как на глупое недоразумение, с которым приходилось мириться, поскольку мир вообще полон глупых несуразностей, и удивляться этому нет никакого смысла.

Из подъезда вышел внук бабы Зины, полноватый увалень, он был младше Миши на год, но ростом выше на полголовы. Кажется, его звали Толик, он приехал, как и Миша, на лето к бабушке и безуспешно пытался с кем-нибудь подружиться. Увидев Мишу, тут же поспешил к нему, улыбаясь и протягивая руку:

— Привет, я Толик.

— Да хоть Лелик и Болек, — огрызнулся Миша и сухо пожал протянутую руку.

Отвернувшись от застывшего Толика, он скользнул взглядом по окнам второго этажа и увидел в окне Машу, ему показалось, что она чем-то не просто встревожена, а напугана. А еще как будто пытается предупредить его о чем-то: «Берегись!» Но это, конечно, полная ерунда, как он мог услышать ее через закрытое окно, да еще с расстояния метров пятьдесят? Миша сердито отвернулся и зашагал к самому дальнему подъезду, единственному, у которого лавочки были пусты. Сев на самом солнцепеке, он

проигрывал в голове произошедшую ссору, иногда порываясь побежать обратно и помириться с друзьями, но потом вспоминал Машу и понимал, что не сможет отказаться от общения с ней. Вот и сейчас он так нехорошо отвернулся от нее и ушел, хотя она что-то пыталась сказать...

Асфальт перед глазами вдруг стал раскачиваться вправо-влево, Миша провел рукой по лбу и увидел, что она вся мокрая от выступившего пота. «Нужно пойти к Маше, — подумал он, — и спросить, что она хотела сказать. Что-то важное...»

Момент, когда сознание покинуло его, он не заметил.

Очнулся Миша в своей кровати. Голова была, как чугунный котелок, по которому с размаху въехали половником, а во всем теле была такая слабость, что он даже не смог сжать ладонь в кулак. Но на лбу лежало мокрое полотенце, и это было приятно.

— Бабуль! — позвал Миша и сам удивился, каким слабым прозвучал его голос.

В комнату вплыла бабушка и склонилась над ним:

— На-ко вот, выпей. Тебе нужно побольше пить.

— Что случилось, бабуль?

— Солнечный удар, милый, тебя поразил солнечный удар. Хорошо еще, что дружок твой Сашка сразу прибежал и рассказал.

— Сашка рядом был?

— Да, а ты что, не помнишь?

— Я один был, мы с ним поссорились.

Бабушка пожала плечами.

— Ну, значит, рядом болтался, — пожала плечами бабушка. — Неважно, отдыхай. Ты как себя чувствуешь?

— Не очень, похоже, будто я гриппом болел, только хуже.

— Ничего, придется потерпеть, скоро пройдет. Но несколько дней ты проведешь дома, под наблюдением.

— Ладно, бабуль, дай еще попить.

— Хорошо, сейчас принесу. Что-то еще хочешь?

— Спать.

— И то ладно, спи.

Два дня Миша не вставал с постели, проваливаясь в сны, наполненные липкими видениями. В этих снах он вновь сидел на солнцепеке у последнего подъезда. Дверь в подъезд была открыта, и там можно было спрятаться от палящих лучей, но он не шел туда, потому что знал: что-то страшное и пропитанное неистовой злобой шевелилось и смотрело на него, прячась в густой тени. Он порывался развернуться и убежать оттуда,

но всегда оказывалось, что ноги вращались в землю, и не было ни малейшей возможности сдвинуться с места.

А потом в этих снах наступал момент, когда расстояние между лавочкой и зияющей пастью подъезда начинало сокращаться, приближая его к шевелящейся тьме, и он начинал слышать неразборчивый, свистящий шепот множества голосов, а может, всего одного, размноженного эхом. И когда ледяной ужас настолько охватывал его, что он не мог не только пошевелиться, но даже уже и дышать, всегда раздавался зовущий голос Маши, и его уносило прочь из этого места и этого сна, и он просыпался.

Однажды, вырвавшись из липких объятий очередного кошмара, Миша обнаружил, что продолжает слышать голос Маши, зовущий его по имени. «Маша, — мысленно позвал он в ответ. — Маша, это ты?» И она ответила ему залившимся смехом.

«Я тебя слышу, Маша! Но как это возможно вообще?»

«Разве не все равно? — рассмеялась она. — Главное, что мы можем разговаривать, даже не видя друг друга!»

«Маша, ты знаешь, мне снятся кошмары, в этих кошмарах я слышу твой голос, и это меня спасает».

«Я знаю, я видела. — Ее голос стал печальным. — Не бойся ничего, я буду присматривать за тобой. Ты скоро поправишься».

Теперь они могли беседовать подолгу, но оказалось, что от этих безмолвных, никому не слышимых разговоров он очень быстро уставал, и тогда Маша настаивала, чтобы он замолкал и отдыхал. Видимо, ей самой нелегко давались их разговоры, потому что Миша иногда чувствовал, как слабеет ее голос, и тогда уже он настаивал: «Все, конец связи, будем отдыхать».

Бабушка приводила участкового врача, Зинаиду Петровну. Осмотрев Мишу, пожилая женщина с суровой морщиной между бровей и блеклыми глазами, повидавшими много чужих страданий, прописала ему покой и обильное питье, по сути, не прибавив ничего к тому, что бабушка и так ему давала.

На третий день Миша нетвердым шагом пришлепал на кухню, где бабушка у окна предавалась своей страсти — разгадыванию кроссворда, и произнес: «Бабуль, я ужасно голоден».

Обрадованная бабушка тут же поставила перед ним тарелку с гренками. Утолив голод, Миша поднялся с табуретки и посмотрел на бабушку:

— А теперь я пойду к Маше.

— Ох, милый, Маша больна, нельзя к ней, ей нездоровится, — всплеснула она руками.

— Давно?

— Да на следующий день, как тебя без сознания принесли, слегла. И участковая наша бестолковая, ничего понять не может, бедная баба Валя уже не знает, что и думать.

Миша замер, озаренный внезапной догадкой, и проговорил:

— Мне все же нужно к ней подняться.

Баба Валя как будто ждала его (дверь распахнулась, едва только он успел дотронуться до звонка) и тотчас провела его в комнату к Маше. Маша лежала все на том же диванчике, который теперь был разложен и занимал почти половину ее небольшой комнаты. Лицо осунулось, тени пролегли под глазами, которые тут же вспыхнули радостью, когда она его увидела.

Баба Валя отошла и встала за порогом комнаты, как всегда наготове, чтобы прийти по первому зову, да и просто из женского любопытства. Но в комнате царила абсолютная тишина, и это было странно. Баба Валя прожила долгую жизнь, наполненную несправедливыми ударами судьбы и редкими всполохами счастья, а потому остро чувствовала, когда нужно довериться жизненному потоку, который течет всегда не так, как нам хочется, но всегда правильно. Предчувствие в тот момент говорило ей, что не надо вмешиваться в это странное молчаливое общение детей, и она стояла, нелепая, как часовой у врат давно разграбленного города.

А дети, между тем, продолжали общаться. Миша горячо говорил девочке:

— Что же ты мне не сказала, Маша? Это ведь не из-за того, что мы болтали, так? Наши разговоры отнимают силы, но не настолько же, и мы ведь старались не говорить много и прерывались, когда уставали. Только это я прерывался, а ты продолжала звать меня, когда я погибал в своих ужасных снах, ты не давала мне пропасть! И вот теперь сама заболела!

— Не переживай, мне уже лучше. И эти сны... Они больше не вернуться.

— Ты же все знаешь, Маша. Скажи мне, это ведь не просто ночные кошмары, да? Это была реальная опасность?

— Да. Ты был в опасности. Но теперь все позади.

— Но что это было?

В комнате стояла настолько мертвая тишина, что, казалось, слышно было, как испуганно шепчутся цветы в горшках на подоконнике.

— Расскажи мне, Маша...

Миша сидел на лавочке у своего подъезда, тихий и задумчивый, чувствуя, как привычный мир вокруг трещит по швам. У подъезда бегали дети, подходили соседи, здоровались, подсаживались и уходили. Он механически здоровался, что-то отвечал, если спрашивали, но совершенно не вникал в это мельтешение жизни, которое не имело для него никакого

значения. Он прятал глаза, натягивая глубже кепку, без которой бабушка теперь не выпускала его на улицу, памятуя о перенесенном им солнечном ударе. Белоснежная кепочка призвана была уберечь его от коварного светила, вот только толку от нее было не больше, чем от ржавой бутылочной крышки, потому что теперь Миша знал, что это не солнце и не жара «послали его в нокаут» и уложили в постель почти на три дня.

Он сидел отрешенный, осознавая, что он теперь, возможно, один на всем свете, не считая, конечно, Маши, знает о существовании вещей, которые не могут существовать в нормальном мире. Это был невыносимо тяжелый груз для человека, прожившего на этом свете всего одиннадцать лет, и он жег его изнутри, угрожая разлиться, как магма из вулкана.

— Мишка, Мишка, где твоя улыбка, полная задора и огня! — громко пропел Санька, плюхнулся рядом на скамейку и хлопнул Мишу по плечу.

— Привет, я и не заметил, как ты подошел.

— Как ты?

— Уже нормально. Слабость только пока не отпускает.

— Слушай, Миш, — каким-то извиняющимся тоном произнес Санек. — Ты это... Мы тогда с Игорем не то хотели сказать. То есть...

— Не здесь, — прервал его Миша. Он вдруг почувствовал себя неизмеримо старше своих друзей. — Где Игорек, знаешь?

— Его мать за квасом послала, только что с бидоном пробегал.

— Как вернется, сгоняй за ним, я буду ждать вас на школьном стадионе.

— А чего там, может, на нашем месте?

— Нет, нужно подальше от двора, чтобы нас не было слышно.

— Да нас и так никто не слышит.

— Услышит... В общем, просто поверь, что лучше встретиться там.

Проводив взглядом Сашу, Миша поднялся с лавочки и посмотрел на окно Маши. Ее не было видно, и не нужно было гадать, почему — у нее уже не было сил подходить к окну.

Всю дорогу до школьного стадиона Миша шел, проталкиваясь сквозь тяжелые мысли. Что нужно делать, он еще не знал, но твердо знал, что нужно разделить с кем-нибудь эту ношу.

Школьный стадион — площадка с вытоптанной травой, двумя футбольными воротами и турниками с краю — был пуст. Миша присел на траву в дальнем конце поля и, прислонившись спиной к старому вязу, стал ждать.

Вскоре появились Санек с Игорьком. Увидев Мишу, они неспешно направились к нему, попутно оживленно споря о чем-то.

— Да чушь все это, вкуснее пепси ничего не бывает, — говорил Игорек.

— Я тебе не вру, мне отец сказал, что в Москве продается кока-кола, и она намного вкуснее. И Витька со второго подъезда то же самое говорил, спроси у него, — кипятился Санек.

Они уже подошли к Мише, и Санек обратился к нему, призывая в свидетели:

— Миша, подтверди, ты же слышал, как Витька рассказывал про кока-колу?

Миша вздохнул, глядя на друзей. Он вдруг понял, что не знает, как начать разговор, задача оказалась сложнее, чем ему представлялось сначала.

В самом деле, как рассказать о том, чему нет места в этом мире, если, конечно, в нем до сих пор по небу летают самолеты, по дорогам ездят машины, а в магазинах изредка продают пепси-колу.

— Послушайте! То, что я хочу вам рассказать... В это, наверное, будет трудно поверить. И еще, я вас прошу: это должно остаться только между нами.

— Я — могила, — заверил Санек.

— Само собой, — отозвался Игорь, — валяй!

И тогда Миша заговорил, иногда прерываясь, чтобы унять волнение, но чаще из-за того, что непросто было найти слова, способные передать то, чему он стал свидетелем и невольным участником в последние дни. Они были совершенно одни, сидящие у краешка пустого футбольного поля, и только теплый июньский ветер, да склонившийся над их головами старый вяз могли слышать, как неровно стучат от волнения их сердца.

Когда он закончил, воцарилась тишина, нарушаемая лишь шуршанием листвы.

Наконец Игорек высказался первым:

— Ну, Миша, это самая крутая из всех твоих историй! Как ты все ловко заплел в одну кучу и этот солнечный удар, и эту странную Машу.

— Это все правда, с первого до последнего слова.

— Да не гони, Миша! Ты, конечно, рассказывать мастак, но за дураков-то нас держать не надо, — хмыкнул Игорь и повернулся к Сашке: — Сань, чего ты молчишь?

— А я верю. — Сашка был непривычно серьезен и смотрел себе под ноги.

— Хочешь сказать, что веришь в то, что наш Мишаня может мысленно общаться с Машей, которая, оказывается, вовсе не дура с котелком, набитым соломой? И что она спасла его от неизлечимой болезни, приступ которой все приняли за солнечный удар, и теперь сама от этого умрет?

— Не обзывай ее больше, если хочешь остаться мне другом. Никогда, — тихо произнес Миша, твердо глядя Игорю в глаза.

— Ладно, ладно! — замахал тот руками. — Но, блин, все равно, как это возможно? Ты что, не знал, что болен?

— Не знал. У меня бывали сильные головные боли. Но я думал, это или от жары, или еще отчего-то там... Маша говорит, опухоль в мозгу, ее трудно распознать, а когда о ней узнают, чаще всего бывает слишком поздно.

— Но она-то откуда об этом знает?

— Я же говорю, она особенная, ребята, она очень много знает, потому что видит людей насквозь.

— Как рентген, что ли?

— Нет, не как рентген, не так. Она видит людей, все, что их наполняет, их страхи, желания, хорошее и плохое, все, что их беспокоит, о чем они мечтают. А также их болезни.

— Так ты что, без нее умер бы?

— Не сейчас, но довольно скоро, — кивнул Миша и, помолчав, дрогнувшим голосом добавил: — А теперь она умрет, потому что, спасая меня, растратила все свои силы. Она слабеет с каждым днем.

Игорь откинулся и упал навзничь на траву:

— Обалдеть! Знаешь, я все равно не могу в это поверить, это все как-то... Так не бывает!

— А я верю, — опять повторил Саня, глядя куда-то себе под ноги, — я тоже ее слышал, — тихо добавил он, все так же не поднимая взгляд от земли.

— Машу?! — воскликнули Игорь и Миша в один голос.

— Да. Когда нашел тебя без сознания... Это она мне сказала, что ты в беде, и чтобы я бежал к последнему подъезду, где ты свалился под лавку. Рядом Витька был с братом, и Лешка с Олегом, но только я ее слышал, она звучала у меня в голове, так, как ты и сказал. Поэтому я верю каждому твоему слову.

Притихший Игорь смотрел на друзей, переводя взгляд с одного на другого.

— Так что? Она, значит, скоро умрет?

— Да, она... — Миша осекся, потом, опустив лицо вниз, продолжил: — Она не хотела говорить, но... У нас с ней особая связь, мы чувствуем и даже видим иногда мысли друг друга, и я увидел то, что она знает. У нее осталась неделя, может, две.

— Так ее надо в больницу срочно! — вскочил Игорь.

— Совсем ничего нельзя сделать? — Санька кашлянул, чтобы скрыть внезапно севший голос.

— Никто не поможет, — покачал головой Миша. — Я видел, как это будет. Никто даже не поймет, что она умерла. Никто! Даже ее бабушки.

— Ты поэтому собрал нас подальше от двора, чтобы она не услышала, о чем мы тут говорим? — спросил Игорь.

— Да, — кивнул Миша. — А еще, чтобы посоветоваться. Что можно подарить человеку, который умирает?

— А если бы ты умирал, — осторожно спросил Санек, — чего бы ты хотел?

Миша задумался и выдохнул:

— Наверное, не оставаться одному, пока все не случится.

... В это лето некоторое время изумленная детвора и вездесущие старушки, вечные сторожевые у подъездов на лавочках, могли наблюдать странную картину: прогуливающуюся толстую девочку, местную «дуреху», с трудом передвигающую непослушные ноги, в сопровождении трех мальчишек, каждый из которых был на голову ниже ее. Что за странная дружба могла объединять этот нелепый квартет? О чем они беседовали так увлеченно и над чем смеялись?

Многие из тех, кто стал свидетелем этой непонятной, нелогичной дружбы, ловили себя на странных, неуютных ощущениях. Будто им вдруг напомнили о чем-то давно забытом, полустертом из памяти — о растворившемся поутру волшебном сне. Когда смутно помнишь, было же что-то прекрасное и настолько большое, что нет ему места в этом колючем мире, пытаешься цепляться за ускользающие образы, но тщетно, они тают, оставляя после себя лишь ощущения теплоты и светлой грусти. Светлой, потому что в глубине души каждый чувствовал: все утерянное когда-нибудь вернется.

Вскоре Маша слегла. Мальчишки продолжали проведывать ее, причем очень часто, иногда по несколько раз в день. Баба Валя и баба Шура ничего не понимали, но не препятствовали, чувствуя, что происходит что-то важное, быть может, главное в жизни несчастной девочки. Пока в один из дней она вдруг не смогла встать и лежала в постели, вода бессмысленным взглядом вокруг и не узнавая никого.

Миша тихонько мысленно позвал ее, но она не отозвалась.

И тогда он сказал друзьям, пряча предательски заблестевшие глаза:

— Все кончено, это уже не она. □

ПЕВИЦА ЖЕНСКОЙ НЕВОЛИ

О ней писали русские
литературные
критики
Добролюбов,
Белинский.
Ее стихи включались
в школьные
хрестоматии,
и многие из них
заучивались
наизусть

Меня гнетет тоски недуг...

В Ярославской области среди полей затерялось село Субботино. Здесь и появилась на свет 11 июля 1824 года в семье местного помещика, чинов-

ника особых поручений при ярославском губернаторе Валериана Жадовского дочка, которую нарекли Юлией. Но радость родителей была омрачена тем, что дочка родилась инвалидом: плохое зрение,

без левой руки, а на правой — всего три пальца.

На четвертом году жизни Юлии умерла ее мать, и овдовевший отец отдал ее на воспитание бабушке Готовцевой, которая полюбила внучку и создала все условия для ее развития. Уже в пять лет она научилась читать, и книги стали ее настоящим увлечением. Как вспоминал ее брат: *«Она поглощала все то, что заключала в себе небольшая библиотека бабушки. Так росла она, пользуясь деревенской полной свободой, на лоне природы, под благотворным влиянием которой складывался характер девушки, мечтательный, вдумчивый, терпеливый».*

Для получения дальнейшего образования тринадцатилетнюю девочку отец отправил к ее тетке А.И. Готовцевой-Корниловой, которая писала стихи и часто публиковалась в «Галатее», «Московском телеграфе», «Сыне Отечества». Великий Пушкин на ее приветствие ответил ей в бытность свою мадригалом *«И недоверчиво и жадно смотрю я на твои цветы...»* Тетка очень серьезно отнеслась к воспитанию племянницы. Обучала ее французскому языку, географии, истории, знакомила не только с отечественной, но и зарубежной литературой. Она же и привила у девочки любовь к поэзии.

Через год Юлию определили в пансион Прево-де-Люмьен. Но преподавание в пансионе ее не удовлетворяло, о чем она сообщила отцу. Он вызвал дочь в Ярославль и при-

гласил в качестве домашнего учителя молодого талантливого преподавателя местной гимназии П.М. Перевлесского. Тот был очень доволен успехами своей ученицы, старался поддерживать ее стремление к творчеству, и благодаря ему ее первые произведения были напечатаны.

Молодые люди, объединенные общими интересами и увлечениями, полюбили друг друга. Но когда они заявили о своем желании пожениться, грубый и деспотичный отец и слушать не захотел о браке своей дочери с каким-то сыном рязанского дьячка. Он принял все меры, чтобы учителя перевели в Москву. Впоследствии Петр Миронович стал профессором Александровского лицея и опубликовал ряд интересных работ по русской литературе.

А Юлия, примирившаяся с суровым решением отца, всю жизнь хранила память о большой и несчастной любви. Вообще, на долю девушки выпало немало горя и душевных страданий. Но ни слабое здоровье, ни деспотизм отца, ни трагедия несостоявшейся любви не сломили воли к жизни и творчеству. Позднее в письме к Ю.Н. Бартеневу она напишет: *«Дай Бог всякой женщине выбиться из-под гнета сердечных страданий, несчастий, неудач и горя, не утратя сил и бодрости духа. Любовь для женщины, особенно первая (а первой я называю и последнюю, то есть ту, которая всех сильнее), есть проба сил и сердца. Только после такой любви формируется ха-*

ракетер женщины, крепнет воля, является опытность и способность размышлять».

Чтобы сгладить боль утраты и одиночество, Юлия взяла на воспитание сироту — двоюродную сестру Н. Готовцеву, которая потом выйдет замуж за профессора Демидовского лица В.П. Федорова. Последняя писала о ней: «Наружность Жадовской была очень симпатична. Она была

никогда никто не видел ее мрачной и унылой, она так умела скрывать свои физические и душевные страдания, что даже самые близкие люди едва замечали их. Соображая всю ее жизнь, приходишь к заключению, что она была глубоко несчастна, и удивляешься, как до самой смерти она могла сохранить такую ясность духа, такую ровность характера».

Отец, узнавший о таланте дочери, стал способствовать ее поэтическим занятиям. Он выписывал разные литературные журналы, несмотря на ограниченность средств, возил дочь в Москву, Петербург. Юлия познакомилась с Тургеневым, Погодиным, Аксаковым, Вяземским. Ее стихи начали печатать в ряде журналов. В 1896 году вышел первый сборник ее стихотворений, и Виссарион Белинский сразу отметил бесспорный талант молодой поэтессы, а, по словам Аполлона Григорьева, стихи Жадовской «замечательны по искренности и нежности чувства»

среднего роста, тонка и чрезвычайно грациозна в молодости, несмотря на свой недостаток. Цвет лица у нее был очень нежный, длинные, густые, мягкие как шелк, волосы орехового цвета, опускались ниже колен. Глаза темно-серые, задумчивые и грустные, ноги были замечательно хороши и гибки. Характер ее был чрезвычайно ровный, веселый и даже резвый от природы; со временем горе и тяжелая жизнь уничтожили в ней живость и шаловливость, но

Счастье быть всегда самим собой...

Отец, узнавший о таланте дочери, чтобы хоть несколько искупить вину перед ней, личное счастье которой он так грубо разрушил, стал способствовать ее поэтическим занятиям. Он выписывал разные журналы, несмотря на ограниченность средств, возил дочь в Москву, Петербург. Она познакомилась с И. Тургеневым, М. Погодиным, И. Аксаковым, П. Вязем-

ским. Ее стихи стали печататься в ряде журналов. А в 1846 году в столице вышел первый сборник ее стихотворений, благосклонно встреченный читателями и критикой. Неистовый Виссарион Белинский отметил бесспорный поэтический талант поэтессы. Позднее Юлия Валериановна с благодарностью вспоминала о нем: «Он один умел, хотя и резко, но верно обозначить достоинство того или другого произведения. Его сухая правда ценилась мною дорого».

дышат «истинно-художественною простотою», а, по словам А. Григорьева, «они замечательны по искренности и нежности чувства».

Сама Жадовская писала: «Я не сочиняю стихи, а выбрасываю на бумагу, потому что эти образы, эти мысли не дают мне покоя, преследуют и мучают меня до тех пор, пока я не отвяжусь от них, перенеся их на бумагу. Может быть, они оттого и носят печать той задушевной искренности, которая нравится многим».

Лирика Жадовской привлекала многих русских композиторов, на музыку положено 23 ее стихотворения. Это романсы Даргомыжского, Глинки, Рахманинова, Варламова, Афанасьева. А романс Даргомыжского «Я все еще его, безумная, люблю» включила в свой репертуар певица Полина Виардо

Она также интересовалась положением крестьянства и подготовкой к отмене крепостного права. В 1858 году вышел второй сборник стихотворений, встреченный похвальными рецензиями Писарева и Добролюбова. Последний писал: «Ее сердце, ее ум действительно наполнены горькими думами, которых не хочет и не умеет разделять современное общество. Ее стремления, ее требования слишком обширны и высоки, и немудрено, что многие бегут от поэтического призыва души, страдающей не только за себя, но и за других». В. Майков отмечал, что ее стихи

Ее стихи в чем-то созвучны стихам Лермонтова, Плещеева, Тютчева. Порой поэтика их напоминает поэтику народных песен. Она призывает поэта служить народу, «за нас люби, за нас страдай и духа гордости и лжи стихом могучим поражай». А еще ее лирика привлекала многих русских композиторов. На музыку положено 23 стихотворения Жадовской. На них писали музыку Даргомыжский, Глинка, Рахманинов, Варламов, Афанасьев, Гречанинов. Романс Даргомыжского «Я все еще его, безумная, люблю» не раз исполняла Полина Виардо.

Особое место в ее творчестве занимают прозаические произведения. Ее романы и повести пользовались большой популярностью среди читателей. Сам Добролюбов писал, что «в последнее время г-жа Жадовская обратила на себя внимание публики замечательным романом "В стороне от большого света"». Известны ее прозаические произведения «Женская история», «Неприятная жертва», «Сила прошедшего», «Неумышленное зло», «Отсталая», «Простой случай» и другие. Романом «Женская история» еще в рукописи заинтересовался Достоевский и в 1861 году опубликовал ее в своем журнале «Время».

Когда у друга их семьи ярославского доктора К.И. Севена умерла жена, Юлия Валериановна, пожертвовав собой ради благополучия других, вышла за него замуж, чтобы воспитать осиротевших детей и окружить заботой и вниманием старого доктора. Кроме того, в течение пяти лет она ухаживала за тяжело больным отцом. Вскоре после его смерти заболел и умер муж, оставив на попечение Юлии большую семью.

А в последние годы значительно ухудшилось и ее собственное здоровье. Она окончательно отошла от литературной деятельности и стала жить в небольшой усадьбе в селе Толстикове Костромской губернии, где и скончалась 9 августа 1883 года.

В своем стихотворении «Нет, никогда поклонничеством низким...» Юлия Жадовская гордо заявляла:

*Пред тем, что я всегда глубоко
презирала,
Пред чем, порой, дрожат
достойные — увы! —
Пред знатью гордою, пред
роскошью нахала
Я не склоню свободной головы.
Пройду своим путем, хоть горестно,
но честно,
Любя свою страну, любя родной
народ;*

*И, может быть, к моей могиле
неизвестной
Бедняк иль друг со вздохом
подойдет...
На то, что скажет он, на то, о чем
помыслит,
Я, верно, отзовусь бессмертной
душой...
Не, верьте, лживый свет не знает
и не смыслит,
Какое счастье быть всегда самим
собой!..*

Юлия Жадовская

ВЕЧЕР

Повсюду тишина: природа засыпает,
И звезды в высоте так сладостью горят!
Заря на западе далеком потухает,
По небу облачка едва-едва скользят.
О, пусть душа моя больная насладится
Такою же отрадной тишиной!
Пусть чувство в ней святое загорится
Вечернею блестящею звездой!
Но отчего я так тоскую и страдаю?
Кто, кто печаль мою поймет и усладит?
Я ничего теперь не жду, не вспоминаю,
Так что ж в моей душе?.. Вокруг меня все спит,
Ни в чем ответа нет... лишь огненной чертою
Звезда падучая блеснула предо мною...

* * *

Все ты уносишь, нещадное время, —
Горе и радость, дружбу и злобу,
Все забираешь всесильным полетом,
Что же мою ты любовь не умчало?
Знать, позабыло о ней ты, седое.
Или уж слишком глубоко мне в душу
Чувство святое запало, что взор твой,
Видящий все, до него не проникнул?

* * *

Говорят — придет пора,
Будет легче человеку,
Много пользы и добра
Светит будущему веку.
Но до них нам не дожить
И не зреть поры счастливой,
Горько дни свои влачить
И томиться терпеливо...

Что ж? Закат печальных дней
Пусть надеждой озарится,
Что и ярче, и светлей
Утро мира загорится.
А быть может — как узнать? —
Луч его и нас коснется,
И придется увидеть,
Как заря с зарей сойдется...

* * *

Любви не может быть меж нами:
Ее мы оба далеки.
Зачем же взглядами, речами
Ты льешь мне в сердце яд тоски?
С тобой полна душа моя?
Да, есть в тебе такое что-то,
Чего забыть не в силах я,
Что в день печали, в день разлуки
В душе откликнется не раз,
И старые пробудит муки,
И слезы вызовет из глаз.

* * *

Прощай! Не нужно мне участия:
Не жалеюсь, не плачу я.
Тебе — вся прелесть бытия,
Тебе — весь блеск земного счастья,
Тебе — все в жизни наслажденья,
Мне — сердца тайные мученья
да безотрадные мечты.
Прощай! Пришла пора разлуки...
Иду в печальный долгий путь...
Бог весть, придется ль отдохнуть
Мне здесь от холода и скуки...

МОЛИТВА К БОЖИЕЙ МАТЕРИ

Мира заступница, Мать всепетая!
Я пред тобою с мольбой:
Бедную грешницу, мраком одетую,
Ты благодатью прикрой!
Если постигнут меня испытания,
Скорби, утраты, враги,
В трудный час жизни, в минуту страдания
Ты мне, молю, помоги!
Радость духовную, жажду спасения
В сердце мое положи:
В царство Небесное, в мир утешения
Путь мне прямой укажи! □

Арина Шарапова

Арина Шарапова — известная телеведущая, общественный деятель, журналист и преподаватель, а еще — актриса. Кажется, что ипостасей Арины Аяновны нет числа. О благотворительности и о том, какие роли в жизни и в кино ей приходится играть, она и поделилась с нашим журналом.

«Я очень счастливый человек»

Фото из личного архива

— Арина, вы сейчас снимаетесь в программе «Главная роль», в которой решили попробовать себя в новом амплуа — киноактрисы. Почему вы все-таки решили принять участие в этом проекте?

— В течение всей моей профессиональной жизни невероятное количество режиссеров предлагали мне попробовать себя в кино. Мне

казалось, что это не моя профессия, это талант и призвание, и это надо уметь делать. Я свою работу делаю хорошо, ну зачем же что-то делать плохо. Но тут совершенно внезапно ко мне подошла продюсер программы Оксана Барковская и говорит: «Ну, снимись там, эпизодик смешной». Я подумала: «Ладно, пусть это станет небольшой авантюрой, попробую!» Но я не знала, что это бу-

дет такой огромный и серьезный проект, такой интересный и такой энергозатратный. То есть, не разобравшись, я прыгнула в воду. Но я об этом абсолютно не жалею. Я не привыкла сдаваться и всегда иду до победного конца.

— А вы в детстве не мечтали сниматься в кино?

— Никогда. Я хотела стать учительницей — и я ею стала, хотела быть журналистом — и я им стала.

— Часто ли вы ходите в кино? Есть ли на это время? Что из последнего удалось посмотреть?

— Я сейчас огромное время уделяю сериалам, могу сутками смотреть. Правда, не понимаю, когда я их успеваю смотреть. Сейчас даже какие-то большие форматные filmy не так затягивают.

— Вы пробовали себя в разных жанрах тележурналистики, были у вас и серьезные аналитические проекты и новости, и развлекательные передачи. Что вам ближе самой?

— Мне ближе всего информационный жанр и интервью. Были и авторские проекты, но сейчас пока не до этого. У меня есть своя школа журналистики, это мой любимый проект, и мне этого пока хватает. Хотя периодически думаю, что, возможно, найду время и займусь какой-то острой журналистской темой — экология, социальная жизнь,

бездомные люди. Таких проблем очень много...

— У вас своя «Школа искусств и медиатехнологий» для творческого развития детей и подростков. Как и почему возникла идея ее создания? В чем преимущественное отличие вашей школы от других аналогичных образовательных проектов Москвы?

— Да, школа существует, но мы сейчас изменили ее название. И расширили горизонт ее возможностей — перешли от линейного образования к проектной деятельности как для детей, так и для взрослых. Теперь она называется «Техно-Арт-Медиа-Групп Арины Шараповой». На базе нашей школы мы совместно с городским проектом «Московское долголетие» проводим очень много мероприятий, помогающих старшим жителям Москвы вести активный образ жизни и использовать все возможности города для самореализации. Также недавно запустили еще один проект «Психология добрых дел» — по адаптации пенсионеров, для которых уход с работы и из привычной активной жизни — сложный этап. И конечно, мы не забываем детей. Очень плотно сотрудничаем с национальным медицинским исследовательским центром детской гематологии, онкологии и иммунологии имени Дмитрия Рогачева. Организуем фестивали для детей с онкологическими заболе-

ваниями, стараемся сделать их жизнь веселее и хоть на какое-то время счастливее, чтобы отвлечь от болезни. И, слава богу, что это у нас получается!

— А в творческом направлении какие обучающие курсы ведутся в вашей школе, и с какого возраста дети могут прийти к вам заниматься?

— Мы преподаем ораторское искусство, искусство речи, проводим мастер-классы телеведущих. На мой взгляд, 12 лет — оптимальный возраст ребенка, когда он уже идет к нам заниматься осознанно и знает, чего хочет. Поэтому наши двери всегда открыты для творческих детей, стремящихся к развитию и постоянному обучению.

— В общении с молодым поколением сталкиваетесь с какими-то трудностями? И какое оно сегодня, по вашему мнению?

— Я легко общаюсь с нынешним молодым поколением. Я его люблю. Они умные, продвинутые, они — иные. Мне с ними интересно. Мне кажется, надо быть такими, как они, надо учиться у них.

— На чтение вам хватает времени?

— Конечно. Я очень много читаю.

— Как вы все успеваете?

Я совсем мало сплю, по 4–5 часов. Но при этом даже высыпаюсь. Поэтому успеваю и сериалы, смотреть, и читать, и отдыхать, и работать.

— Так мало спите и всегда так шикарно выглядите! В чем ваш секрет?

— В жизни, в солнце, в небе, в дожде. В свежем воздухе. На выходных обязательно стараюсь выбраться на природу, подышать, погулять. Если настроить себя на счастье и радость, так оно и будет. Если твои глаза блестят,

и они счастливы, даже когда тебе 90, — это победа.

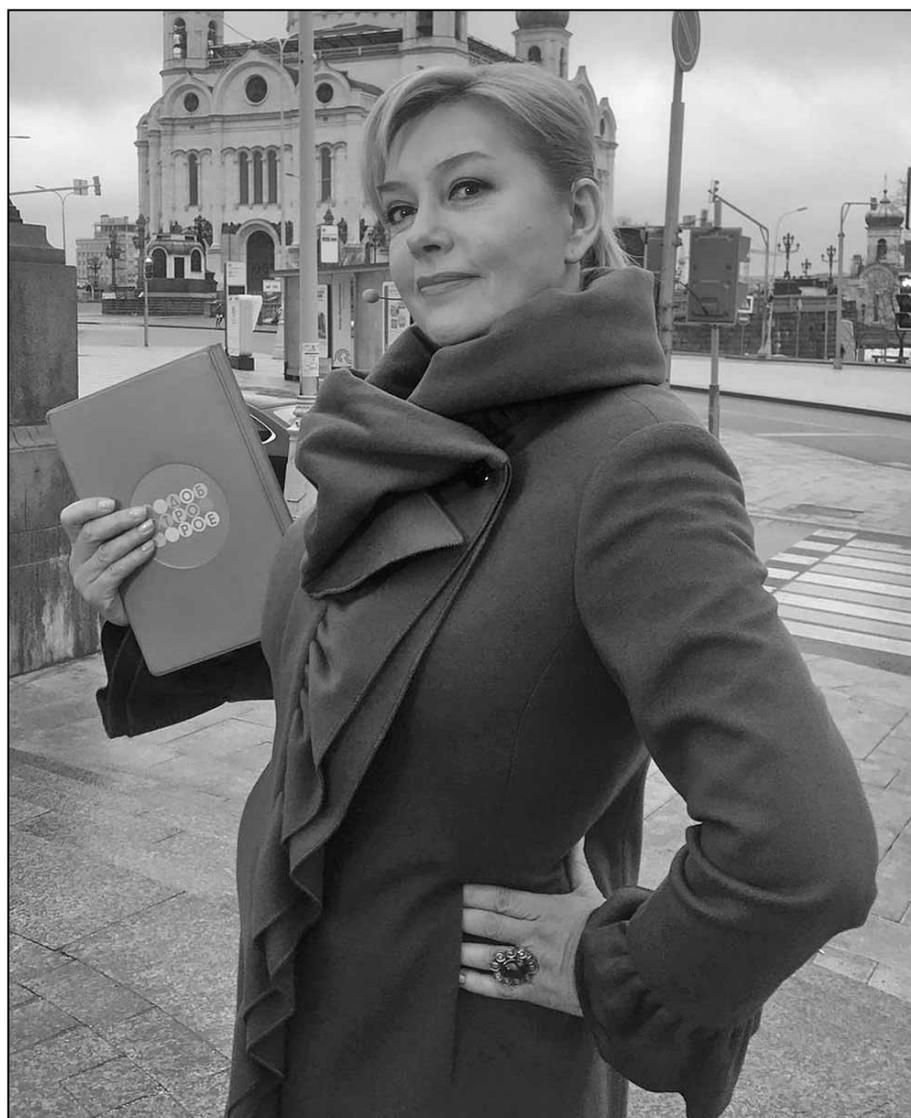
— А как вы принимаете важные решения в вашей семье? Коллегиально?

Тоже по-разному, зависит от многого. У нас нет в семье такого, что «вот я сказал, значит, так и будет!» У нас равноправие. Во всем, даже в ревности. Я его ревную, и он меня ревнует. Это нормально, у нас здоровая ревность. Если нет ревности, наступает равнодушие, и кончается любовь.

— Довольны ли вы тем, как сложилась и продолжает складываться ваша судьба? Хотелось бы что-нибудь изменить?

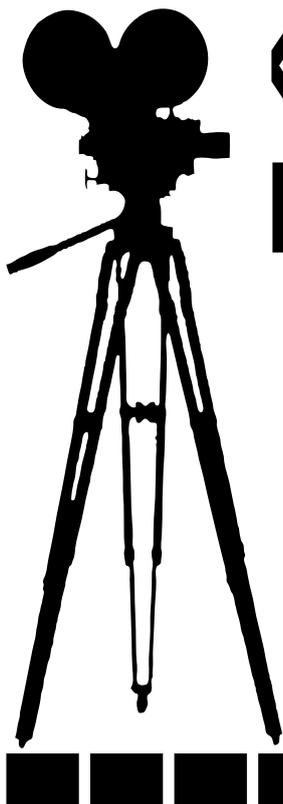
— Я очень счастливый человек. Я интересно живу, занимаюсь тем, что люблю, у меня есть любимая семья. Мне интересно жить — и это самое главное. Изменить ничего не хочу! Спасибо, что все есть так, как сейчас. □

*Беседовал
Дмитрий Соколов*

Георгий Кричевский

«Претендую на субъективность»

Гений сюрреализма, которым восхищались и которого ненавидели. Испанец, работавший во Франции и в Мексике, где его почитают корифеем национального кинематографа. Друг и соратник еще более эксцентричного своего соплеменника, виртуоза абсурдной кисти Сальвадора Дали. Таков Луис Бунюэль. Капризный и непредсказуемый волшебник экрана, перфекционист и деспот на съемочной площадке, возмутитель спокойствия, он на заре своей кинокарьеры в соавторстве все с тем же Дали бросил под занавес «Великого немого» вызов мировому общественному мнению легендарным семнадцатиминутным фильмом «Андалузский пес», ставшим азбукой современного киноискусства. На премьере «Андалузского пса» Луис наполнил карманы камнями, чтобы, в случае чего, отбиться от разъяренных зрителей... Правда, опасения Бунюэля оказались напрасными — он приобрел известность.

Кошмар его детства и юности остался позади. Уже с тех пор будущего режиссера переполняла ярость против лжи и лицемерия окружающего мира. В школе, где он учился, всем заправляли иезуиты. Это означало догматическое религиозное воспитание

и полное отсутствие уединения, которое заменяли коллективные молитвы. Вырваться из этого тягостного плена Луису удалось лишь в 16 лет, когда он отверг веру родителей и поступил в Мадридский университет. Окончив его, Бунюэль эмигрировал в Париж и взялся за кинокамеру. В первом же прославившем режиссера коротком казусном фильме он посчитался со всем, что мучило его с детских лет.

А готовился подводить творческие итоги умудренный опытом мастер в 1972 году опять-таки скандальной картиной с издевательским названием — «Скромное обаяние буржуазии», социально острой и емкой философской притчей, в которой сны трудно отличить от яви, но в которой вновь во всей полноте проявился художественный дар ее создателя.

Он ушел из жизни через одиннадцать лет и остается живым, хоть и неудобоваримым классиком мирового экрана, доказывающим все бесконечное разнообразие искусства кино.

Ровесник века, Луис Бунюэль родился в феврале 1900 в арагонской деревне на севере Испании. «Средние века продолжались там до Первой мировой войны», — вспоминал впоследствии великий кинорежиссер, отданный в Сарагосе в иезуитскую школу отцом. Тот сколотил себе состояние торговлей на Кубе, а после революции продал свою долю в магазине и вернулся на родину. Там он купил поместье и женился на местной девушке, которая была моложе его на 25 лет.

Яростным противником католической церкви 17-летний Луис покинул отчий дом и поступил в Мадридский университет. Как ни странно, но сна-

чала он изучал агрономию, затем естествознание, в итоге же получил степень бакалавра искусств. В Мадриде юноша сошелся с богемным кружком либерального студенчества, подружившись с Сальвадором Дали и будущим великим испанским поэтом Федерико Гарсия Лоркой.

В молодости Бунюэль увлекался спортом — боксом, метанием копья, армрестлингом — и гордился своей прекрасной физической формой. Она ему очень пригодилась, когда он занялся тяжким трудом кинорежиссера. Роман с кино начался после того, как Луис, по его словам, раздобыл журналистское удостоверение и пристрастился ходить в ки-

«Андалузский пес»

нотеатры до трех раз в день. Ну а в 25-м поступил в киношколу крупного французского режиссера Жана Эпштейна и работал ассистентом на двух его картинах. Расстались они неожиданно, когда Эпштейн предложил молодому помощнику перейти ассистентом к еще одному культовому режиссеру мирового кино — Абелью Гансу, снимавшему в тот момент фильм «Наполеон». Дерзкий Бунюэль ответил, что ему совершенно не нравится стиль Ганса, и оскорбленный мэтр назвал его идиотом.

Раздосадованный ассистент обратился к кинокритике и начал печатать рецензии и теоретические статьи в парижской и мадридской газетах. Потом последовал сценарий из шести новелл «Капричос», написанный совместно с известным литера-

тором Рамоном де ла Серна. Это должен был стать первый фильм Бунюэля, однако проект по разным причинам не состоялся. Зато бюджет «Капричос» пошел на создание «Андалузского пса», чье сенсационное появление на экране было уже не за горами.

«Эстетика шока» или эстетика отвращения. Этот метод, опробованный в «Андалузском псе», режиссер будет использовать во всех своих последующих картинах. Картину зрители не приняли. Критика требовала запретить фильм из-за жестокости и неприличных сцен. Бунюэль с Дали, чья семья добавила денег на создание этой ленты, только посмеивались, радуясь вызванному скандалу. Правда, вместе со скандальной славой создатели фильма обрели признание среди коллег. Их при-

«Забывшие»

няли в члены группы сюрреалистов, возглавляемой поэтом А. Бретоном.

Своеобразным продолжением «Андалузского пса» явился фильм «Золотой век», который в конце 1929 года заказал Бунюэлю французский меценат виконт Ш. де Ной. И вновь, несмотря на очевидный зрительский успех, правые газеты потребовали запрета фильма. Префектура заставила владельцев кинотеатров исключить из него один эпизод, а затем цензура и вообще запретила демонстрацию ленты. Две из трех копий ее были уничтожены властями. Ранее на киносеанс ворвались члены черносотенных организаций, которые облили экран чернилами, разбросали между рядов дымовые шашки и разгромили выставку полотен сюрреалистов в фойе.

Бунюэля эти бурные события вокруг его фильма не коснулись, по-

скольку в ноябре 30-го он уехал в Голливуд по приглашению студии «Метро-Голдвин-Майер». В следующий раз «Золотой век», равно как и «Андалузский пес», был публично показан только в 1980 году.

Любопытно, что у нас в кинотеатре Госфильмофонда «Иллюзион» в Москве на Котельнической набережной испанского классика показывали даже раньше, чем в Европе. Это произошло за «железным занавесом» исключительно потому, что Бунюэль был убежденным коммунистом, то есть предельно «антибуржуазным» художником, а, значит, нашим другом, которому за это можно было простить сюрреалистические «выверты».

В 1932 году в группе сюрреалистов произошел раскол из-за ком-

мунистических убеждений части ее членов, включая Бунюэля. Вместе с верным коммунистом поэтом Луи Арагоном и крупнейшим историком кино Ж. Садулем Луис вышел из рядов сюрреалистов и уехал на родину, где в тот момент стремительно менялась политическая обстановка — к власти в стране пришло левое республиканское правительство.

В 1934 году Бунюэль женился на француженке, дочери служащего Жанне Рукар, с которой он был знаком восемь лет. В Париже у супругов родился сын Хуан Луис, ставший впоследствии тоже режиссером. А в 1940 году уже в Нью-Йорке появился на свет их второй сын Рафаэль, избравший карьеру скульптора. После смерти мужа Жанна Рукар издала мемуары об их совместной жизни, в которых великий маг экрана изображен деспотичным и параноидально ревнивым собственником. Он навязывал Жанне традиционный для испанской глубинки семейный уклад, часто обрывал ее, если она хотела присоединиться к его разговору с гостями, и вынудил жену прекратить давать уроки игры на фортепьяно, чтобы она не оставалась наедине с посторонними мужчинами... Примечательно, что ревнивый и властный муж появляется в самых ярких фильмах Бунюэля — «Он» и «Тристана».

В быту стойкий критик буржуазии придерживался простоты и скромности. Вставал в пять утра и спать ложился в девять вечера. Кровать ему часто заменяли доски, и укры-

вался он грубым одеялом. К старости после шумного успеха «Дневной красавицы» режиссер стал обеспеченным человеком, однако не изменил своим привычкам.

Сюрреализм этот абсолютно самобытный художник понимал как способ изменить мир, выявивший свои пороки в результате Первой мировой войны. Для него это было направление, прежде всего, социальное, а не эстетическое. Сюда же он относил и свой «фирменный» черный юмор. В одном из интервью Бунюэль характеризовал буржуазную мораль, против которой выступал с единомышленниками, извращением базисных государственных институтов — родины, семьи, церкви. И верил, по примеру других сюрреалистов, что преобразование общества возможно посредством влияния искусства на отдельных людей через пробуждение их подсознания.

Первые месяцы с начала Гражданской войны Бунюэль оставался в Испании, но в сентябре 36-го по указанию министра иностранных дел республиканского правительства выехал в Женеву, а затем в Париж. Там его основным занятием стали создание и каталогизация пропагандистских фильмов в поддержку республиканцев. Два года спустя режиссер попросил направить его в Голливуд, чтобы консультировать американские студии при создании картин о Гражданской войне. Выяснилось,

«Тристана»

однако, что в Голливуде не горят желанием защищать на экране испанских республиканцев. Работа над фильмом об эвакуации детей в Бискайском заливе «Груз невинных», на который Бунюэль очень рассчитывал, была остановлена. А вскоре Ассоциация американских кинопродюсеров и дистрибьютеров запретила съемки новых лент о трагических и героических испанских событиях.

Начало Второй мировой войны в принципе «закрыло» эту тему, и Бунюэль остался в Штатах, собираясь устроиться на одну из голливудских студий, но так и не смог нигде получить работу. Ему досталось только место в нью-йоркском Музее современного искусства, где по заданию главы Офиса межамериканских дел миллиардера Н. Рокфеллера он должен был заниматься подбором и монтажом антинацистских фильмов, предназначенных для показа в Ла-

тинской Америке. Таков оказался тернистый путь гения к новым вершинам кинематографической славы.

Летом 43-го ему пришлось уволиться из музея. Причиной, по версии самого режиссера, послужили эгоцентричные откровения о нем С. Дали, назвавшего в мемуарной книге бывшего друга и соавтора атеистом и марксистом, что сразу же поставило под сомнение в глазах властей его политическую благонадежность. Последняя должность, которую Бунюэль ненадолго смог заполучить в США, была в отделе дублирования кинокомпании «Уорнер бразерс». В конечном итоге из-за отсутствия работы он в 1946 году отправился обратно в Париж, сделал остановку в Мексике, переживавшей подъем кинопроизводства, и решил остаться там, тем более что эта испаноязычная страна после победы Франко в гражданской войне

*«Дневная
красавица»*

Справа:
*«Этот
смутный
объект
желания»*

приютила очень многих его противников.

За 18 лет (с 1947 по 1965 год) Бунюэль снял в Мексике 21 фильм, приспособившись к условиям мексиканской киноиндустрии, и научился тратить на съемки картины не более двух недель, как того требовали местные продюсеры. В основном, это были жанровые ленты — коммерческие мелодрамы и комедии, в промежутках между работой над которыми режиссер создал некоторые лучшие свои произведения.

Одним из них явились «Забытые» (1950). В истории промышляющей воровством и другим криминалом банды беспризорников в Мехико Бунюэль отошел от национальной мексиканской традиции романтизировать бедность и изобразил юных героев фильма «прирожденными хищниками», которые ничуть не луч-

ше своих жертв. Публика и критики встретили ленту с возмущением, посчитав, что автор очернил в ней страну.

Ситуация в корне изменилась после участия картины в конкурсе Каннского кинофестиваля 1951 года. Бунюэль получил там второй по значимости приз за лучшую режиссуру. Ну а далее последовал повторный, исключительно успешный прокат «Забытых» в Мексике и триумфальные премьеры фильма в Европе. Имя режиссера с тех пор стало культовым. И он, воодушевленный, в первой половине 50-х снимал по два-три фильма в год!

Три бунюэлевских фильма второй половины 50-х годов — «Это называется зарей», «Смерть в этом саду» и «Лихорадка приходит в Эль-Пао» — образуют своеобразный «революционный триптих». Они объединены темой народного вос-

стания против правой диктатуры. В третьем фильме свою последнюю в жизни роль сыграл выдающийся французский актер Жерар Филипп, снимавшийся в нем уже неизлечимо больным раком. Надо сказать, что французская сторона непосредственно участвовала в совместном производстве этих картин, как бы подготавливая последующее возвращение Бунюэля во Францию.

Но до него великий режиссер снимет в Мексике еще несколько шедевров и, в первую очередь, фильмы «Назарин» (1959) и «Виридиана» (1961). Первый считается лучшим в творчестве Бунюэля «мексиканского периода», а, по мнению А. Тарковского, является лучшим во всей фильмографии испанского классика. Причем это едва ли не самая пар-

доксальная из его лент. Фильм снят по роману испанского писателя Б. Переса Гальдоса, особенно близкого Бунюэлю по духу, поднимающего вопросы косности католической веры, аристократизма и правящих элит. Фильм получил Международный приз Каннского фестиваля и едва не удостоился приза Католической организации в области кино, что лишний раз свидетельствует об универсальности произведений Бунюэля.

Столь же радикальным взглядом на канонизированные догматы церкви отличается и следующая картина мастера — «Виридиана». По рассказам Бунюэля, она родилась из пришедших ему на ум образов: опоенная и беспомощная в руках хищного старика послушница, пир нищих у нее дома, вдруг обнаруживающий

сходство с «Тайной вечерей» Леонардо...

«Виридиану» назвали женской версией «Назарина». Она явилась второй экранизацией книги Гальдоса (третья — «Тристана»), и режиссер, вернувшись с ней на родину, вновь сорвал скандальный куш. Это был откровенный плевок в лицо франкистским властям, в ярости запретившим картину, вплоть до падения режима кровавого диктатора в 1976 году. Именно в этом фильме сошлись все основные мотивы творчества Бунюэля: острая критика власти, продажного среднего класса, лицемерной церкви и человека как неудавшегося биологического вида.

На Каннском фестивале «Виридиана» была награждена «Золотой пальмовой ветвью». Теперь продюсер предоставил мэтру полную творческую свободу, и у него, наконец, появилась долгожданная возможность «добавить в самую реалистичную последовательность событий нечто безумное и совершенно нелепое».

Переезду режиссера во Францию сопутствовало судьбоносное знакомство с крупным французским продюсером С. Зильберманом. Тот предложил Бунюэлю экранизировать нашумевший роман О. Мирбо «Дневник горничной». По настоянию продюсера на главную роль была приглашена восходящая звезда экрана Жанна Моро. «Дневник гор-

ничной» дал начало новому плодотворному периоду в творческой жизни маэстро, который до 1977 года вместе с Зильберманом и сценаристом Каррьером поставил во Франции еще пять выдающихся фильмов.

Первым из них стала знаменитая «Дневная красавица» (1966) с Катрин Денев в роли героини. «Золотой лев» Венецианского фестиваля и шумный коммерческий успех фильма во всем мире позволил Бунюэлю снять следующую картину на тему, интересную, прежде всего, ему самому, а не продюсерам, как это произошло с «Дневной красавицей». Ее культовому режиссеру авторского кино фактически навязали египетские продюсеры братья Хаким, специализировавшиеся на фильмах с эротической начинкой и настоявшие на экранизации Бунюэлем одноименного романа Ж. Кесселя.

Остались неизвестными причины, по которым на роль молодой жены богатого буржуа, мечтающей о садомазохистских сексуальных играх и втайне от мужа устраивающейся днем работать в первоклассный бордель, была приглашена актриса, в то время известная лишь по романтическим мюзиклам. Но именно внешность Денев, похожей на загадочную куклу в туалетах от Сен-Лорана, с ее холодной красотой и мертвенно-бледной кожей, создала столь запоминающийся по фильму образ.

В этой картине режиссер чаще, нежели в большинстве своих лент,

*«Скромное
обаяние
буржуазии»*

смешивает сон и явь, что обусловлено двойственной жизнью, которую ведет героиня, постоянно находящаяся в плену собственных фантазий. На протяжении почти всего действия фильма грезы и реальность «дневной красавицы» отчетливо разделены (сны сняты в другой операторской манере, и каждый из них предваряет звон колокольчика дорожного экипажа). Однако в финальной сцене, допускающей неоднозначные толкования, мы уже не в состоянии определить, в мечтах или наяву происходит увиденное на экране.

«Повторение и воспоминание — одно и то же движение, только в противоположных направлениях». Так полагал датский философ Кьеркегор. И если воспоминание «обращает человека вспять, вынуждает его повторять то, что было, в обрат-

ном порядке», то подлинное повторение «заставляет человека, вспоминая, предвосхищать то, что будет». На этом постулате строится «натуралистическая космология» Бунюэля, когда последовательность циклов в его произведениях уступает место «множественности одновременных миров» и «одновременности настоящих времен в различных мирах».

Все это обнаруживается в снятом после «Дневной красавицы» фильме «для души» «Млечный путь» (1969), рассказывающем о двух паломниках, которые бредут в испанский паломнический центр Сантьяго-де-Компостела. Их встречи в пути используются режиссером, чтобы высмеять догматы христианства и порассуждать о природе ересей. В Италии лента была запрещена, хотя Ватикан выступил в ее защиту, полагая, что фильм способен побу-

«Назарин»

Справа:
«Дневник
горничной»

дить зрителей к размышлению о сути религии. Приступая к работе над картиной, Бунюэль предупредил своего продюсера Зильбермана о вероятности потери денег на этом проекте, в результате же тот получил некоторую прибыль, поскольку фильм вызвал интерес публики.

Режиссер называл фильм по книге Гальдоса «Тристана» своей последней картиной, чувствуя, что начинает повторяться. Двое из трех исполнителей заглавных ролей были определены продюсерами — Катрин Денев и Франко Неро, третьим стал Фернандо Рей, уже снимавшийся в «Виридиане» и позднее сыгравший центральных персонажей еще в двух фильмах Бунюэля. По сути, он стал его своеобразным талисманом.

Катрин Денев говорила, что в «Тристане» ей было комфортнее работать, чем в «Дневной красавице», где актрисе приходилось, по ее словам, сверх меры обнажаться и ощущать себя манипулируемой. «Тристану» она называла одной из своих любимых работ, хотя вновь создала здесь образ холодной, отчужденной женщины-содержанки богатого тирана. Она безуспешно пробует убежать с любовником, а заканчивает инвалидностью, сама превращаясь в безжалостного манипулятора.

Картина вышла в прокат в 1970 году и была номинирована на «Оскар» как лучший фильм на иностранном языке.

Получить же заветную статуэтку стареющему мастеру суждено было

за его следующую, едва ли не самую известную широкому зрителю картину «Скромное обаяние буржуазии» (1972). На торжественную церемонию награждения Бунюэль не приехал (за призом на сцену поднялся один продюсер) и, демонстрируя на публике безразличие к подобным чествованиям, мистифицировал репортера байкой о том, что якобы заплатил за награду 25 тысяч долларов.

По сюжету фильма, шестеро состоятельных друзей пытаются совместно поужинать, но каждый раз перед ними возникает какое-то препятствие. Сны и реальность вновь причудливо переплетаются на экране, и желание персонажей собраться, наконец, на ужин превращается в навязчивый кошмар. При съемке этой картины Бунюэль использовал

операторский кран и движущуюся камеру в дополнение к своим традиционным статичным крупным планам. Как и полвека назад, режиссер продолжил изобличать абсурд буржуазной жизни, опутанной множеством нелепых условностей и правил, которые в одно мгновение могут вывернуться наизнанку.

Темы человеческой амбивалентности, извечной двойственности женской природы и крушения привычных установлений, когда в сюрреалистическом сне экранные герои могут обернуться кем угодно: святые — грешниками, а ангелы — бесами, продолжились в последних произведениях Бунюэля, очаровательных, как воздушный мираж. Так происходит в «Призраке свободы» (1974), опрокидывающем иллюзор-

*«Золотой
век»*

ную незыблемость вещного мира. Так происходит и в итоговом шедевре мэтра мирового кинематографа «Этот смутный объект желания» (1977).

Он работал над названными картинами с прогрессирующей глухотой, и стремительно теряя зрение. Ему было уже за семьдесят, но желание творить свой сновиденческий мир не покидало его. При этом Бунюэль продолжал демонстрировать тщательно продуманный подход к съемочному процессу, точно зная еще до прибытия на площадку, как снимет каждую сцену и каким будет ее окончательный монтаж. Ему редко требовалось для съемки кадра больше двух-трех дублей. Занятая в «Дневнике горничной» прекрасная французская актриса Жанна Моро утверждала, что Бунюэль — единственный режиссер, у которого не

пропадал ни один кадр. Она и другие звезды, с которыми работал замечательный мастер, как, к примеру, та же Катрин Денев, вспоминали, что он не предлагал им психологических объяснений поведения их персонажей, полагаясь на актерскую интуицию, «нутро».

«Магию кадра» Бунюэль искусно дополнял звуковым оформлением картины, будучи исторически одним из новаторов звукового кино. В «Золотом веке», одном из первых французских звуковых фильмов, музыка звучит контрапунктом к повествованию. Этот прием переключается с идеями манифеста советских кинематографистов 1928 года, в том числе Эйзенштейна, и неоднократно повторяется в дальнейших работах Бунюэля. Но использовал он этот прием избирательно: в «Дневнике горничной» и «Дневной

красавице» музыкального сопровождения вообще нет. В «Тристане» режиссер создает искусственную глухоту зрителей в сценах с участием глухого персонажа. Причем может совмещать изображение спокойного бассейна со звуком льющейся за кадром воды...

Место Бунюэля в истории мирового кинематографа уникально. Его образный язык универсален и, вместе с тем, питается испанской культурой. Классическая испанская литература была постоянным источником вдохновения маэстро, которого (возможно, ошибочно) приписывают к двум национальным школам — испанской и мексиканской. Правда, большинство испанских кинорежиссеров, признавая неоспоримое величие Бунюэля, считают его все же, подобно Пикассо, также почти всю

жизнь прожившего за рубежом, больше человеком мира, который почти не оставил учеников и скончался в Мехико на исходе июля 83-го от сердечной, печеночной и почечной недостаточности.

Как бы то ни было, на творчестве Бунюэля постигали азы киноискусства и Андрей Тарковский, и Дэвид Линч, и Терри Гиллиам, и Педро Альмодовар, и даже автор первого революционного хоррора «Кошмар на улице Вязов» Уэс Крейн... Бунюэль обладал редкостной способностью видеть то, что было недоступно другим. К концу жизни, полностью теряя слух, он сказал следующее: «Как большинство глухих, я не очень люблю слепых. Правда ли, что слепой счастливее глухого?.. Не думаю». □

Дмитрий Зелов

ТАЛАШКИНО

«Храмы, музеи, памятники строятся не для современников.
Они строятся для будущих поколений».

Княгиня Мария Тенишева

Фото автора

На Западе России, недалеко от города Смоленска, находится удивительный музей-усадьба Серебряного века Талашкино. Или Фленово — кому как больше нравится. Дело в

том, что время не оставило камня на камне от главного усадебного дома княгини Марии Клавдиевны Тенишевой (1858–1928) в Талашкино, зато пощадило ряд художественно-

архитектурных построек в соседнем хуторе Фленово, в котором располагались учебные ремесленно-художественные мастерские, созданные благодаря тщаниям хозяйки Талашкино и верного круга ее единомышленников. А вот официально этот необыкновенный очаг культуры, в котором на рубеже XIX–XX столетий творили многие выдающиеся деятели русской культуры и искусства, именуется историко-архитектурным комплексом «Теремок». Впрочем, обо всем по порядку.

и жизни старой эпохи буквально все и вся с ног на голову, вновь вернулась в принадлежавшее ей когда-то имение. Теперь уже памятником: величественная дама в длинном, по моде начала прошлого века, платье, встречает гостей усадьбы.

В смоленском Талашкино трудами и заботами этой необыкновенной русской меценатки и коллекционера был создан уникальный ремесленно-художественный центр, слава о котором в те годы вышла далеко за пределы России. «...Да, я люблю

Спустя годы княгиня Мария Клавдиевна Тенишева, казалось бы, навсегда покинувшая родное Отечество после смуты революционных потрясений, перевернувших в быте

свой народ и верю, что в нем вся будущность России, нужно только честно направлять его силы и способности» — эта фраза княгини как нельзя лучше характеризует ее стремле-

ние жить и творить во имя интересов страны и просвещения ее народа. Для этой благородной цели она не жалела ни собственных сил, ни средств. Вот что писала хозяйка усадьбы, когда задалась целью возродить основательно подзабытые старинные русские ремесла:

«Мне давно хотелось осуществить в Талашкине еще один замысел. Русский стиль, как его до сих пор трактовали, был совершенно забыт. Все смотрели на него как на что-то устарелое, мертвое, неспособное возродиться и занять место в современном искусстве. Наши деды сидели на деревянных скамьях, спа-

ли на пуховиках, и, конечно, эта обстановка уже перестала удовлетворять современников, но почему же нельзя было построить все наши кресла, диваны, ширмы и трюмо в русском духе, не копируя старины, а только вдохновляясь ею? Мне хотелось попробовать, попытать мои силы в этом направлении, призвав к себе в помощь художника с большой фантазией, работающего тоже над этим старинным русским, сказочным прошлым, найти лицо, с которым могла бы создать художественную атмосферу, которой мне недоставало».

Судите сами — в лучшие времена здесь творили художники Сергей Малютин и Михаил Врубель, Николай Рерих и Илья Репин, братья Александр и Альберт Бенуа и многие другие. Список известных имен, составлявших цвет национальной художественной культуры того времени, так или иначе связанных с этим местом, можно перечислять еще долго. К тому же в сельскохозяйственной школе, открытой княгиней Тенишевой во Фленове, детей и подростков из окрестных деревень учили бесплатно. Особым вниманием и заботой здесь окружали сирот и детей крестьянской бедноты. Юные ученики и ученицы помимо знаний по общеобразовательным предметам учились здесь также сельскохозяйственным наукам и различным ремеслам. И, конечно же, большое внимание уделялось эстетическому воспитанию и развитию творческих способностей воспитанников.

Когда оказываешься в этих местах, довольно быстро формируется ощущение, что попадаешь в какой-то сказочный древнерусский терем, каким его представляли в конце позапрошлого и начале прошлого столетий. Недаром же небольшой двухэтажный бревенчатый домик, выполненный по проекту Сергея Малютина, так и называется — «Теремок».

Это подлинный резной шедевр эпохи русского модерна. Во времена княгини Тенишевой в нем располагалась библиотека, а после 1910 года он использовался как гостевой дом для музыкантов и художников. Как рассказали нам сотрудники музея, в разгар лета 1911 года в «Теремке» жил композитор Игорь Стравинский. Вместе с Николаем Рерихом они трудились в стенах этого чудо-терема над созданием балета «Весна священная», премьера которого с успехом прошла в мае 1913 года в Париже. Примечательно, что в основу творческого замысла постановки лег сон Стравинского, в котором он увидел древний ритуал — юная девушка в окружении старцев танцует до изнеможения, чтобы пробудить приход весны, и, исполнив предназначенное ей судьбой, погибает.

Окна, наличники, двери, карнизы этой чудо-избы — все исполнено в необыкновенно тонкой, изящной, какой-то прямо-таки воздушной ажурной резьбе. Перед домом в том же стиле выполнены массивные деревянные ворота. По периметру усадебных построек растут яблони.

Если от «Теремка» подняться по пригорку на небольшой холм, то оказываешься перед удивительным памятником — церковью Святого Духа. Храм был выстроен по проекту Сергея Малютина в соавторстве с княгиней Марией Клавдиевной Тенишевой и Иваном Федоровичем Барщевским. С 1908 по 1914 годы были выполнены внутрихрамовые росписи группой художников под руководством ав-

тора эскизов, Николая Рериха. Вот что он писал о Талашкино: «Такие уголки, как Талашкино — это настоящие устои национального развития мысли и искусства». В это же время по эскизам Рериха мозаичная мастерская петербургского художника Фролова исполнила лик Спас Нерукотворный над западным порталом храма. Сегодня эта отреставрированная монументальная композиция предстает перед посетителями в своем первоизданном виде. Работы над дальнейшим строительством церкви были прерваны с началом Первой мировой войны. За последующие десятилетия из-за нарушения температурного режима, общих первоначальных просчетов в технологии строительства, вкуче с последующим небрежением и запустением от внутренней росписи не осталось практически ничего.

Оказавшись в этих краях, обязательно стоит заглянуть внутрь — в кладовые русской художественной культуры, хранящиеся, словно в шкатулке, внутри «Теремка» и в здании сельскохозяйственной школы. И тогда вас обязательно очарует мебель, изготовленная по малютиным эскизам, рериховская керамика, тенишевские эмали, врубелевские балалайки фантастической красоты, произведшие фурор на Всемирной выставке в Париже в 1900 году.

Живописные виды и художественные красоты музея-усадьбы в Талашкино-Фленово можно расписывать еще долго. Лучше, как говорится, один раз увидеть. В добрый путь! □

Александр Богданов. Фото из личного архива

С давних пор в народе желали жить без нужды — «на красную ложку». Сопровождая человека от рождения и до конца дней, она часто упоминается в прозе и поэзии, устном народном творчестве. Используется как столовый прибор, сувенир, предмет коллекционирования, музыкальный инструмент, а порой и в кукольном театре. Многоликая деревянная ложка с глубокой историей называлась по-разному, в зависимости от величины, формы и назначения (для супа, каши, картошки, солений, специй, сыпучих продуктов и так далее). С нею не обожжешься, и еда вкуснее, сытнее, ароматнее, полезнее!

В Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля она определена как «орудие для хлебания» — «хлебалка», «шевырка», «едалка», а в словаре русского языка С.И. Ожегова — это «предмет для зачерпывания жидкой, рассыпчатой пищи». Ложка у русичей считалась отражением самобытной культуры, эпохи, национальным символом, а не просто атрибутом быта или декора. Каждый член семьи берег личную ложку. Ее с любовью расписывали узорами, украшали орнаментом, изящной резьбой. Плотницким искусством издревле славилась мастера Русского Севера, Верхнего и Среднего Поволжья, знали множество

приемов и техник. Ложкарной столицей признавали город Семенов в керженских лесах Нижегородского края. П.И. Мельников-Печерский писал: «Ложки, плошки, чашки, блюда заволжанин точит да красит... все, что из лесу можно добыть, рук его не минует». В старину для ускорения процесса древоделы работали артелями, деревнями. Начинали «стаю запускать» с наступлением осенне-зимнего сезона. Из жизни ложкарей, как полагал

пором — и ложки выделывали, и дом могли срубить. Сегодня массово, как раньше, когда промысел кормил семьи, деревянные ложки не производят. Но одна в доме и в наши дни обязательно найдется. С развитием науки и техники совершенствуется и трудо-

Ложка к двухлетию музея во Владимире

Именные ложки

Всеслышащее ухо

В.И. Даль, и вошло в наш язык выражение «бить баклуши», то есть бездельничать. Однако эта работа (бревна заготавливать, чурочки обрубывать, теслить, вырезать изделие, красить его) была не из легких. Обязанности распределялись так: баклушник отвечал за полена («баклуши»), ложкарь делал из заготовки ложку, завивальщик «завивал» черенок, красильщик занимался отделкой. Знатным универсальным инструментом — то-

емкий творческий процесс превращения чурочки-баклуши в столовый прибор. Хотя всех, кто с деревом работает, в какой-то мере справедливо называют продолжателями традиций.

В отличие от носителей исконно старинного ложкарного ремесла, например, от нижегородцев, резавших «по сырому» как по маслу, 56-летний житель Санкт-Петербурга Александр Богданов трудится в ином стиле. У не-

Ложка-раскладушка

Варвара-краса

Гармонист

*Перун на ложке
из можжевельника*

Дикие ложки А. Богданова

го своя особая манера изготовления, узнаваемый почерк. О характере занятия говорит подвеска в виде миниатюрной ложечки, которая всегда при нем. Он — самоучка, специальную литературу не штудировал и на курсах не обучался. Ложкарей в его роду не было. Но прадед, не равнодушный к дереву, плотничал, столярничал. Отец

занимался чеканкой, украшал работами интерьер дома. Резчик полагает, что гены дали о себе знать. По окончании Ленинградского техникума железнодорожного транспорта дипломированный техник-электромеханик 30 лет трудился на железной дороге, в составе поездных бригад при обслуживании рефрижераторных поездов.

Ложкорезание, как и плотницко-столярное дело, освоил на досуге. Более семи лет способный ложкарь-любитель увлеченно, с интересом реализует себя в этом рукотворчестве.

— Однажды мы шли с женой по блошиному рынку, — рассказывает Богданов, — и увидели клюкарзу (разновидность стамески) и деревянную ложку. Супруга сказала, что хотела бы такую в дом, но сомневалась, что мне удастся ее смастерить. Я пообещал сделать. И сделал. Сначала не очень получалось. С первой, березовой, вышел курьезный случай. Вырезал, а после решил ее сварить в подсолнечном масле, где она благополучно и сварилась. До углей. Передержал-таки. Позднее «набил руку» — и пошло. Стал экспериментировать методом проб и ошибок. Так втянулся, что теперь не остановиться. Жалею, что раньше не от-

крыл это ремесло. Даже ем исключительно деревянной ложкой.

На счету Александра более 1000 ложек. Каждой он придумывает оригинальное название. Например, на тему ложечного ремесла — «Счастливая обладательница ложки», «Проба пера», «Заплюсский узел», «Раскудринская», «Славная Кудринка». В полку «загребущих» причудливой формы — экземпляры, разнообразные по тематике и не похожие на привычные. В них сочетаются история и современность, чувства и эмоции, характеры и настроения («Всеслышащее ухо», «Всевидящее око», «Лихой романтик»), женская красота и мужская сила. Плоды ручного труда деревянных дел мастера рассказывают и о славянских богах. Среди них — Род, Перун, Сварог, Стрибог, Мудрый Велес. На держале несложно также рассмотреть мифических и ска-

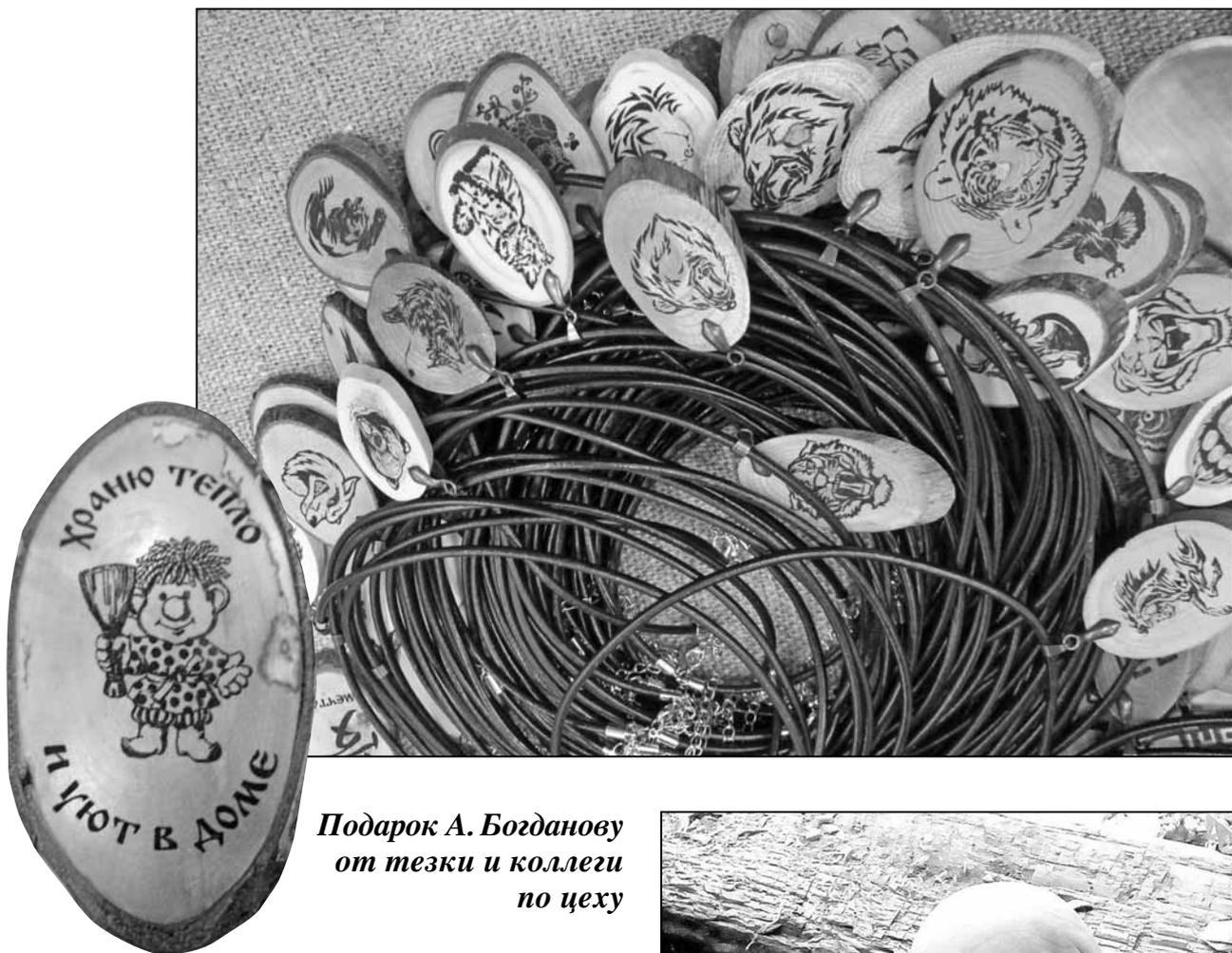

Скобать вешалка

Веселый

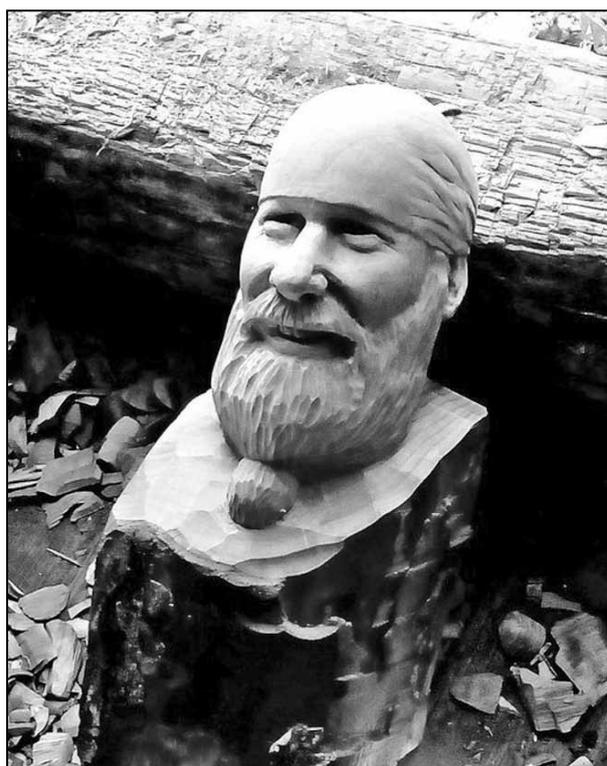
Вешалка

Ключник

*Подарок А. Богданову
от тезки и коллеги
по цеху*

зочных героев: Берендея, Василису Премудрую, Варвару-красу, Кощея, Бабулю Ягу, Русалку или Лешего. Присутствуют и мужские былинные образы (ложка Святослава, Илья Иванович, гармонист, скобарек, дружинник войска псковского, витязь, морской волк), и женские (Алена, Ефросинья, Акулина Марковна, Забава Путятична, Лада, Роза, берегиня, хохотунья, разбойница). Природа у автора изделий будто оживает, пребывая в гармонии с человеком: «Мартовская карамель», «Клюква Заплюссья», «Зов кустарника», «Шепот леса», «Поющий ветер», «Дух свободы», «Дух леса», «Боровичок», «Страж леса», «Воин света», «Лунный странник», «Идущий в тумане»... Конечно,

не осталась в стороне и тема родного города: «Санкт-Петербург. Сто оттенков серого», «Город высокой культуры быта», «Исаакиевский собор» и

другие. По отзывам коллег по цеху, обладатель колоритной бороды ложки мастерит ловко. К тому же образ бородатого персонажа с «загребущей» или без нее — центральный в его работах. Одна из них так и называется — «Ода бороде».

Однажды опытный ложкорез Александр Васильев смастерил ко дню рождения бородатого коллеги по цеху Богданова его бюст, за что петербуржец очень признателен автору. Мастер своего дела, как назвал его один из резчиков, и других вдохновляет творить, общается, легко делится знаниями и опытом на мастер-классах в видеозаписях. По словам Богданова, раньше в деревнях активно и корзины плели, и ложки резали. Сегодня по-

томственных ложкарей сложно найти. Но зато в группе «Клуб любителей волшебных ложек» в соцсети «ВКонтакте» более четырех тысяч умельцев нашего времени! В этих рядах — и житель Петербурга. Любимым делом он занимается чаще в деревне Плюсского района Псковской области, в небольшой мастерской, о которой давно мечтал. Мастерская — гордость хозяина. Александр трудится обычно в дачный период и в межсезонье, но и зимой не оставляет ремесло. Свои изделия не коллекционирует. Между тем богдановские ложки можно увидеть на ярмарках и выставках, чаще — в Северной столице и Ленинградской области, а также в Москве.

— Идей много, а времени на их реализацию не хватает, — сожалеет резчик. — Сажусь за ложкостроение, когда руки «чешутся». А «чешутся» часто! Особенно дело спорится под рок-музыку. Идеальный размер столовой

На счастье

Для ключей

ложки — 24 см, чайной — 18–20 см. Простые и за полчаса вырезать можно, а вот на среднерезьбовую уходит шесть-восемь часов. Плюс долгий процесс шлифовки (крупной и мелкой). Кропотливое вырезание — это как проверка на терпение.

Рабочий стол, набор инструментов («сбруя») и хорошее настроение мастера, который продуктивно трудится в добром расположении духа, — этого вполне достаточно для неприхотливого человека, как считает Александр. На выходе — огромный прилив сил от живого, теплого дерева с его положительной энергетикой. Природный материал, заготовка подсказывает идеи толковому мастеру, и он понимает эти намеки. Уверен, что ложка, изделие малой формы, открывает поиск и массу возможностей для самовыражения. Недаром с нее резчики начинают познавать ремесло. Для этого подходит любой «стройматериал», было бы желание. Александр режет из всего, что режется: податливой липы, осины, березы, а также ольхи, яблони, рябины, ясеня, вишни, можжевельника, сосны, звонкого клена, прочного дуба, лещины, сливы... В редких случаях держало элитных ложек вырезает из недешевого красного дерева. Обычно на веточке остаются сучки, неровности, сколы, кажется, будто ложка только что из леса — дикая. Конструирует сборные ложки из трех частей: например, держало — из ветки сосны или можжевельника, черпало — из ясеня или липы, а секретная перемычка — из бересты. Сборка — очень важный этап ложкастроения.

Бабуля Яга

Носатые из архива А. Богданова

Сырье заготавливает заранее, сушит в домашних условиях, на чердаке.

Бруски Александр обрабатывает на станках и с помощью инструментов, а затем вручную. Кое-какие подручные средства покупает, но в основном самостоятельно делает, «под себя». Находит применение сучостю, опавшим веткам, корягам, найденным в лесу, и нежизнеспособные фрагменты обретают второе дыхание.

— Черпало выбираю ложкорезом, зачищаю наждачной насадкой, — делится опытом мастер. — Острогал — и шлифую, полирую (зашкуриваю), чтобы не было царапин и вмятин. После чистовой обработки опускаю готовую ложку в масло. Обязательна пропитка льняным маслом, подогретым на водяной бане, оно заполняет поры. В завершение — тонировка отваром чаги. Получается сочный, насыщенный цвет породы, проявляется структура дерева, его красота, особенности текстуры. Сохнут изделия в теплом помещении. Заключительная часть — вошение. Воск защищает, растирается войлочной тряпочкой до полной полировки.

Делает петербургский умелец и удлиненные черпалки для варенья, и ложки-раскладушки (походные, для рыбалки и охоты), и даже свадебные, соединенные между собой. Привлекают внимание именные ложки: парные, с пожеланиями счастья супругам («Совет да любовь», «Денис и Настя», «Павел и Евгения»), и с одним именем. Ведь в некоторых регионах до сих пор ложки жениха и невесты вручают со словами: «Как эти ложки связаны крепко-накрепко, так бы и молодые друг с другом связаны были». При этом обычные пахнущие лесом деревяшечки, как ласково называет их автор, согретые теплом его умелых рук, превращаются не только в ложки, но и в другие неповторимые вещи. Среди них — кружки, тарелки и миски, чаши и вазоны, чурочки в виде богатыря, грибника, старичка с ложкой, ключом, свечой, венником или подковой; вешалки для

ключей, симпатичные светильники (ночники) с лампочкой на носу и другие предметы для дома. У персонажей на «лицах» разные эмоции. Они грустные, хмурые, смеющиеся, подмигивающие... Удачно выходят у рукастого петербуржца скалки, часы для жилища, магниты с надписями «Храню тепло и уют в доме», «Лада-Русь», «Привет из Питера», обереги, брелоки, талисманы и многое другое. Не так давно он начал мастерить столы и табуреты. Настоящее чудо будто выросло на одном из деревьев на даче — инсталляция «Хранитель сада».

— Каждому приятно, когда хвалят, благодарят, — делится А. Богданов. — Счастлив, если мои ложки попадают в надежные руки, приносят пользу, находят отклик в сердцах, нравятся людям и применяются по назначению. Для творческого человека важно, чтобы окружающие видели его произведения, оценивали, знать, что труд не напрасен. Конкурентов, правда, больше становится, но это и неплохо. Конкуренция мотивирует.

По словам Александра, нет ничего прекраснее обработанного дерева. Любимое увлечение для него стало второй профессией, отдушиной. Хобби и душу греет, и немного кормит.

— Счастье — это когда увлечение приносит ремесленнику не только радость, но и доход в наше непростое время, — считает Богданов и добавляет: — Не перевелись на Руси мастеровые люди. У каждого — своя «фишка», индивидуальный стиль и ритм работы. А творчество и фантазия не имеют границ, и это замечательно! □

Виктор Ом

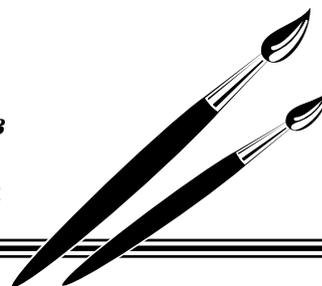
Русский лирический пейзажист

*«Художник
не подсматриватель жизни,
а сам ее творенье и творец...»*

Иван Иванович Ендогуров

*Ендогуров
Иван
Иванович*

Иван Ендогуров, его брат Сергей и сестра Мария, принадлежали к известному русскому православному дворянскому роду, восходящему к 17 веку и внесенному с тех времен в 6 и 2 части родословных книг Вологодской и Смоленской губерний.

Отец Ивана, Иван Андреевич Ендогуров, контр-адмирал Российского императорского флота. Мать, Андреева (Юрьева, в девичестве) Мария Федоровна, дочь контр-адмирала Ф.А. Юрьева. Отец Ивана погиб, когда мальчику было всего десять лет, и все проблемы семьи легли на плечи матери, Марии Федоровны.

Родился Иван Иванович Ендогуров в Кронштадте, 23 октября 1861 года.

Учился в классической гимназии, а, окончив ее, поступил на юридический факультет Петербургского университета. Но проучился он там только два года, так как был очень увлечен живописью и вообще искусством, и, хотя успехи в учебе говори-

ли о больших способностях юноши, юриспруденция была для него в тягость.

Еще с первых лет учебы в гимназии Иван брал уроки рисунка и живописи у тогда уже известного художника-пейзажиста Ефима Ефимовича Волкова. Учась в университете, юноша занятия не прекращал. Так, фактиче-

ски, в юношеском возрасте перед Иваном встал важный вопрос — каким путем идти дальше?

После серьезных размышлений и душевных метаний он твердо решил серьезно заняться живописью. И не ошибся, так как в будущем из него действительно получился очень талантливый и оригинальный художник.

В 1884 году Иван поступил вольнослушателем в Императорскую Академию художеств, на отделение живописи, и уже в следующем году состоялся дебют молодого художника. Он выставил свои первые работы на академическую выставку. Это были небольшие холсты — «Ранняя весна», «Задворки» и «Березовая роща», за которые его наградили малой поощрительной золотой медалью...

Шло время. Иван Ендогуров, как и его младший брат Сергей, быстро и очень органично влился в мощный поток национального русского пейзажного искусства и стал очень востребованным художником, участником всех значимых в те годы выставок, вернисажей и мероприятий изобразительного искусства. Но расцвет его художественного дарования и творческой деятельности оказался весьма кратким — только 1890-е годы. Правда, они выдались чрезвычайно активными и яркими. Иван активно выставлялся и на академических выставках, и на других выставочных мероприятиях, даже за рубежом — выставки его работ успешно прошли в Чикаго, на Международной выставке в Париже, в Берлине. На конкурсе 1886 года Общества поощрения художников Ивану Ен-

Слева:

«Дождь»

«Зимний пейзаж»

догурову была присуждена серебряная медаль за живописный пейзаж «Ручеек».

Пейзажи художника просты и совершенно обыденны для восприятия. В них нет ошеломляюще-причудливых ландшафтов, необычных построек, эффектных природных состояний. Они обычны, но с первых мгновений подкупают и привлекают внимание этой обыденной,

знакомой каждому человеку «теплотой» узнавания... Даже композиционно построены очень гармонично, без специальных эффектов, ошарашивающих зрителя. Напротив, воссозданная художником композиционная гармония форм, линий и тональных пятен располагают к более внимательному всматриванию в полотно. Этой задаче способствуют и колористические решения, которые буквально вибрируют многообрази-

ем цветотональных разработок... И поэтому, погружаясь в эту ненавязчивую цветомузыку живописных мелодий, невольно испытываешь эмоциональное наслаждение, которое органично превращается в эстетическое, понятное каждому смотрящему... Ведь художник изображает природу, окружающую нас всю жизнь.

Эти изумительные достоинства живописных качеств Ендогурова наиболее характерны его главным работам. И прежде всего, конечно, — «Начало весны». На этом небольшом холсте наиболее полно проявились талантливые качества молодого живописца. Вся красочная атмосфера картины так импрессионистична и свежа, что кажется, будто ощущаешь еще по-зимнему стылый и холодный воздух, и дальние дуновения нескорой еще весны...

По-своему прекрасен «Зимний пейзаж». Удивительный минимум объектов в композиции: деревце в белых валунах снега, заборчик, а чуть поодаль домишко... и над всем — неслышной тишиной раскинулось «ситечко» серенького, очень русского неба... И все! Но пейзаж захватывает... Невольно вспоминается детство, какие-то давным-давно виденные схожие пейзажи, и, конечно, дорогие люди, друзья, родители и любимые... Вот в чем мощнейшая психологическая сила этой пейзажной простоты — в шквале воспоминаний, ассоциаций, мелькающих

картин во внутреннем видении, взбудораженном яркими эмоциями...

Потрясающая живописная сюита «Дождь» — ярчайший пример импрессионистического взгляда художника. Этот шквал серебристо-холодных оттенков прорывных вспышек света сквозь потоки дождя передает до физического ощущения состояние обрушившего на землю водного смерча... А какие краски! Какой изумительно-тонкий, совершенно музыкальный колорит! Нет, все же живопись невозможно описывать — это противоестественно... Прав был великий Огюст Ренуар, сказавший: «Живопись не рассказывают — на нее смотрят!»

А какая симфония пространства, морского воздуха и мерцания воды от бликов солнечных потоков света в марине художника «Георгиевский монастырь в Крыму»! Это одна из блестящих марин Ивана Ендогурова. Кроме всех прекрасных живописных качеств она поэтична, музыкальна и даже чуть романтична...

В название вынесено «Георгиевский монастырь», но виднеется лишь силуэтно подобие какой-то постройки в скалах, а далее — простор и кораблик с дымком из трубы. В этой вибрирующей рефлексам феерии и есть — сама жизнь с ее неизбывным невыразимым очарованием, магнетизмом, радостью бытия, неподражаемой красотой! Именно это и хотел показать так тонко чувству-

«Ранняя весна»

ющий и глубоко понимающий окружающий мир и природу творец-художник! По сути, он написал «Гимн вековой беспредельной жизни!» Гимн самому существованию мира!

Этот мерцающий цветотональными переливами, словно загадочная драгоценность, холст, поделен пополам... Половина его — небеса! Вторая половина — море, вода, воздушная стихия... И причудливо-фантастические отражения все тех же беспредельных небес! В этой красочной феерии некоторые критики вдруг увидели едва приметную интонацию горечи, потаенной сердечной печали... К величайшему сожалению, они не ошиблись — эта мелодия едва

угадываемой «молитвы, тоски и сожаления» действительно присутствует в работах молодого художника.

Едва улавливаемые зрителем ностальгические чувства душевной скорби имели реальную причину: у Ивана еще в юношеском возрасте врачи обнаружили признаки начинающейся чахотки. Болезни, перед которой медицина того времени была бессильна. Он знал это, и с этим жил... И ничуть не удивительно, что эмоции «выплескивались» в живописные откровения художника...

Иван Иванович большую часть жизни проживал в Санкт-Петербурге, но довольно быстро прогрессирующая болезнь вынуждала значи-

*«Начало
весны»*

Справа:
*«Георгиев-
ский монас-
тырь
в Крыму»*

тельно чаще жить в Крыму, Малороссии и на Кавказе...

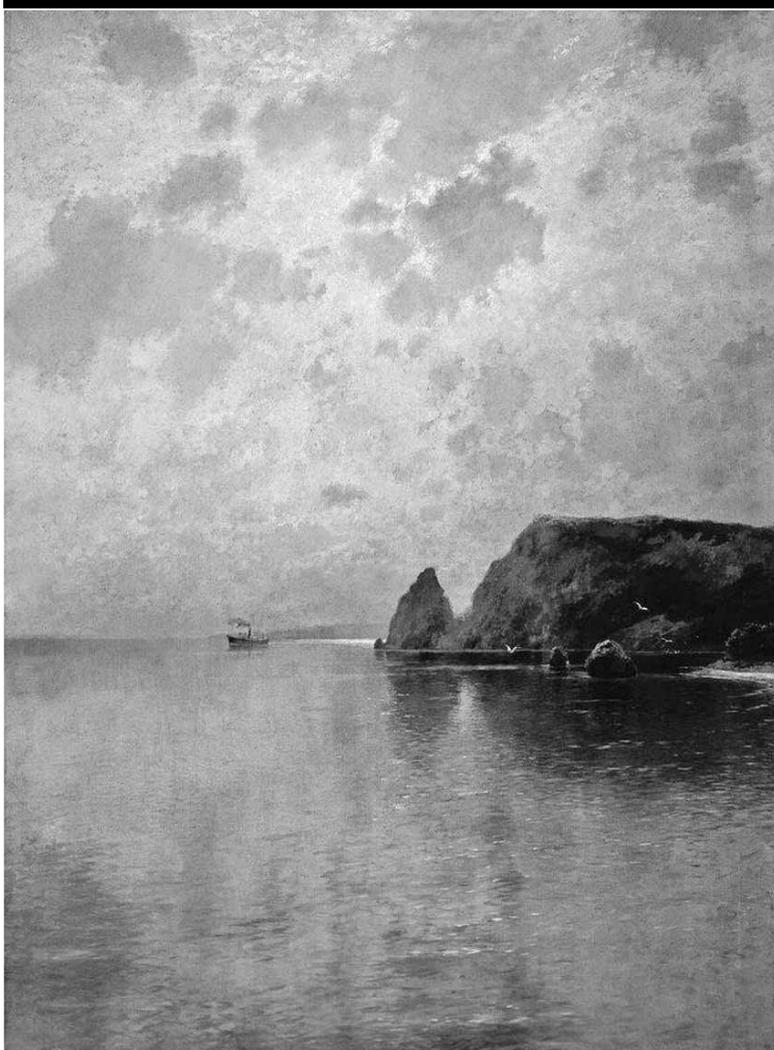
А в 1890–1893 годах он находился в Италии, откуда предпринял путешествие по Европе. Именно в Италии он много и продуктивно писал акварелью, естественно, продолжая развивать вековые традиции русского лирического пейзажа.

Зачаровывает «Лунная ночь в Аяччо». Лунный свет как сновидение, красочное, переливчатое, мистическое... Аяччо — столица французского острова Корсика с большим портом... Сам город находится на западном берегу острова, в одноименной бухте. Здесь, как известно, родился Наполеон Бонапарт. Умер, как его называли — «великий изгнанник», тоже на острове, только в Британии — на острове Святой Елены...

И эти чувства взволнованности, мысли о бренности нашего бытия всплывают в душе и сознании, когда смотришь на этот лунный пейзаж... Лунный свет, ночь, разбросанные по холсту неяркие фонари и светящиеся окна в домишках очень располагают к подобным размышлениям и ностальгически-отрешенным мыслям, к которым примешивается невыразимое чувство горечи и необъяснимого чувства утраты, потери чего-то очень дорогого... Сама композиция, как и всегда у Эндогурова, проста и понятна, а вот эмоциональная, чувственная сторона очень многослойна и почти невыразима словами. Будто присутствуешь при мгновении, которое замерло на пару секунд и тут же унеслось, оставив лишь росчерк своей неповторимости...

Да, похоже, это была одна из бессонных ночей, когда душевные силы художника особенно источались от тоски по России. Он не мог жить и полноценно работать без русского родного пейзажа, в котором все так понятно и так вдохновляющее продуктивно. Во многих письмах друзьям и родственникам он сетовал на неносную душевную печаль из-за того, что находится так далеко от родины. Жаловался на эту вынужденную «ссылку», но и прекрасно понимал, что это необходимо, — врачи были категоричны, неумолимы, и лечение требовало строго исполнения предписаний...

Картина «Море» выдает страстную любовь художника к маринам, к изображению таинственных, загадочных стихий, никому не подчиненных... Быть может — только Богу! Очень неожиданное и яркое тональное решение холста. Пространство дышит светом, источает свет и кажется, что эти

градации цвета и тональных вибраций издают неземные фантастические звуки, и они вибрируют симфоническим многоголосьем, которое уносится в серебристые блики солнца, отраженного в мерцающей воде...

Неблагодарный это труд — описывать работы художника, но их необходимо смотреть. И смотреть, ничем не стесняя и не ограничивая свое непосредственное восприятие. Смотреть в безмятежном состоянии, только тогда все увиденное и прочувствованное несказанным потоком вливается прямо в душу и сердце... Именно так Святые учителя советуют приходиться к Богу — в блаженно-безмятежном состоянии!

«Лунная ночь в Аяччо»

Иван Иванович Ендогуров был активным участником Товарищества передвижных художественных выставок. Он принадлежал к плеяде замечательных художников XIX века, которые избрали главным направлением своего творчества лирический пейзаж. У него был большой художественный интерес к передаче различных состояний окружающей природы, как, впрочем, и у многих ведущих живописцев-лириков русского пейзажа, и он умел глубоко проникать в загадочный мир природы — его картины просто заполнены любовью к ней... Как пейзажист и маринист Иван Ендогуров писал масляными красками и акварелью разнообразные мо-

тивы русского пейзажа и очень тонко передавал его состояния и настроения...

Мы говорим об известных мастерах, о которых много и позитивно писал выдающийся критик, страстный пропагандист передвижничества Владимир Васильевич Стасов. Среди выдающихся пейзажистов лирического направления он называл барона М.К. Клодта, Павла Власова, Ефима Волкова, Сергея Светославского, Василия Поленова, братьев Ивана и Сергея Ендогуровых, и еще ряд известных фамилий...

В 1910 году в Париже из печати вышел альбом репродукций избранных картин Музея Александра III,

где были опубликованы фотографии лучших работ 50-ти художников, среди которых была и уже известная картина Ивана Эндогурова «Начало весны». Составитель уникального альбома назвал Эндогурова «лучшим из лучших». «Ширь, воздушность и настроение — всегда хорошо передавались им, и это прекрасно видно на прилагаемой картине»...

Мастерство и талант художника Ивана Эндогурова были признаны в самом начале его творческой деятельности. Но так случилось — судьба и драматизм исторической ситуации в стране и мире разбросали картины этого замечательного мастера по миру. Эндогуров был выразительным мастером тонких, пленяющих пейзажей, запоминающихся своей неповторимостью, разнообразием мотивов и образов природы. Он очень любил раннюю весну и раннюю осень... Обожал степенную и размеренную природу Русского Севера, с его прохладным и неярким летом. Но, вместе с тем, любил и ярко-контрастную, звонко-красочную природу благодатного юга, залитую слепящим солнцем...

Картины Эндогурова находятся в коллекциях Государственного Русского музея в Санкт-Петербурге, в Государственной Третьяковской галерее в Москве, во многих региональных музеях и галереях России, близкого и дальнего зару-

бежья, а также во многих частных собраниях.

Оба брата — Иван и Сергей Эндогуровы — с ранних лет начали заниматься живописью и графикой, и оба добились признания.

Но!.. Для обоих судьба заготовила печальный и несправедливо ранний уход из жизни. Они умерли от одной болезни — туберкулеза легких, с небольшим интервалом в четыре года... Сергей умер в 1894 году, тридцати лет от роду, а Иван скончался в 1908 году в Италии — на острове Капри, в возрасте тридцати шести лет... Прах художника был доставлен в Санкт-Петербург, где его похоронили на Новодевичьем кладбище на семейном участке Эндогуровых, рядом с могилами отца и младшего брата...

Их любящая, безмерно скорбящая мать, потеряв сыновей, в 1899 году на свои личные сбережения учредила в Императорской Академии художеств премию по разделу пейзажной живописи. Премию имени братьев Ивана и Сергея Эндогуровых — «За картину достойнейшему из пейзажистов»

Премия присуждалась за лучшие произведения лирической пейзажной живописи окончившим курс Высшего Художественного училища живописи, скульптуры и архитектуры при Академии художеств и считалась одной из самых престижных, материально значимых для того времени. Просуществовала она до 1917 года. □

ДВЕ ЖИЗНИ ОДНОЙ ЖЕНЩИНЫ

Иногда разведчикам, имена которых остаются обычно неизвестными, удается прожить не одну жизнь, а две или даже несколько, несмотря на смертельную опасность, подстерегающую на каждом шагу.

Вот и героиня этого очерка прожила две жизни. Правда, во второй стала не просто известной — знаменитой. Но никому и в голову не приходило отождествить популярную детскую писательницу с опытным асом советской разведки. Сработала привычка вживаться в «чужой образ»? Или талант оказался настолько большим, что сам диктовал рамки нового воплощения?

Боюсь, что ответы на этот вопрос уже невозможно получить. Да и читатели, восторгавшиеся произведениями Зои Воскресенской, выросли и почти забыли кумира своих детских лет.

Но история не терпит пустоты. Ее заполняют либо легендами, либо по крупицам собранной истиной. В любом случае образ остается.

Зоя родилась 15 апреля 1907 года в семье помощника начальника железнодорожной станции Узловая. Ей

исполнилось тринадцать лет, когда умер отец. После похорон тяжело заболела мать. Тринадцатилетней де-

вочке, как старшей из детей, пришлось оставить учебу и устроиться на работу: в семье подрастали еще двое пацанов — Николай и Евгений.

Заработанных денег едва хватало на хлеб и картошку. Но мир не без добрых людей. Однажды на улице Зоя повстречала друга отца, и с той поры начался новый этап в жизни девочки-подростка.

В 14 лет она стала библиотекарем 42-го батальона ВЧК Смоленской губернии, в 1923 году — политруком в колонии для малолетних правонарушителей, в 1928-м перешла на работу в Заднепровский райком РКП(б) Смоленска. К детям ее всегда тянуло, особенно к обездоленным. А таких в стране в те времена было более чем достаточно.

В том же году Зоя переехала в Москву и вскоре начала работать в Иностранном отделе ОГПУ — во внешней разведке. Почти сразу же вступила в партию — раннее членство в ВКП(б) было тогда достаточно распространено.

Ярких, эффектных, запоминающихся дамочек в эту организацию не брали. Зоя стала исключением. Душевное обаяние, острый ум и, конечно же, внешние данные девушки не оставили равнодушным одного из руководителей секретной организации.

— Садись к столу, разведчица, — пробормотал начальник, отхлебывая чай и листая личное дело.

— Как вы меня обозвали? — переспросила Зоя.

— Разведчицей.

— Какая же из меня разведчица? — покраснела она.

— Это верно. Никакая! Пока! — Начальник посмотрел на девушку, и в глазах на мгновение забегали веселые чертенята. — Отныне ты — разведчица, — произнес он, но уже серьезно. — И твоей жизнью и профессией будет только разведка. Заруби себе на прелестном носике. Поедешь в Харбин. Будешь работать в нефтяном синдикате. Однако контора — только прикрытие. Легенда, так сказать. А сейчас ступай в наш спеццентр, остальное узнаешь там.

И началась безжалостная учеба. Пароли, отзывы, тайники, криптография.

Первая поездка на разведывательную работу была в Харбин, где Зоя числилась секретарем синдиката «Союзнефть» и в течение двух лет успешно выполняла ответственные разведзадания во время острейшей борьбы на КВЖД.

Китай. Первое задание: регулярно посещать лавку местного антиквара. Она использовалась в качестве нелегального почтового ящика. Необходимо было оперативно забирать у хозяина зашифрованные послания, если таковые будут. Шли дни, месяцы — никаких донесений не было. И вдруг, в ответ на произнесенный пароль, ей вручили записку. Новоиспеченная разведчица от волнения и неожиданности зажала маленький клочок бумаги в кулаке

Зоя Воскресенская в молодости

и не разжимала руку много часов, пока не приехала в здание резидентуры. Пальцы так посинели и онемели, что их разжимали всем отделом.

Новое задание: установить контакт (то есть, подружиться) с женщиной, муж которой, видный совзагранработник, бежал в Шанхай и вывез большую сумму денег, принадлежащих Советскому Союзу. Не сразу, но Зое удалось добиться расположения экс-супруги и узнать, что бывший муженек изредка нелегально навещается в семейное гнездышко. Итог этой работы — явка с повинной перебежчика, и возвращенные на родину миллионы в иностран-

ной валюте. Разведчица приложила немало сил, чтобы сдержать обещание, данное жене беглеца: если явится с повинной, то не будет репрессирован.

С 1932 года Зоя возглавляла Иностраный отдел постоянного представительства ОГПУ в Ленинграде.

Позже была на разведывательной работе в Латвии, Германии и Австрии.

С 1935 по 1939 годы — заместитель резидента разведки НКВД в Финляндии. Официально выполняла обязанности руководителя представительства «Интуриста» в Хельсинки. В 1936 году в Финляндию резидентом под прикрытием должности консула (позже — второй секретарь полпредства) приехал Б.А. Рыбкин («Ярцев», «Кин»).

Спустя некоторое время Зою можно было с трудом узнать в облике баронессы. Одетая по последней моде, она неспешно прогуливалась по центральным улицам Риги. Затем подала документы на получение латвийского паспорта, и имен-

но наличие его стало началом новой «легенды».

После Латвии были Берлин и Вена. Цель — разведка и углубленное изучение местных диалектов немецкого языка.

А потом «Баронесса» как-то была вызвана в кабинет руководителя и получила новое задание: не просто познакомиться, а стать любовницей прогермански настроенного швейцарского генерала-

Потом повернулся к Зое и сердито бросил:

— Чего стоишь? Марш в оперативный отдел! Видеть тебя не желаю! Принципы у нее, понимаешь ли!

Опытную и красивую разведчицу отправили в соседнюю Финляндию, руководителем представительства нашего «Интуриста», а фактически заместителем тамошнего резидента. Как и полагается, присвоили оперативный псевдоним — «Ирина».

Опытную и красивую разведчицу отправили в Финляндию, руководителем представительства нашего «Интуриста», а, фактически, заместителем нашего тамошнего резидента. Как и полагается, ей присвоили оперативный псевдоним «Ирина». За три месяца она выучила финский язык, да так, что местные жители принимали ее за коренную жительницу Суоми

сотрудника Генштаба и получить от него сведения о намерениях Германии.

— Задание выполняю. А потом приеду и застрелюсь! Вы меня знаете! — Зоя взяла конверт и повернулась, чтобы покинуть кабинет.

— А ну, стой! Я тебя еще не отпускал! — выкрикнул он. — Ты нам нужна исключительно живой! Малахольная! — И тут же вдавил кнопку на многоканальном телефоне: — Эту ненормальную больше на нелегальной работе не задействовать. Задание срочно переделать. Применить запасной вариант!

За три месяца она выучила финский язык, да так, что местные принимали ее за коренную жительницу Суоми. Однако отношения с непосредственным руководителем Борисом Рыбкиным не сложились.

«Кин» (Рыбкин) — придирался к «Ирине» по каждому пустяку. Конечно, на людях начальник и подчиненная вели себя благопристойно (иначе, в их личных делах появилась бы формулировка «конфликтная личность», а с такой записью в разведке делать нечего).

Зоя решила по-своему, по-женски ликвидировать эту проблему раз

и навсегда. Подарила шефу книгу немецкого военного разведчика Вальтера Николаи «Тайные силы», подчеркнув в ней слова: «Шпионы в юбках работают более эффективно, чем коллеги в брюках. Они наблюдательны, и у них лучше развита интуиция».

Через некоторое время в Москву ушла шифровка: «Кин» и «Ирина» просят центр дать согласие на брак.

Влюбленные очень боялись, что Центр не допустит семейственности в работе. Но начальство милостиво дало «добро». Редчайший случай в истории советской разведки.

Зимой 1941 года супругов-разведчиков направили в Швецию. Борис Аркадьевич, оперативный псевдоним «Кин», — резидент под дипломатическим прикрытием. Его супруга, оперативный псевдоним «Ирина», — заместитель и по совместительству пресс-атташе всемогущей Коллонтай.

Вернувшись в Москву, Зоя подготавливала аналитические материалы, в которых обосновывала точные сроки начала вторжения фашистской Германии. Она добилась приглашения в немецкое посольство, где лихо танцевала на приеме, профессиональным взглядом фиксируя пустоты на местах картин. А потом, не откладывая дело в долгий ящик, отпраповала: «Дипломаты готовятся покинуть Москву!»

С началом войны «Кин» и «Ирина» оказались в Стокгольме. Сбор информации, вербовка, контак-

ты с антифашистами европейских стран. Обычная секретная работа.

Поступила шифровка из Центра: отыскать человека, которому можно доверить передачу «Красной капелле» новых шифров.

Чете разведчиков надо было найти того, кто имел бы деловые связи с Германией и беспрепятственно мог бы выезжать из Стокгольма в Берлин. Однажды Зоя познакомилась с женой шведского промышленника, русской по национальности, и дело сдвинулось с мертвой точки. Разведчица купила кусок тончайшего шифона, приклеила кончики воздушной материи к листу бумаги и вставила его в пишущую машинку. Напечатала шифр, порядок пользования им, условия работы радиостанции, после чего срезала ткань с бумаги. Текст оказался совершенно незаметным. Но прочесть его было возможно, повторив операцию. То есть, требовалось опять наложить шифон на белый лист бумаги. Из двух одинаковых галстуков был сооружен контейнер для перевозки. Важнейшие документы и материалы стали регулярно поступать к адресатам.

Резидентурой было организовано наблюдение за германским воинским транзитом через Швецию, фиксировался характер грузов, транспортируемых морским путем между Швецией и Германией. На севере Швеции, в пограничной полосе с Финляндией, агентурная группа регистрировала переброску в Финляндию немецкой военной техники и во-

***Зоя Воскре-
сенская
и Борис
Рыбкин***

инских частей. В южных портах дру-
гая агентурная группа наблюдала
за взаимными германо-шведскими
поставками.

Вообще, семейная чета сделала
чрезвычайно много для того, чтобы
Швеция до конца войны так и оста-
лась нейтральной страной, а Финлян-
дия вышла из вражеской коалиции.

После возвращения в Москву Зоя
опять занималась аналитической
работой в центральном аппарате

разведки, дослужилась до началь-
ника немецкого отдела, выезжала
в командировку в Берлин с опера-
тивным заданием.

27 ноября 1947 года муж Воск-
ресенской-Рыбкиной полковник
Б.А. Рыбкин погиб в автомобильной
катастрофе под Прагой при исполне-
нии служебных обязанностей. (Мно-
гое в архивах разведки сейчас уже
открыто, но вопрос о том, как погиб
полковник Рыбкин, так и остался

неясным, так как не сохранилось никаких документов по этому поводу.)

Однако на этот счет существуют две версии.

Первая, она же официальная: полковник Рыбкин Б.А. погиб под Прагой в автомобильной катастрофе. До сих пор жив и здравствует офицер, который выезжал из Праги к месту катастрофы. Его фамилия Г.И. Рогатнев. По его незадокументированным рассказам, авария произошла из-за того, что водитель «шкоды», в которой находился полковник Рыбкин, обгоняя идущую

сти тело Рыбкина в стоящую у дороги церквушку, но и беседовал с водителем «студебеккера» и с находившимися в кузове солдатами.

Вторая версия состоит в том, что полковник Борис Аркадьевич Рыбкин был преднамеренно убит. Об этом говорят различные факты, вступающие в противоречие с официальной версией.

Во-первых, одновременно, но не под Прагой, а под Будапештом, в аналогичной ситуации погиб капитан Суриков... в шинели и с документами полковника Рыбкина Б.А.

З

имой 1941 года супругов-разведчиков направили в Швецию. Борис Аркадьевич Рыбкин («Кин») — резидент под дипломатическим прикрытием, его супруга («Ирина») — заместитель и, по совместительству, пресс-атташе всемогущей Коллонтай. Вернувшись в Москву, Зоя готовила аналитические материалы, в которых обосновывала точные сроки начала вторжения фашистской Германии. Она добилась приглашения в немецкое посольство, где лихо танцевала на приеме, а потом отрапортовала: «Дипломаты готовятся покинуть Москву!»

впереди гужевую подводку, выехал на встречную полосу и столкнулся с автомашиной «студебеккер» с солдатами. И последнее, что, якобы, сказал Борис Аркадьевич, были слова: «Под мост, под мост» — то есть Рыбкин имел в виду резко съехать на обочину в сторону встречного моста и тем самым избежать прямого столкновения. По словам Рогатнева, он не только помогал перене-

Во-вторых, генерал Белкин неожиданно ночью поехал из Будапешта в Прагу не обычной дорогой, а по той, где произошла авария. Белкин и его шофер В. Черноусов видели два трупа и ничего больше. А утром Г.И. Рогатнев еще застал солдат, свидетелей катастрофы, видел только один труп (Рыбкина) и живого, но до сих пор находившегося в шоковом состоянии, бывшего за рулем

«шкоды» майора Волкова. Г.И. Рогатнев и сейчас настаивает на своей версии.

Анализ этих и других фактов свидетельствует в пользу второй версии. И особенно тот факт, что, как пишет Зоя Ивановна: «Я хотела поправить розу, надвинувшуюся на его щеку, сдвинула ее и за правым ухом увидела зияющую черную рану и пулевое отверстие...»

Не верится, что мужественная, волевая сорокалетняя женщина-военнослужащая могла перепутать пулевое ранение с обычной, хотя и смертельной, травмой. И совсем непонятно, как сотрудница той же службы, полковник, энергичная и властная женщина — Зоя Ивановна Рыбкина — не смогла (или не дали возможности) по горячим следам разобраться в истинной причине

смерти своего горячо любимого мужа...

В 1953 году она была уволена из разведки и, по настоятельной просьбе оставить ее в органах госбезопасности для достижения пенсионного возраста на любой должности, в 1955 году была направлена в Воркутлаг (один из лагерей ГУЛАГа) начальником спецчасти, где прослужила около двух лет.

В 1956 году вышла на пенсию в звании полковника МВД СССР и занялась литературной деятельностью. В 1965 году была принята в члены Союза писателей. Только за период с 1962 по 1980 годы ее книги были опубликованы тиражом в 21 миллион 642 тысячи экземпляров. Значительную часть ее прозы составляет детская литература, в том числе книги о детских и юношеских годах В.И. Ленина. А еще она зарекомендовала себя в литературе как писатель острой политической направленности и художник, поднимающий нравственные проблемы. Ее книги воспитывают интерес к истории, ее героическим и трагическим страницам, к образам реальных исторических деятелей.

Среди ее героев — деятели международного коммунистического движения. Повесть «Консул» (1981) посвящена судьбе финского коммуниста Тайво Антикайнена, рассказ «Бабушка Параскева» (1983) — памяти генерального секретаря Коминтерна Г.М. Димитрова.

Уже будучи тяжело больной, Воскресенская узнала, что ее «рассе-

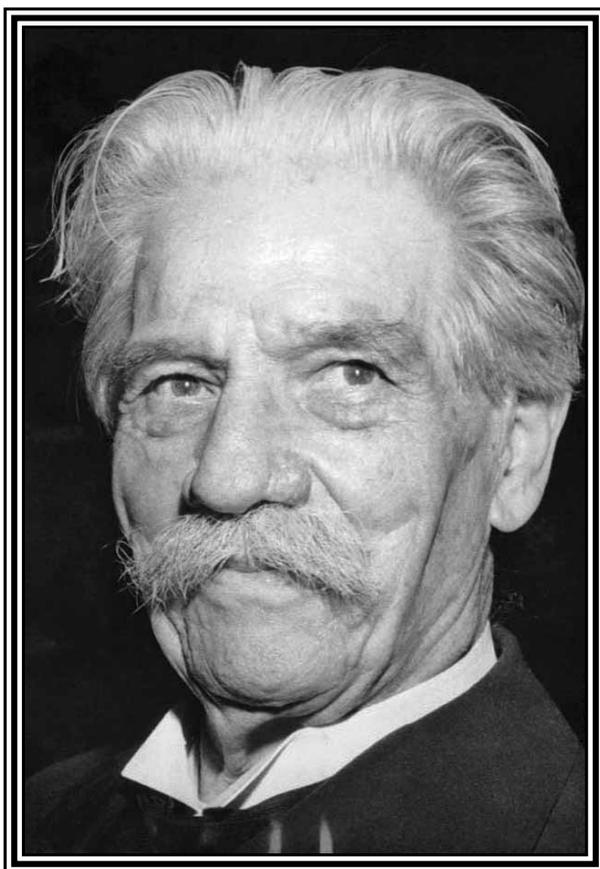
кретили». Поскольку многое за давностью лет перестало быть секретным, она решила рассказать о некоторых эпизодах своей жизни, взяв отрезок времени, непосредственно предшествующий Великой Отечественной войне, а также охватив отдельные стороны своей работы в военные годы. Она написала книгу «Теперь я могу сказать правду. Из воспоминаний разведчицы» (книга вышла в декабре 1992 года).

Умерла Зоя Ивановна Воскресенская-Рыбкина 8 января 1992 года. Похоронена в Москве на Новодевичьем кладбище.

Для участия в похоронах знаменитой детской писательницы были делегированы молодые литераторы. Но проститься с покойной оказалось не просто. Люди в гражданском, но с явно военной выправкой, оттеснили толпу скорбящих, пропуская вперед мужчин в генеральских шинелях, каждый из которых нес подушечку с орденами покойной. О том, что кумир детворы и их родителей еще и сотрудник внешней разведки, эти молодые литераторы узнали чуть позже из некролога, опубликованного в далеко не самой популярной газете.

P.S. Каждый год 8 января на Новодевичьем кладбище можно было увидеть мужчину с букетом алых гвоздик, стоящего с непокрытой головой у памятника. Это был сын Рыбкина и Воскресенской Алексей Борисович Рыбкин, который скончался в 2009 году и был похоронен рядом со своими родителями. □

Доктор из джунглей

Буддийская мудрость гласит: «Пока страдает хотя бы одно живое существо, не может быть счастлив человек, чувствующий это». Альберт Швейцер любил повторять эти слова. Способность ощущать чужую боль, как свою... Наверное, именно это качество доктора побудило далекого от сентиментальности У. Черчилля назвать его «гением человечности»

Альберт Швейцер

Альберт Швейцер родился 14 января 1875 года в Эльзасе, в маленьком городке Кайзерсберге, затеряншемся в Вогезских горах. Вскоре после его рождения семья переехала в небольшой город Мюнсбах, где отец получил место священника в евангелическом приходе. Эльзас на протяжении нескольких столетий принад-

лежал попеременно то Германии, то Франции. За четыре года до рождения Швейцера провинция стала немецкой. Этот факт позднее сыграл весьма драматическую роль в судьбе доктора. Пока же маленький Альберт наслаждался чудной природой Вогезских гор и любовью родителей. В раннем детстве он

отличался слабым здоровьем, однако благодаря заботам матери, целебному воздуху Вогез и жирному молоку соседской коровы превратился в настоящего крепыша. Странным он рос мальчиком. Семья его вовсе не была богатой; но по сравнению с детьми других горожан Альберт всегда выглядел более ухоженным и хорошо одетым. Именно это приводило его в отчаяние. Он ни в

сверстников, но тут же сник, когда побежденный пробормотал: «Конечно, если бы я, как ты, два раза в неделю ел мясной бульон, тебе бы меня никогда не победить». Для соседских ребят он всегда оставался чужаком, «барчуком», и все больше времени проводил в одиночестве или в окружении домашних животных. Альберт необычайно остро ощущал их страдания. Сцены жестокого обращения

Альберту исполнился 21 год. И вот однажды он неожиданно решил для себя: еще десять лет посвятит занятиям наукой, музыкой, службе проповедника, а потом встанет на путь прямого служения людям. Каким будет этот путь, он пока не знал, это должны были показать последующие годы, во время которых он спокойно и упорно шел вперед. Уже в 30-летнем возрасте, ему однажды попала на глаза газета с призывом помочь миссионерскому пункту в Габоне, и он понял, что, наконец, нашел то, что искал. Он станет миссионером и врачом в Африке!

кчем случае не желал хоть как-то выделяться среди сверстников. Когда он до предела изнашивал одежду, и мать везла его в Страсбург, чтобы купить обновы поприличней, мальчуган устраивал в магазине едва ли не истерику, отказываясь примерять чересчур красивые, по его мнению, курточки и штаны. Он краснел, когда вспоминал, что питается лучше других ребят. Однажды, поборов в честной схватке мальчишку, который считался первым силачом в округе, Альберт гордо оглядывал

с ними буквально сводили его с ума. Он не понимал, почему в своих вечерних молитвах должен упоминать только людей, поэтому, когда его мать, помолившись вместе с ним, гасила свет и уходила, в темноте добавлял от себя: «Отец наш, защити и благослови всех, кто дышит, охрани их от всякого зла и даруй спокойный сон».

В школе Альберт не очень-то преуспевал. И это еще мягко сказано. Он искренне не мог понять, зачем вообще нужно учение, ведь гораздо интереснее любоваться картинами

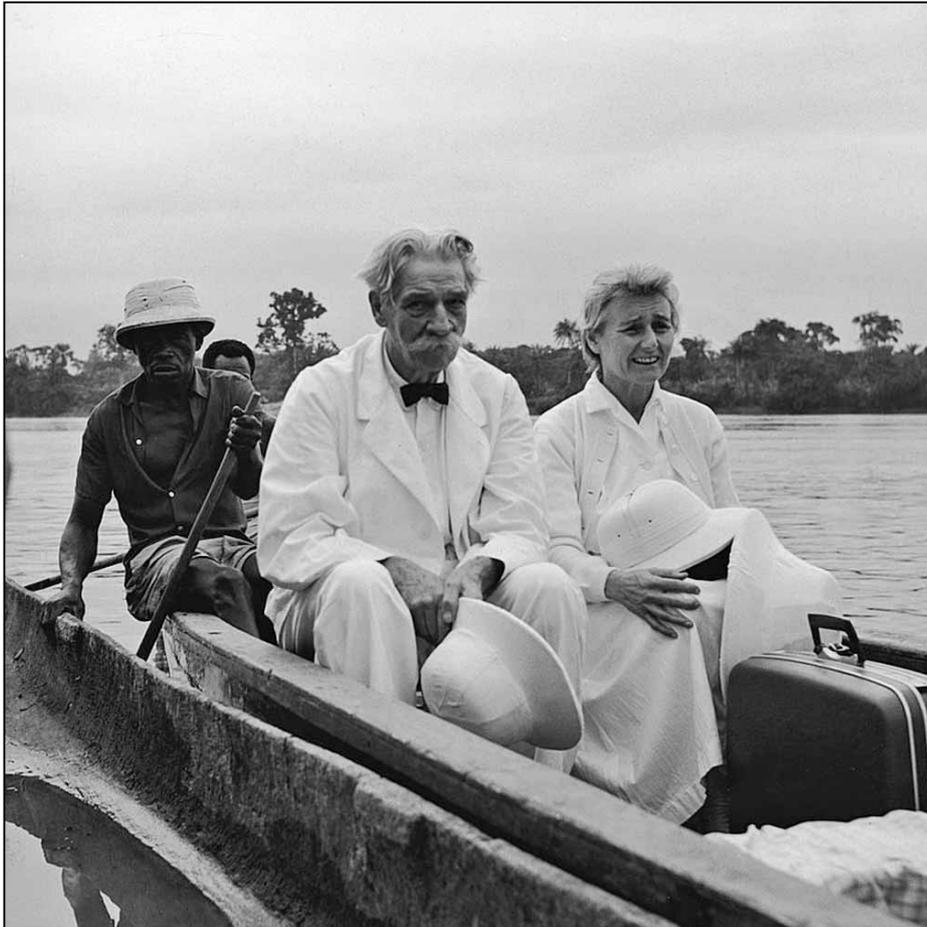

*Альберт
Швейцер
за органом*

окружающей природы или играть с животными. Отец с мягкой иронией советовал мальчугану научиться, по крайней мере, сносно читать и писать, тогда он сможет стать хотя бы почтальоном.

После окончания начальной школы Альберт поступил сначала в реальное училище, а затем в гимназию в городе Мюльхаузен. Там, как сын пастора, он учился бесплатно, а жил в доме своего дяди. Постепенно мальчик втянулся в занятия и гимназию окончил вполне пристойно.

Рассказ о детстве и отрочестве Швейцера не будет полным, если не коснуться его увлечения, нет, страсти, которая владела им всю жизнь — страсть к музыке. Она была наследственной. Дед и отец Альберта очень неплохо играли на клавесине и фисгармонии. Но главным инструментом для них, разумеется, был орган. Отец начал обучать Альберта игре на клавесине, когда тому едва исполнилось пять. Восемью лет отроду он уже играл на органе, хотя ноги еще не доставали до педалей, а в шестнадцать

С женой Еленой Швейцер-Бреслау держат путь в Ламбарене по реке Огове

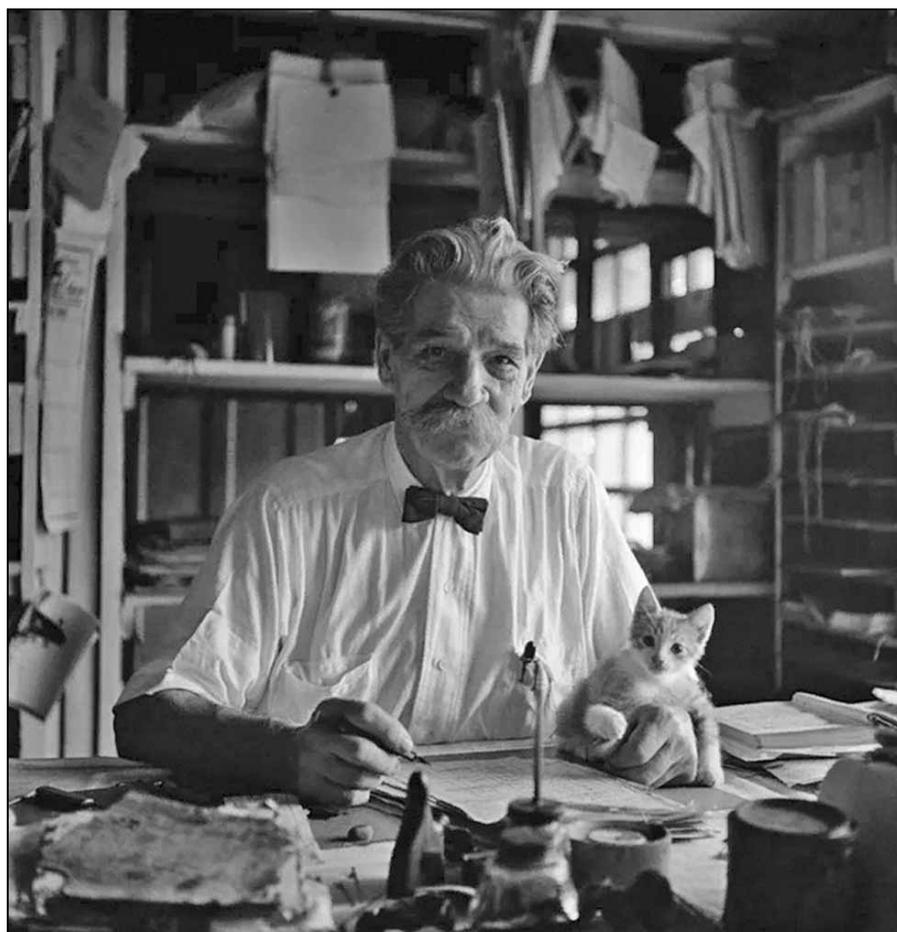
сопровождал своей игрой большой хор и оркестр под управлением известного музыканта Э. Мюнха, исполнявшего «Реквием» Брамса.

Осенью 1893 года Швейцер поступил в Страсбургский университет, причем сразу на два факультета — богословский и философский. Занимался он с потрясающей самоотдачей. День его был уплотнен до предела, но времени все равно не хватало. Работал он и по ночам, а чтобы не заснуть за столом, держал ноги в тазу с холодной водой. Только могучее здоровье позволило ему выдерживать такие нагрузки.

Да, странный он был все-таки человек, этот Альберт Швейцер. Свято верил в силу человеческого разума,

а самые важные решения в своей жизни принимал неосознанно, интуитивно.

Ему исполнился двадцать один год. И вот однажды, как раз на Троицу (этот день врезался ему в память на всю жизнь), Альберт неожиданно решил: еще десять лет он посвятит занятиям наукой, музыкой, службе проповедника, а потом встанет на путь прямого служения людям. Каким будет этот путь, он пока не знал, это должны были подсказать последующие годы. Что ж, все эти годы он спокойно и упорно шел вперед, совершенствуясь в каждой из выбранных им областей. Преуспел ли он? Судите сами. Объем опубликованных им за это время трудов состав-

ляет более двух тысяч страниц. Это, прежде всего, богословские работы, посвященные исследованию земной жизни Иисуса Христа — поиски «исторического» Иисуса. Занимаясь исследованием истории тайной вечери, Швейцер затем перешел к более общим проблемам раннего христианства. Ему присудили ученую степень доктора теологии, а немного позднее и степень доктора философии. Он возглавлял кафедру религиозных наставников, читал лекции, руководил воскресной школой и духовной семинарией в Страсбурге. И при этом не оставлял занятий музыкой, совершенствовал свое исполнительское мастерство органиста под руководством выдающегося музы-

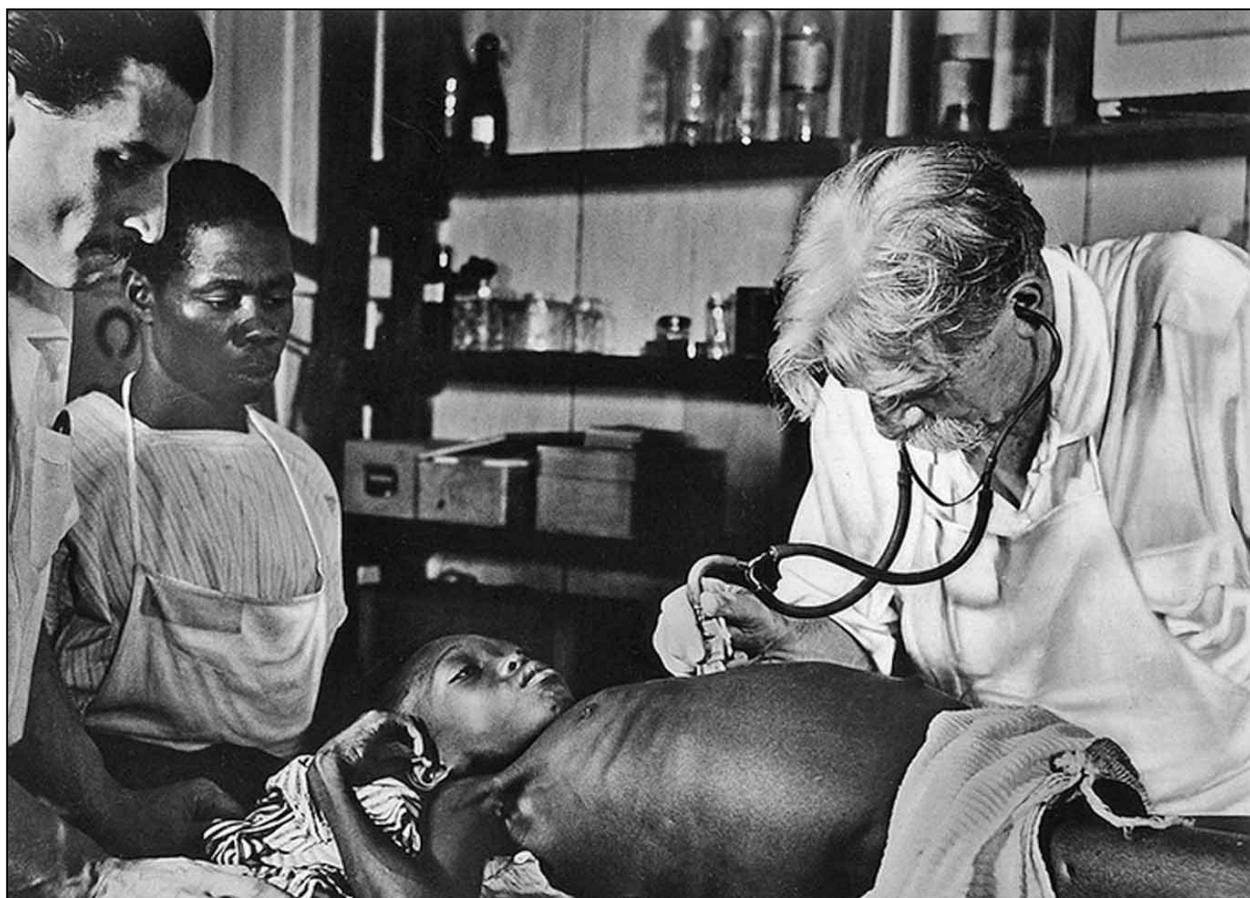
канта и композитора Ш.М. Видора. Много времени уделял изучению жизни и творчества своего кумира — И.С. Баха. Его монография о великом композиторе заслужила восторженные отзывы музыковедов. Кроме того, Альберт увлекался старинными органами, разгадывал секреты их устройства, реставрировал. И концертировал, очень много концертировал. Германия, Голландия, Франция ... В Испании, в Барселоне, на его концерте присутствовал король. «Скажите, господин Швейцер, трудно ли играть на органе?» — поинтересовался монарх. — «Почти так же трудно, как управлять Испанией, Ваше Величество», — ответил Альберт. — «О, значит, вы — отважный человек».

Еще бы не отважный! В 1905 году Альберту как раз исполнилось тридцать. Заканчивался срок, который он сам поставил себе. И опять, словно мистика какая-то. Именно в эти дни на глаза ему попала газета с призывом помочь миссионерскому пункту в Габоне. Швейцер, наконец-то, нашел то, что искал. Он станет миссионером и врачом в Африке! Дело было за «малым» — получить диплом врача. Когда доктор философии и теологии Альберт Швейцер явился к декану медицинского факультета Страсбургского университета с просьбой зачислить его на первый курс, он почувствовал, что старенький профессор с гораздо большей охотой проводил бы его в психиатрическую клинику при факультете. Тем не менее, он был принят и с энтузиазмом приступил к занятиям.

Решение Альберта стать медиком и уехать в Экваториальную Африку родные и друзья встретили, мягко говоря, без восторга. Бросить успешную карьеру ученого и музыканта, и чего ради? Высказывалось даже предположение, что все дело в несчастной любви. Что ж, о любви в этот период жизни Швейцера действительно можно говорить, но несчастной она не была. Он познакомился с Еленой Бреслау еще в 1902 году. Эта милая и умная девушка, дочь профессора-историка, была на четыре года моложе Альберта. Поначалу молодых людей, видимо, связывало лишь духовное сродство: Елена, как и Альберт, обожала музыку. Кроме того, она много времени и сил

отдавала воспитанию детей — сирот (в двадцать лет она получила диплом учительницы). Постепенно их отношения стали выходить за рамки чисто дружеского общения. Однако подробности их романа остаются для нас тайной. Крайне сдержанный и скрытный, Швейцер ни в письмах, ни в своих биографических произведениях никогда не касался своих отношений с Еленой. Практически ничего не известно и об его увлечениях до того, как он сблизился с Еленой. Были ли они вообще? Единого мнения на этот счет среди биографов нет, хотя человек с таким шармом и обходительностью, как Швейцер, мог иметь немалый успех у дам. Да и внешние данные у него были хоть куда: высокий, атлетически сложенный, с приятными чертами лица. В молодости он одевался со вкусом и даже несколько щеголевато. Впрочем, и Елена была ему под стать: стройная, гибкая, с нежным профилем и задумчивыми серыми глазами. Они поженились в июне 1912 года, после того как Швейцер завершил свою медицинскую подготовку. Желая быть как можно более полезной мужу, Елена окончила курсы медсестер.

Не без труда собрав деньги на закупку необходимого оборудования для больницы у меценатов и спонсоров, Альберт с женой отправились в путь. В апреле 1913 года они сошли на африканский берег в Порт-Жантиль, в устье многоводной Огове. Оттуда по реке добрались до Ламбарене, небольшой африканской де-

Альберт Швейцер в госпитале в Ламбарене

ревеньки, где Швейцер собирался воплотить в жизнь свою идею прямого служения человечеству. Он знал, на что идет, но у бедной Елены, наверное, не раз екало сердце в ту первую ночь, проведенную в самом сердце джунглей, под вскрики неведомых зверей и таинственные всплески на реке, кишевшей крокодилами и бегемотами. Да и климат в Ламбарене для европейцев был поистине убийственным. Полсотни километров от экватора, заболоченные джунгли, сорок градусов в тени, при огромной влажности и отсутствии малейшего ветерка. Но надо было начинать жить и работать. Единственным средством сообщения в Габоне были реки, и,

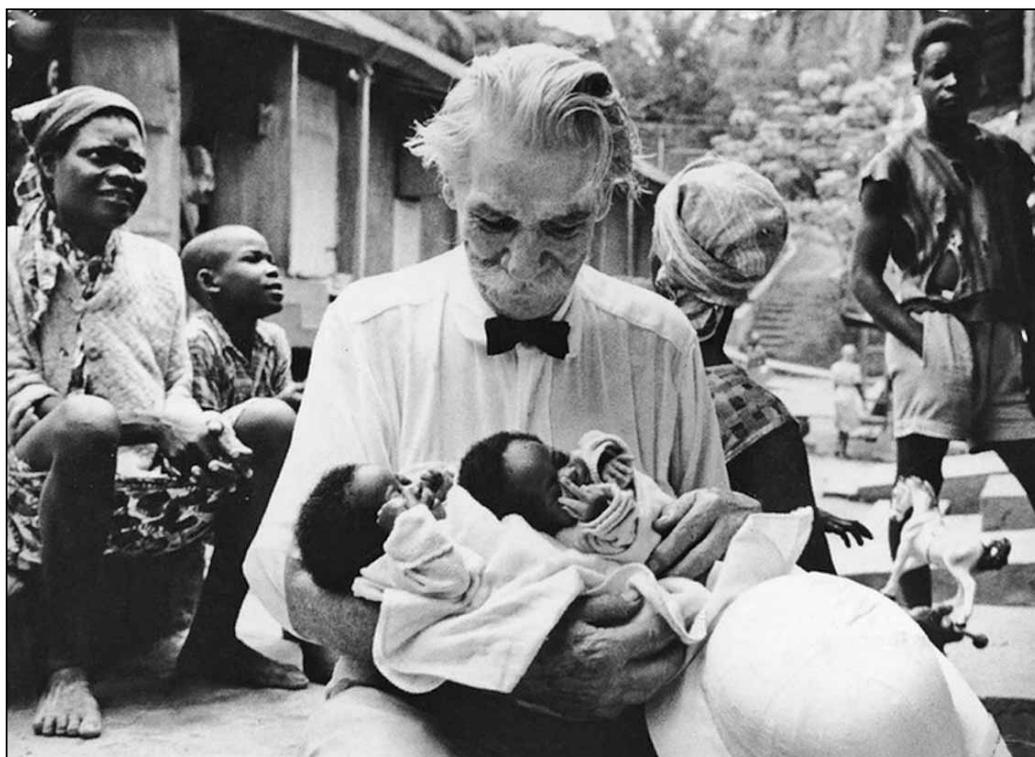
прежде всего, Огове с ее притоками. Как только весть о прибытии в Ламбарене белого доктора разносилась по округе, в больницу сразу же начали прибывать на лодках пациенты. Так как подходящего здания под амбулаторию и операционную не нашлось, Швейцер приспособил под них старый курятник. Только через пару месяцев был построен барак из рифленого железа и несколько бамбуковых хижин вокруг него. В бараке Швейцер оперировал и лечил больных. Здесь же он держал и аптеку. Пациенты жили в бамбуковых хижинах. Елена выполняла обязанности медсестры, заботилась о белье, медикаментах, стерилизации

инструментов и других необходимых вещах. Работу поначалу очень затрудняло то обстоятельство, что Швейцеру не сразу удалось найти среди местных жителей переводчиков и помощников. Первым африканцем, предложившим свои услуги доктору, стал некий Жозеф Азовани, личность весьма колоритная. Жозеф прежде служил поваром и знакомство с анатомией приобрел не в медицинской клинике, а на кухне и в мясной лавке. Именно поэтому диагнозы в его интерпретации звучали весьма своеобразно: «У этой женщины, — невозмутимо сообщал он, — боль в левой филейной части, а этого мужчину беспокоит фурункул в правой верхней котлете».

Мало-помалу в Ламбарене стал складываться особый, ни на что не похожий тип клиники. Швейцер понимал, что имеет дело не с европей-

цами. Он должен был учитывать чувство страха у своих пациентов перед неизвестным и уже потому пугающим лечением у белого человека, поэтому не ломал привычный быт африканцев, а приспособливал правила больницы к этому быту. В джунглях очень сильны внутрисемейные связи, и Швейцер разрешил пациентам приводить семью в больницу и жить там всем вместе. Больные, принадлежавшие к разным племенам, с опаской и подозрением относились друг к другу и к еде, приготовляемой местным персоналом в больнице. Швейцер принял решение выдавать пациентам продукты в натуральном виде, чтобы они сами, по своему вкусу, готовили еду. Разумеется, это была необычная практика, но она себя оправдывала. Ни один пациент не сбежал из лесной больницы Швейцера, тогда

как в госпитале столичного Либревиля, несравненно лучше оборудованного, побеги были обычным делом.

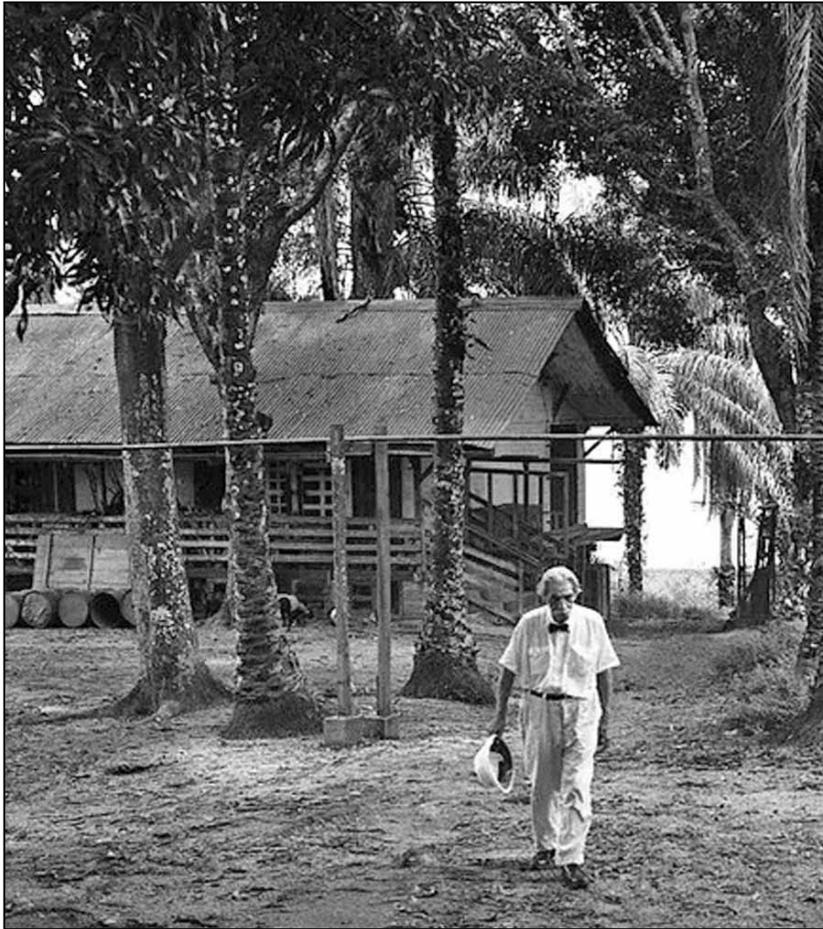
В таких нелегких условиях доктор и его немногочисленный персонал в течение только 1913 года оказали помощь более чем двум тысячам человек.

Редкие часы досуга Швейцер посвящал философским размышлениям и музыке. Для того чтобы у него не «заржавели пальцы», Альберт вечерами играл на пианино, специально приспособленном для тропического климата — с органным педальным устройством. Инструмент прислали ему его поклонники из парижского «баховского общества».

Альберт обожал животных. В Ламбарене у него помимо собаки были три ручных пеликана, антилопы, черная овца, любившая сидеть у него

под письменным столом, и попугай, приветствовавший его криком: «Доброе утро, доктор!»

Первая мировая война, начавшаяся в 1914 году в Европе, дошла и до Африки. Швейцер и Елена, как германские подданные на территории французской колонии, оказались под особым надзором, а в 1916 году были высланы во Францию. Там они очутились в лагере для военнопленных сначала в Пиренеях, а потом в Провансе. Условия жизни там были очень нелегкие, и Швейцер долго болел. Тем не менее, он не терял оптимизма и даже помогал лагерному врачу, принимая пациентов, а в свободное время... репетировал органные концерты. Правда, происходило это весьма своеобразно. Он рисовал на столе клавиатуру и имитировал на ней игру двумя руками, одновременно нажимая на деревянные бруски,

подложенные под ноги и изображавшие педали. Там же в лагере 14 января 1918 года, как раз в день сорокачетырехлетия Альберта, Елена родила ему дочь, которую назвали Реной.

Летом 1918 года Швейцеры были освобождены из лагеря и переехали в Страсбург. Там Альберт снова занялся наукой, медициной, музыкой. Лишь в 1924 году он сумел вернуться в Ламбарене, куда его неудержимо тянуло все это время. Елена, здоровье которой серьезно пошатнулось, осталась дома с дочерью.

От больницы практически ничего не осталось. Строить пришлось все заново. Впрочем, теперь это было уже гораздо проще: клиника Швейцера стала приобретать всемирную известность, и количество спонсоров увеличилось. Впрочем, и расходы возросли многократно. Больница расширялась. Постоянного медицинского персонала не было, но врачи из Европы почитали за честь по-

работать у Швейцера год-два. Сам доктор теперь делил свою жизнь между Африкой, где он проводил две трети времени, и Европой, куда ездил восстанавливать силы и немного отдохнуть. Более пятидесяти лет Швейцер, словно неутомимый челнок, сновал между двумя континентами. В общей сложности он совершил 14(!) путешествий в Африку. В Европе читал лекции, писал книги, давал концерты, пока не набирал сумму достаточную, чтобы обеспечить работу больницы. К деньгам спонсоров и кредиторов он относился с необычайной щепетильностью. В расходах был скуп, порой выглядел даже скрягой. К примеру, правил и повторно использовал старые гвозди, стирал старые бинты по много раз. Личные расходы его были сокращены до минимума. Путешествовал третьим классом только потому, что не было четвертого. На все торжества в его честь

в Европе (даже на церемонию награждения Нобелевской премией в 1954 году) являлся во фраке, сшитом еще в 1905 году для уже упоминавшегося концерта перед испанским королем.

Его называли «величайшим человеком двадцатого века» и даже «тринадцатым апостолом Христа». Доктора эти славословия раздражали. О нет, он знал себе цену, но какой же он святой? Недостатков у него

После окончания войны известность и авторитет Швейцера еще больше возросли. Почетные звания и награды сыпались на него, как из рога изобилия, от журналистов не было отбоя. Его называли «величайшим человеком двадцатого века» и даже «тринадцатым апостолом Христа». Доктора все эти словословия только раздражали. Он, конечно, цену себе знал, но какой же он святой?! Недостатков у него хватало, например, о его «диктаторских замашках» постоянно шептались в клинике. Швейцера же считали, что в своей больнице он — бог и царь. Ведь иначе разве можно было бы добиться такого успеха?

После установления нацистского режима в Германии Швейцера заявил, что не ступит на немецкую землю до тех пор, пока Гитлер останется у власти. Тем не менее, нацисты предприняли попытку переманить его на свою сторону. Геббельс лично направил ему письмо с предложением выгодных музыкальных ангажементов. Швейцера ответил решительным отказом, не без язвительности подписавшись: «с центральноафриканским приветом, А. Швейцера».

После окончания войны известность и авторитет Швейцера еще больше возросли. Почетные звания и награды сыпались на него, как из рога изобилия. От журналистов в Ламбарене не было отбоя.

хvatало. Он вспыльчив. Может запросто накричать на нерадивую медсестру или ленивого строителя. Правда, при этом весьма отходчив. О его «диктаторских» замашках много шептались в клинике. Что ж, в своей больнице он — бог и царь. Но разве иначе он добился бы успеха?

В пятидесятые и в начале шестидесятых годов стало появляться все больше противников его методов организации клиники в джунглях. Стремление Швейцера не «вырывать» африканцев из привычной среды имело и обратную сторону. По территории больничного городка бродили в полнейшем беспорядке пациенты, их родственники и даже домашний скот, который они

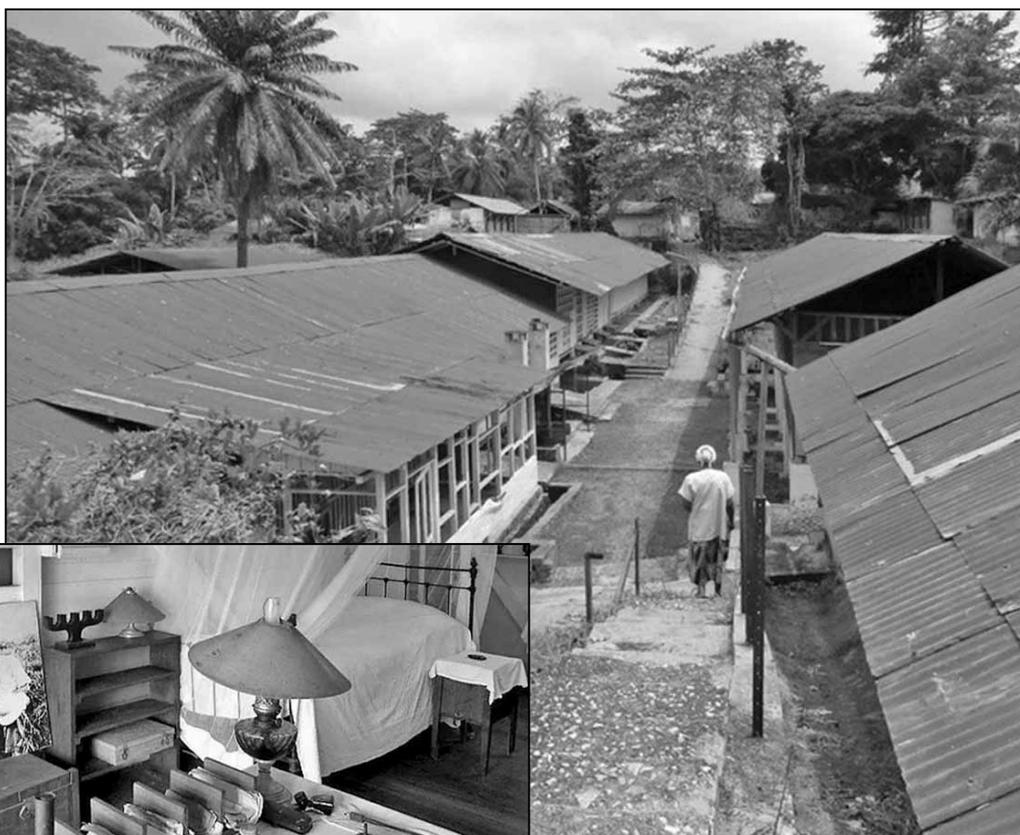

приводили. Отсутствовала современная система канализации. Так что, с точки зрения современной медицины, больницу вряд ли можно было назвать образцовой. Излишний консерватизм Швейцера, проявлявшийся в отказе от технических новинок, тоже давал повод для критики. Тем не менее, те, кто называли больницу «дикой, примитивной и отсталой», безусловно, грешили против истины, о чем свидетельствовало и постоянно увеличивавшееся число излеченных в клинике больных.

Замечания в адрес Швейцера отчасти объяснялись и его активной борьбой против ядерной угрозы. Критики считали, что Швейцеру следовало бы сосредоточиться на управлении клиникой, а не заниматься глобальными проблемами. Тем не менее, в 1953 году ему была присуждена Нобелевская премия мира. Почти все полученные деньги он потратил на строительство деревни для прокаженных около Ламбарене.

В Европе Швейцер продолжал давать органные концерты. Кроме того, его приглашали в качестве

*Клиника
в Ламбарене
в наши дни*

*Рабочий
кабинет
Швейцера
в наши дни*

консультанта, когда нужно принять решение о реставрации какого-нибудь старинного органа. Друзья шутили: «В Африке он спасает старых негров, в Европе — старинные органы».

Последние годы своей жизни Швейцер провел в Ламбарене. 14 января 1965 года он встретил свой девяностый день рождения. Патриарх продолжал руководить клиникой, однако, с лета стал заметно терять силы. 23 августа 1965 года он сделал последние распоряжения...

Скончался Альберт Швейцер 4 сентября, и сотни тамтамов разнесли горестную весть о смерти великого белого доктора. Похоро-

нили его на территории больницы рядом с могилой жены, которая скончалась восемью годами раньше. Швейцер был сентиментальный человек, и, как дань этому чувству, рядом с ним положили его старую шляпу, с которой он не расставался более полувека. И еще холщовый мешочек с рисом, которым он кормил бегавших за ним по территории больницы цыплят. Его именем названы многие больницы, школы и даже пароходы. Впрочем, и без этого имя Швейцера никогда не изгладится из благодарной памяти человечества. □

Агния Кузнецова — талантливая, харизматичная актриса. Она играет в театре и снимается успешно в кино: в ее фильмографии более пятидесяти фильмов. В сериале «Даша Васильева. Любительница частного сыска — 1», еще будучи студенткой, сыграла первую роль, потом была главная роль в фильме «Птицы небесные».

Яркую молодую актрису заметил Алексей Балабанов и в 2007 году снял в своей картине «Груз 200» — актриса сыграла очень сложную роль — Анжелику, главную героиню. Гай Германика тоже приглашала Агнию в свои проекты.

Амплуа актрисы очень разноплановое : комедийный сериал «Девочки не сдаются» — трогательная студентка Маш, и главная роль Лизы в семейной саге-фильме «Сделано в СССР», в сериале «Ой, мамочки» — роль Жанны, в фильме «А зори здесь тихие...» у режиссера Рената Давлетьярова — юная зенитчица Соня Гурвич, в сериале «Желтый глаз тигра» — Татьяна и многие другие.

Фото — агентство АРТ-ХАУС, из личного архива

Агния Кузнецова

«У Балабанова я научилась выкладываться в работе на сто процентов»

— **Агния, что нового происходит в вашей творческой жизни сегодня?**

— Сегодня, я бы сказала, в моей творческой жизни происходит взрыв

театральной деятельности, чему я очень рада.

Начала репетировать во МХАТе имени Горького новый спектакль, по

произведению Валентина Распутина, постановка называется «Нежданно-негаданно» и приурочена она к 85-летию со дня рождения писателя.

Режиссер спектакля замечательный — это Галина Полищук, я занята в ее спектакле «Женщины Есенина» и, поскольку работать с ней очень интересно, я согласилась на ее предложение сыграть в постановке «Нежданно-негаданно».

Моя героиня Люся — проститутка, но она практически ценой своей жизни спасает девочку.

В спектакле прекрасный актерский ансамбль: Марат Башаров, Максим Дожненко, Наталья Медведева, Екатерина Волкова, Андрей Вешкурцев — артисты, которые понимают способ работы режиссера Галины Полищук и создают особенный мир существования актера на сцене.

— Какую роль вы играете в спектакле «Женщины Есенина»?

— Галины Бениславской — литературного секретаря, помощника, близкого друга Сергея Есенина. В роли Есенина — яркий, харизматичный, талантливый актер Андрей Вешкурцев. Спектакль идет во МХАТе имени Горького с аншлагами, с полными залами, публика принимает очень тепло.

Пьесу написала Елена Исаева по книге Захара Прилепина «Есенин: Обещая встречу впереди», постановка Галины Полищук, как уже говорила ранее. Спектакль репетировали артисты почти год, я подключилась несколько позже.

Получилось большое пластическое, поэтическое полотно, где каж-

дая сцена скреплена каким-то сюжетом из разных периодов жизни Есенина, а когда читают прекрасные стихи поэта — зрители с восторгом аплодируют — творчество Есенина актуально и сегодня.

Галина Бениславская, которую я играю, боготворила Есенина и находилась рядом с ним длительный период времени, была его ангелом-хранителем, помогала ему в работе. Поэт всегда с ней советовался, дорожил ее мнением по поводу своего творчества. Пути их разошлись, через год после смерти Есенина Бениславская застрелилась на его могиле, и похоронены они рядом...

Галина — сильная и слабая женщина одновременно, конечно, мне было очень интересно сыграть такую яркую личность, раскрыть ее характер, интересно понять, что есть такое — стремление к самопожертвованию ради любимого. Откуда в ней была такая редкая способность — отдать все другому человеку?

Женские образы в спектакле создали замечательные, невероятные актрисы: Екатерина Стриженова — мама поэта, Екатерина Волкова — Айседора Дункан, Алиса Гребенщикова — Зинаида Райх, Наталья Медведева — Софья Толстая...

— Что нового происходит в кино?

— Скоро выйдет на экраны четвертый сезон телесериала «Мажор», где я играю главного следователя СК.

В кинотеатрах идет прокат фильма «Хочу замуж» — режиссера Сони Карпуниной, у меня там небольшая роль.

*«А зори
здесь
тихие...»*

Справа:
*«Желтый
глаз тигра»*

— Вам, как актрисе, было интересно сыграть главного следователя?

— Мне понравилось играть волевою, сильную женщину, абсолютно независимую, которая командует мужчинами с автоматами. Я сыграла другой возраст — человека старше себя, и это тоже для актрисы важно и интересно.

Съемки проходили зимой — сложные, ночные съемки на улице, шапку надеть было нельзя, чтобы сохранить красивую прическу героини. Некоторые хитрости с костюмом и макияжем помогли выглядеть солидней внешне, поскольку я не крупная женщина, а играю женщину — начальника.

Мне понравилось работать с режиссером телесериала «Мажор» Нурбеком Эгеном. Он предлагал свободу актерам, никогда не давил, это был заме-

чательный опыт. Мечтаю еще встретиться с Нурбеком на съемочной площадке.

— Агния, в двадцать лет вы сыграли у режиссера Алексея Балабанова в фильме — триллере «Груз 200». Картина о жестких нравах провинциального городка на закате советской эпохи... Как вам работалось и чему вы научились у Балабанова?

— Алексей Балабанов — уникальная личность, это был редкий, талантливейший режиссер, сценарист. У него я научилась честности в профессии, честности по отношению к самой себе. Не врать себе в работе, выкладываться на сто процентов. Меня, тогда совсем юную девчонку, он спросил, с кем хотела бы сыграть в его филь-

ме — таких вопросов режиссеры никогда не задают! Сажал к playback и рассказывал, как снимается кино. Вел себя как отец родной. Он всегда говорил правду и никогда ни перед кем не «рисовался». Помню, как Балабанов говорил, что главный герой не имеет права обманывать зрителя, он должен быть открытым и честным с людьми, такими и являются герои его культовых фильмов «Брат», «Брат -2» и других картин.

— Вы снимались в фильмах Валерии Гай Германики, как вам работалось с ней?

— Очень хорошо, у нас был творческий тандем, и я ценю этот опыт.

Лера взяла меня в картину «Все умрут, а я останусь» практически без проб, во время съемки она очень

волновалась, поскольку это был ее режиссерский дебют. Фильм о сложных взаимоотношениях подруг-девятиклассниц.

Лера тогда предложила мне самой выбрать себе роль, и я была удивлена — такого не бывает! Но, оказывается, случается и такое в жизни артистов. Выбрала роль Жанны, стала сниматься.

— Премьера фильма состоялась в программе дебютных фильмов «Неделя критики» на Каннском кинофестивале в 2008 году, и он получил специальный приз — диплом конкурса. В том же году картина вышла в российский прокат.

Потом была картина «Да и да» в 2014 году, фильм получил признание и был номинирован на ки-

нопремии «Ника» и «Белый слон» за лучшую женскую роль.

Вы сыграли главную и сложную роль молодой учительницы Саши, оказавшейся волею судьбы в труднейшем положении.

— Очень благодарна Лере, потому что сотрудничество с ней — это часть моей жизни, огромный кусок биографии. Думаю, что мы еще поработаем вместе.

Интересно, что Лера танцевала в проекте «Танцы со звездами» с моим будущим мужем — Максимом Петровым. И детей-мальчиков мы родили с ней в один год, только с разницей в месяц. И в храм она меня привела к своему батюшке...

— Что есть, на ваш взгляд, особенного в режиссере Валерии Гай Германке?

— Талантливейший режиссер со своим авторским видением, со своим

пониманием того, какие темы нужно раскрывать сегодня в кино, на экране, то есть какие темы сегодня актуальны для людей.

У Валерии свой путь, усеянный и успехом, и сложностями, у нее есть большие картины и средние проекты, собственно, как у всех режиссеров и актеров.

— А как вы пришли на проект «Танцы со звездами»?

— Меня пригласили сделать благотворительный танцевальный номер в честь детского фонда «Галчонок», и я согласилась.

На этом проекте встретила Максима Петрова, он был моим партнером по танцам. Максим на первой тренировке подарил мне букет цветов. Я тогда решила, что это знак внимания именно мне, но, оказывается, будучи галантным кавалером, Максим на проекте всем своим партнерам традиционно дарил цветы на первой тренировке. Мы подружались, появилась симпатия, потом у нас начался роман, и это было настоящее чувство. Мы поехали на Алтай, к родственникам Максима, и там, на отдыхе, в горах, во время прогулки на лошадях, он сделал мне предложение руки и сердца.

Поженились мы через несколько месяцев после знакомства.

Могу сказать, что я счастлива. Максим — настоящий мужчина, невероятно интересный человек, личность.

Проект «Танцы со звездами» я не забуду никогда!

Слева:

«Морфий»

«Все просто»

— У вас была хореографическая подготовка для участия в этом проекте?

— В детстве я никогда не ходила в танцевальные кружки, да и танцевать не любила. Самое смешное то, что сейчас в каждом спектакле я танцую: в «Женщинах Есенина» — фокстрот, также несколько танцев в постановке «Девушка и революционер», в спектакле «Ближе» — исполняю стриптиз, то есть все мои героини танцующие, так уж складывается...

— Агния, ваша работа постоянно связана с творческими людьми, какие качества в человеке вам симпатичны?

— Мне нравятся люди с чувством юмора, которые могут разрядить обстановку. Душевные и добрые. Честные. Позитивные. Знаете, мне самой очень хочется быть такой.

— Есть ли у вас увлечения в жизни?

— Помимо своей профессии, я очень люблю путешествия. Сын наш подрос, скоро ему три года исполнится, и, надеюсь, что сможем всей семьей отправиться куда-нибудь в путь, возможно, в Крым. Я никогда не была на Байкале, и хотелось бы там побывать.

Знаете, путешествовать можно и в соседний городок, смотреть новые места — это всегда интересно, смена обстановки тоже важна.

— Что пожелаете читателям журнала?

— Мира в душе, мира в вашем доме, мира в вашей семье, человек должен жить для своих близких.

Честно выполняйте свою работу.

По мере возможностей всегда помогайте другим людям — это созидание. □

Беседовала **Елена Воробьева**

Елена Колчак

УБИЙСТВО В СТИЛЕ ретро

Пролог

Эту историю я начала сочинять под давлением обстоятельств. Чужой город, ни одного знакомого в радиусе двухсот километров, восхитительная погода, очаровательные пейзажи — Лазурный берег среднерусского разлива... О господи, чем же заняться?

По киоскам и лоткам я набрала охапку разноцветной макулатуры и предалась безмятежному безделью, занимая мозги попытками угадать, какой же еще «рояль в кустах» приготовит мне очередной автор. Некоторые книжки не только занимали время, но и доставляли удовольствие: приятный язык, неправдоподобные, но симпатичные персонажи, юмор опять же. Мне на все это хватило трех дней. Объелась. Соскучилась. Захотелось классики жанра. Не полицейского романа — когда читатель вынужден следовать за тем, что соизволит, наконец, открыть ему автор, а именно классики — когда все составные части головоломки выложены на первых тридцати-пятидесяти-ста страницах, только хитрый автор спрятал их среди прочих обстоятельств так, что, читая последнюю главу, читатель бьет себя по лбу — как просто, почему же я сам не догадался?! Все должно быть спокойно, камерно, по-домашнему уютно. Аристократическое поместье, роковая красавица, испуганная или глуповатая горничная, зловещий лакей, легкомысленный плейбой, тайный брак, наследство, исчезнувшее завещание, загадочные следы — нет, не крови, а, например, майонеза

(кто ходил с сэндвичем на чердак?!), собака, которая «никак себя не вела, это-то и подозрительно», ироничный инспектор полиции...

Книготорговля предлагала лишь то, что было знакомо и вдоль, и поперек, и даже наискосок. Ведь мастеров классического детектива совсем немного: ну, Стаут с Честертоном, ну, Кристи и Марш, ну, Гарднер (тот, что Эрл Стенли, а не тот, что Мартин) с Диком Френсисом, ну, Джон Диксон Карр и ранний Леонов... Даже если прибавить отцов-основателей жанра — Эдгара По и сэра Артура Конан-Дойля — все равно «маловато будет», как говаривал известный мультипликационный персонаж. Перечитаешь раз, другой, десятый — но не двухсотый же!

Должно быть, наблюдаемое вокруг «благорастворение воздуха, мир и в человецех благоволение» попутно растворило и мои мозги. А в жидком состоянии до каких только странных идей не добулькаешься! Ну, например... Не хватает любимого чтива — и ладно, обойдемся собственными ресурсами! Что нам стоит дом построить — нарисуем, будем жить! В смысле — напишем, будем читать!

Новая игрушка оказалась на диво увлекательной: придумывать характеры, рисовать сложные схемы взаимоотношений и передвижений, ломать голову над правами наследования и изощренными способами обеспечения алиби. Я ведь и в самом деле намеревалась про все это написать. Весьма самонадеянно... ..и крайне неблагоразумно.

Естественно, в жизни все оказалось куда проще, чем я придумала, во всяком случае совсем не столь театрально и экстравагантно. Даже убийцей оказался совсем не тот персонаж, которого я на эту роль планировала. Только жертву я угадала верно.

Глава 1

Сейчас мне кажется, что если бы эта история (сама по себе, а не мои попытки сочинить классический сюжет) произошла у нас в городе, разобраться с ней можно было бы за полдня. У Холмса была солидная личная картотека, у Арчи Гудвина — Лон Коэн с его журналистским архивом. А у меня — Санечка, ходячий редакционный «справочник», в котором есть все обо всех мало-мальски значимых людях города. Доступ к «справочнику» не бесплатный. Уж не знаю, сколько Санечка берет за информацию с посторонних, от коллег он принимает «гонорар» пивом. Весьма недешевым, да и не в каждом магазине его любимый сорт купишь — но дело того стоит. Получасовое общение с Санечкой дает больше, чем неделя копания в справочниках типа «Кто есть кто в губернии» и газетных подшивках.

Увы! Не судьба Маргарите Львовне Волковой — то есть, мне, — ходить легкими путями. Санечка безвылазно сидит в городе, и все его познания

связаны с ним и губернией, меня же поманил ветер дальних странствий. Ну, не то чтобы ветер и не так, чтобы дальних, но аккурат под начало отпуска дела занесли меня на границу области. И после них, стоя на автовокзале, я и почувяла этот самый ветер. Как-то глупо возвращаться домой и расходовать отпуск на пейзажи, которые и так видишь каждый день. Да и когда еще выдастся шанс двинуться в буквальном смысле куда глаза глядят.

Для начала глаза мои поглядели на расписание автобусов. Два ближайший рейса были ближайшими во всех смыслах: один на шестьдесят, другой на семьдесят километров. А вот часа примерно через два рейс в настоящую даль — через несколько областных границ, в городок с милым названием Усолье. Судя по всему, это должен быть райцентр или что-то вроде. Лишь бы не совсем мелкий — остановиться-то мне где-то надо, не палатку же на площади ставить. Да у меня и палатки-то с собой нет. Впрочем, пустяки. Не найдется в Усолье гостиницы или бабулек, сдающих угол, поеду дальше, нет проблемы.

Оставшееся до отправления автобуса время я употребила на улучшение желудка и прочих важных частей организма. Желудок получил вполне съедобную котлету и нечто под загадочным названием «кофе в зернах». «Нечто», вопреки филологическим ожиданиям, было жидким. «Оно» — в смысле «нечто» — плескалось в пластиковом стаканчике и, кроме названия и агрегатного состояния, ничего общего с кофе не имело — даже с желудевым. Единственным достоинством загадочного напитка оказалась температура — неотличимо близкая к температуре кипения.

Что касается прочих важных частей организма, то у меня есть еще голова, где живут мозги, а кроме них, неизвестно где существует нечто под названием «душа». Мозгам пришлось напрячься и подсчитать наличность — перед путешествием я, естественно, запаслась, но кто же знал, что меня понесет незнамо куда? Ну... деньги, в общем, были, а там, если что, разберемся по ситуации. Душа не пожелала отставать и потребовала позвонить в город двум-трем знакомым. При этом некоторые из абонентов оказались весьма настойчивы в своем стремлении непременно докопаться — «куда тебя, Маргарита Львовна, несет?» Не подумайте плохого о моем круге знакомств — люди все больше воспитанные, проявлять нездоровое любопытство не склонные. «Некоторые» — это про моего давнего приятеля милейшего майора Ильина из нашего ГУВД. Редкий по своим мужским качествам экземпляр — я про умение забивать гвозди и вообще заботиться о сырых и беспомощных, но, по-моему, у него уже наступает профессиональная деформация, он слишком настырно выясняет обстоятельства, которые его совершенно не касаются.

Или это не профессиональное, а как раз личное?.. Ей-богу, вернусь в город и поставлю вопрос ребром: ты за мной ухаживаешь или как? Если

«или как» — то с какого перепугу вечно украшаешь и устрашаешь собой окружающее меня пространство? Если да... У любого процесса должна же быть некая перспектива, а то этот, похоже, стал уже самоцелью. Видимо, в каждой особе женского пола сидит романтическая идиотка, основным занятием которой являются «мечтания». Какие? Ну... Приезжаю я, значит, в Усолье, и тут происходит «случайная встреча» (и почему бы не с Ильиным?) А как она произойдет, если никому не известно, куда я направилась? Хороший экспромт должен быть хорошо и подготовлен, поэтому вместо того, чтобы, повинувшись первому движению души, поведать Никите о судьбе «любопытной Варвары», я не только сообщила ему название «Усолье», но даже уточнила, какое именно. А то еще уедет куда-нибудь за Урал...

Увы, романтические ожидания так же, как детективные, реализовались гораздо менее изысканно, чем придумывают сочинители.

Глава 2

У соседок по автобусу я выяснила, что гостиницы в Усолье имелись. Целых четыре. «Дом приезжих», примыкавший к автовокзалу, огорчил меня отсутствием одноместных номеров. Еще две «гостиницы» располагались при общежитиях техникумов. Комментарии излишни. Ну уж нет, отдыхать, так отдыхать в местном «Метрополе».

«Метрополь», как сообщили все те же словоохотливые соседки, именовался «Подворье». Проще всего было поинтересоваться его местонахождением у первого попавшегося полицейского. Но «первый попавшийся» давился хот-догом, запивая продукт кислотно-зеленой газировкой из пластиковой бутылки. Мне сразу расхотелось обращаться за помощью к родной полиции, по крайней мере, к данному конкретному ее представителю. Лучше карту купить, все равно понадобится, вон и газетный киоск виднеется.

До «Подворья» оказалось рукой подать — полчаса прогулочным шагом. Да и весь городок легко разместился бы в одном из наших спальных микрорайонов. Трудно поверить, но тут не было ни одной высотки и даже, кажется, ни одной блочной пятиэтажки. Такая тихая образцовая провинция. Декорация. Пастораль.

Река, на берегах которой расположилась «декорация», называлась странно — Решка. Собственно, «река» — это не я придумала, так на карте написали. Лично я сказала бы, что это скорее ручей с манией величия, и назвать его «рекой» мог только патологический оптимист. Вода выглядела непривычно чистой, а мост, по которому я пересекала «водную артерию», не только не собирался рушиться, но и наверняка выдержал бы вереницу груженых КАМазов. Из моста «вытекала» главная улица, невзирая на статус, почти абсолютно пустынная.

Слева к «Подворью» примыкал прелестный ресторанчик «У Дворецкого» с уютной террасой, сзади виднелся внушительный забор. Крыльцо и холл поражали качеством отделки. Я всегда интересовалась всевозможными народными промыслами, но, честное слово, таких изразцов ни в одном музее не видела.

За регистрационной стойкой сидела симпатичная брюнетка. Изящный бейджик сообщал, что передо мной «дежурный администратор Анжелика Громова». Она вдумчиво изучала толстенный справочник по бухгалтерскому учету, но меня заметила мгновенно и широко улыбнулась. Глядя на улыбку дежурной, мне тут же захотелось сделать ей в ответ что-нибудь приятное, например, снять самый дорогой люкс — даже если это меня напрочь разорит.

К счастью, разоряться не пришлось. Собственно, мне вообще ничего не пришлось делать — девушка профессионально взяла ситуацию в свои ухоженные ручки. Извинившись, что все четыре люкса заняты, а в остальных номерах душ вместо ванны и телевизоры маленькие, она предложила на выбор двухместный номер с телефоном или одноместный без него. Я выбрала одноместный — куда мне звонить? Стоило все это удовольствие невероятные деньги — три доллара в сутки! Тот самый случай, когда дешевле только даром. Интересно, как при таких ценах гостиница ухитряется не прогореть? В графе «цель визита» я после секундного размышления указала «отдых». Анжелика жестом фокусника извлекла из недр стола календарик с картой города и вручила его мне, все так же гостеприимно улыбаясь.

— Когда устроитесь, если будет желание — подходите, я вам расскажу, что у нас можно посмотреть.

— Ну, «что посмотреть» у вас тут хватает, — не удержалась я от комплимента. — По-моему, даже в Зимнем дворце таких изразцов нет.

— Нравится? — обрадовалась Анжелика. — Тогда обязательно в наш музей сходите. Как выйдете, налево, и минут десять идти. Здесь-то поток, а там авторские, штучные, залюбуешься...

— Так это у вас делают, в Усолье? — удивилась я.

— Ну да, на кирзаводе, на кирпичном то есть.

— С ума сойти! Я думала, откуда-нибудь из Франции или из Италии привезли.

— Что вы! Совсем наоборот. Дворецкий наши изразцы во Францию и в Италию отправляет. Здесь мало кто может купить, дорого.

— Дворецкий?! Чей дворецкий?

Почему-то мой вопрос Анжелику-администратора развеселил.

— Да это фамилия! Марлен Семенович, хозяин кирзавода.

Десятью минутами позже я могла бы уже приниматься за написание добротной краеведческой книжки. Про местные глины, которые «как мас-

ло, хоть на хлеб намазывай» — а песок еще лучше, и просто варварство тратить такие сокровища на кирпич. Про гениального технолога Макса Радкевича, которого «бывший главный инженер» сманил от одного из ближайших коллег из соседнего Воскресенска. Про первую выставку детских рисунков, ставшую ежегодной — от изразцов по эскизам победителей у англичан и скандинавов прямо ум за разум заходит. Про очередь в отделе кадров кирзавода. Про женщин, которые на Дворецкого молиться готовы — потому что за пьянку вышибает сразу, а зарплаты дает такие, что охотников рисковать давно не находится. Про новый гостиничный корпус, потому что этого уже не хватает...

В довершение эпоса о Великом Национальном герое, возродившем и так далее, «даровой» номер оказался более чем приличным: все двери, даже в стенном шкафу, благополучно закрывались и открывались, постельное белье сверкало белизной и было абсолютно сухим, кровать не скрипела, а сантехника слабо благоухала недорогим лимонным освежителем. Тараканов не наблюдалось, мышей тоже.

Единственный сюрприз преподнес душ. Расположение кранов у нас, за редким исключением, стандартное: слева кран с красненьким кружочком командует горячей водой, правый «синий» кран отвечает за холодную. Здесь все было наоборот. То есть, почти наоборот. Красный кран, как положено, находился слева, синий справа. Вот только вода текла наоборот: слева к душу подходила холодная труба, справа горячая. Впрочем, что это я? Даже забавно. Буду краны на ощупь определять — по температуре труб.

Глава 3

— Скучаем?

Парень плюхнулся в легонькое креслице так, что даже стол заходил ходуном. Пуп земли, хозяин жизни. А красавчик-то — прямо сахарный, почти Ален Делон, только брюнет. Но, во-первых, я равнодушна к сладкому, во-вторых, свободных столиков половина, никто его ко мне в компанию не приглашал.

Я молча забрала кофе, книжку и рюкзак и пересела за другой столик. Страшно удивленный «визитер» последовал за мной.

— Ты че, в натуре, кобенишься? Цену набиваешь? Не боись, не обижу! — и кратко объяснил, как я должна себя вести, чтобы получить приличный «гонорар». Перспектива выглядела весьма радужно, но меня почему-то не прельстила.

Вот жалость! Ресторанчик «У Дворецкого» понравился мне с первого дня. Тихо, публика спокойная: частью гостиничные постояльцы, частью явно

местные жители — кто пообедать заглянул, кто так, кофе выпить. Один не слишком из себя видный, но симпатичный дядечка всегда садился в дальнем углу террасы и заказывал изрядную порцию мороженого. Что-то милое, домашнее, да? Может, обстановка влияла? Очень уютно. И не особенно дорого, даже для меня, отнюдь не миллионерши. Хотя при такой цене гостиницы могу позволить себе немного пошиковать. И кухня превосходная. Вот только появление «образцового» хама испортило все впечатление. Что же мне теперь с этим делать? Игнорировать? Попытаться ответить в той же терминологии? Позвать охрану? М-да... Видимо, придется уходить.

А экземпляр, тем временем, продолжал объяснять, кто я такая, и какое счастье мне привалило. «Великим и могучим» экземпляр владел так себе, ничего нового услышать не удалось. И тут неожиданно возле столика появился тот самый тихий любитель мороженого и, стоя за спиной моего «гостя», тихонько позвал:

— Алик!

Алик вздрогнул, обернулся и в запале продолжил объяснения теперь уже в сторону нового лица. «Новое лицо» осталось стоять на прежнем месте, только еще раз тихо, даже с некоторой укоризной повторило:

— Алик!

Отшвырнув креслице и выдав последний залп не очень внятных соображений, Алик исчез. Мой спаситель не стал его задерживать, отодвинул кресло вопросительно взглянув на меня, произнес:

— Вы позволите? Во избежание...

Мне не оставалось ничего другого, как кивнуть.

В процессе последующей беседы обнаружилось, что Александр Александрович Громов — «можно Сан Саныч» — в свободное от спасения одиноких девиц время возглавляет местный «угро». Это надо же! Только начнешь сочинять детективную историю, тут тебе и отважный полицейский комиссар — как по заказу.

Вообще-то в жизни всякие казусы случаются, но... Подозрительно как-то.

Еще через минуту все стало ясно — Ильин постарался, чтоб его черти взяли!

Значит, после моего звонка он тут же развил бурную деятельность, нашел в пункте моего прибытия знакомого — а знакомых у майора Ильина миллион, не меньше, — и попросил «присмотреть».

Вместо того чтобы воспылать к Никите свет Игоревичу безграничной признательностью, я почему-то обиделась. Тоже еще, нянька! Я вам кто — чемодан безмозглый, что ли, чтоб меня с рук на руки передавать? Или младенец беспомощный? Сама в состоянии о себе позаботиться.

— Он так и полагал, что вы ужасно рассердитесь, — безмятежно улыбнулся Сан Саныч и добавил: — Просьбица у меня есть. Вы не возражаете, если я ее озвучу?

— Похоже, у меня нет выбора. Вы же меня спасли, не могу я ответить черной неблагодарностью. Большая просьба-то?

— Да так, не особенно. Позвали на уикенд, не одному ж мне туда отправляться? Составьте компанию, а?

— Ох, не морочьте мне голову! Вы же в городе большой человек, и что, некого пригласить?

— Рита! — укоризненно протянул «большой человек». — Город-то крошечный. Была бы жена — никаких проблем. А так... Если я кого-то куда-то вывезу — считай, заявление в ЗАГС подал, прямо завтра и женят, никуда не денешься. А вы человек посторонний, сегодня здесь, через неделю — уже где-то в другом месте. Идеальный вариант. Да и вас без присмотра оставлять не хотелось, обещал все-таки. Там все будет очень прилично, так что не откажите...

Он рассмеялся. Я тоже.

Глава 4

Любезный читатель, кто бы и где бы ты ни был! Простишь ли ты мне крайнюю скупость в описаниях красот ландшафта и обстоятельств погоды? Во время путешествия до места проведения уикенда мне было не до подробностей. Какая-то погода, безусловно, имела место быть, и какие-то пейзажи вдоль дороги расстилались. Ясно, что не море и не горы — посередине европейской части России они меня удивили бы.

Быть может, среднерусская тишь да гладь, сдобренная густыми травяными ароматами, и пронзила бы мою торопливую душу, если бы не Сан Саныч. Он решил по дороге ввести меня в курс дела. Ибо визит предполагался вполне деловой, хотя выглядеть должен был чистым отдыхом. На уикенд приглашал — да-да, вы правильно догадались — господин Дворецкий, хозяин кирзавода, всеобщий благодетель и давний громовский приятель.

«Дело» же как таковое выглядело скучнее, чем инвентаризация на складе противогазов. Как известно, изразцы — а именно на них зиждилось благополучие завода и всего городка — используют все больше для внутренней отделки помещений. Наверное, некоторые и рады были бы украшать свои теремки изразцовыми картинками, но... Во-первых, дороговато, во-вторых, такое покрытие долго не держится. Обиднее всего, что сама-то кафельная плитка, даже фигурная или расписная, «живет» почти вечно, но вот «цемент», на котором плитка крепится — увы! От перепадов темпера-

туры и влажности он вскорости либо крошится, либо просто «отклеивается». А «вечный цемент» по древним рецептам влетает в такую копеечку, что никакой красоты не захочешь.

Разумеется, кафель не есть предмет первой необходимости. Тем не менее производитель, предложивший покупателю не только дивной красоты изразцы — а они в Усолье действительно роскошные, — но и дивной стойкости цемент, будет иметь весьма недурной гешефт, всем потомкам до десятого колена на черную икру хватит.

Года два-три назад Марлен Семенович со своим гениальным технологом набрали на более чем перспективную идею, которая должна была обеспечить цемент и стойкий, и недорогой. После очередного этапа испытаний стало ясно, что все держится намертво. Можно было бы запускать продукт в производство, но — через пятнадцать месяцев после «установки» швы между плитками стали менять цвет, покрываясь жутковатыми гнойно-зелеными или кроваво-коричневыми разводами. Говорить в таких обстоятельствах о вечной отделке явно не приходилось.

Причину «расцветания» обнаружили быстро, но испытания на стойкость пришлось проводить заново. И хотя проводили их в специальной камере, где можно было устроить изразцовым стенкам полный экстрим, для завершения тестов требовалось время.

Уникальная глина и такой же песок встречались на территории четырех соседних областей, так что заводиков по производству керамической плитки (и прочей мелочи в том же духе) в советские времена тут насчитывалось штук десять. Выжили два. На втором, километрах в двухстах от Усолья, в городке Воскресенске, делали не изразцы — что-то там у них не получалось — а отделочную плитку, керамическую и полукерамическую: под мрамор, под гранит, под кирпич и так далее.

И вот, когда усольский завод всю готовился к освоению нового рынка, всплыла информация, что «вечные изразцы» готов вбросить на рынок владелец соседнего завода-коллеги Павел Николаевич Гарин. Хуже того. По данным «разведки» выходило, что «вечный цемент» — практически близнец усольского. И — почти наверняка «текло» из собственного дома Марлена Семеновича или, как нынче модно говорить, из «семьи».

Глава 5

Ознакомиться с составом семьи мне в этот момент не довелось — из зарослей орешника под колеса метнулось нечто черное и лохматое. Сан Саныч резко затормозил и заметил неожиданно безмятежно:

— Не пугайся, это Мурзик.

Я удивилась. Мурзиками зовут обычно котов. Я разных видела, и совсем мелких, и весьма крупных, но того, что бросилось под колеса, хватило бы, по меньшей мере, на двух «мурзиков».

— Монморанси, — добавил Сан Саныч для полной ясности.

Едва я успела перевести дух, как в окно всунулся моток грязно-белой шерсти и завопил:

— У-и! — что, видимо, означало «Шурик».

Ну, хорошо, шерстяной моток — это, видимо, собака. Исходя из высоты автомобильного окна и моих скудных познаний об этом племени, рискну предположить, что южно-русская овчарка. Но почему она визжит? Даже если это «у-и» и не обозначает «Шурик», все равно странно.

— Знакомься, — усмехнулся Сан Саныч, — справа — Лорд, слева — Алиса.

Поименованный Лорд блеснул карими глазками, показал громадный розовый язык, более похожий на терку, и строго потребовал:

— Мурзик! Вылезай немедленно! — чистым внятным сопрано. Хотя от такого пса можно было ожидать скорее баса или, в крайнем случае, баритона.

По поводу существования говорящих собак у меня есть определенные сомнения, ибо лично не встречала, а чужие свидетельства не слишком убедительны. Поэтому я посмотрела налево. Из-за плеча Сан Саныча виднелся противоположный край дороги, некоторое количество зелени и кусочек небесной синевы. Все. Поскольку фауна в лице всех своих представителей более способна к речи, нежели флора — ну, то есть, легче представить говорящего кролика, чем говорящий тополь, — я с интересом повернулась к Лорду, который в этот момент все тем же чистым сопрано — но уже не открывая пасти — вновь позвал Мурзика. Значит, псина-таки говорящая? Ничего себе, уикенд намечается...

И вот тут-то в левом окне появился такой же точно шерстяной ком, как и справа — только другой масти. Клубок встряхнулся, и из каштановых зарослей явилось лицо. Из тех, что называют мордашками — нечто симпатичное, задорное, обаятельное, абсолютно не подходящее для Прекрасной Дамы, но ужасно милое.

Ага, значит, собаки все-таки не разговаривают, а я имею счастье лицезреть младшую дочь Дворецкого — Алису. То есть, как успел рассказать Сан Саныч, назвали-то ее Ольгой, в честь мамы, но в пять лет, прочитав Кэрролла, девочка заявила, что с этого дня ее зовут Алиса, и ни на что больше не откликнулась. Ну а получая паспорт, узаконила уже привычное всем имя. Так что теперь мало кто и помнит, что Алиса — урожденная Ольга.

— Здравсьте! Громов, бибики, а то он год под машиной просидит. Ой, извините, я вас не заметила.

После первого же гудка Монморанси пулей вылетел из-под машины и был благополучно пойман и размещен на заднем сиденье. Рядом устроилась хозяйка. Лорд предпочел собственные четыре ноги и помчался по обочине — показывать гостям дорогу.

Сан Саныч терпеливо дождался паузы и повернулся назад:

— Алиса, это Рита.

— Очень приятно, — произнесла Алиса и улыбнулась еще шире, чем раньше.

— Ты ее не пугай, она в Усолье гость, — невозмутимо продолжал Сан Саныч. — Журналист из... — и он назвал мой город.

— Настоящий журналист? — воскликнула Алиса.

— Да... вроде... А какие они еще бывают? — растерялась я.

— Ну, у нас они какие-то недоделанные, бекают, мекают, у меня и то лучше получилось бы. А о чем писать будете?

— Алиса, успокойся, — осадил ее Сан Саныч. — Рита ни о чем писать не собирается, она здесь на отдыхе.

— А, ну, тогда отдохнете, гарантирую. У нас вообще классно.

Дружелюбному тону противоречил несколько недоверчивый взор, коим окинуло меня прелестное создание. Чем-то я девушку не устраивала — видимо, самым фактом своего присутствия. Может, у нее на Сан Саныча свои виды? А он что? Игнорирует лучшую невесту родного края?

Машина по-прежнему стояла посреди дороги. И чего же господин Громов ждет, интересно?

— Лапонька, а чего ты встречать-то выскочила? Случилось что-то? — повернулся к Алисе «господин Громов».

— Я и не собиралась тебя встречать! Папуля сказал, что ты приедешь, но откуда я знаю — когда. Мы просто гуляли.

— А-а... — понимающе протянул Сан Саныч. — Вот просто гуляли, и все... Опять Семен Михайлович твоей прической и длиной юбок недоволен?

Упорствовать Алиса не стала.

— Еще хуже! Я бездельничаю, а надо на заводе пахать, там из меня человека сделают.

— Здравсьте! Ты что, с завода ушла? — вскинул брови Громов.

— Прямо! Он меня в цех гонит, говорит, хватит ерундой заниматься, вот! Мне потихоньку начинало казаться, что они разговаривают по-китайски.

— Ничего себе, ерунда! Или спрос упал?

— Да нет, пока ни одного эскиза не забраковали, ты же знаешь, штучная плитка «на ура» идет, буржуи в очередь выстраиваются.

Тут я догадалась, что Алиса делает картинки, которые потом «превращаются» в изразцы, но, похоже, не всех ее занятия устраивают...

— Просто дедуля убежден, что рисование — это не работа. Хочет, чтобы я у станка стояла.

— А братца твоего к станку не хочет поставить? — усмехнулся сан Саныч. — Ему бы не повредило.

— Семочка учится, — явно передразнивая кого-то, строго сообщила Алиса. — Получает высшее образование.

— Мрак! Что ж отец тебя не прикрыл?

— Ему некогда. Вчера закрылся в кабинете и полдня разрабатывал стратегию, нынче поехал с конкурентом песочницу делить. Да ты знаешь, этот, «инженер Гарин» из Воскресенска, который секрет нашего вечного цемента спер, а папуле приспичило выяснить, кто ему информацию слил. Тебя-то он зачем пригласил? Дабы подлого предателя вычислить, разве нет?

— А ты откуда знаешь?

— Подумаешь, бином Ньютона! Полагаешь, у меня голова только для прически? Я на заводе все знаю, дело потом кто-то должен продолжать, не Семочка же! Папочка отродясь ничего от меня скрыть не мог, на нем все во-от такими буквами написано! — Алиса двумя руками показала размер упомянутых букв, а сидевший рядом с ней Монморанси испуганно вжался в угол и тихонько заворчал. — Ему же обидно до смерти: как так, в собственном доме шпион завелся. Надо найти и наказать, чтоб неповадно было.

— А если это кто-то чужой?

— Ну, прям! На заводе к документации не подобраться, можешь мне поверить, легче английскую корону украсть. Доступ, кроме отца, только у Макса. Но это уж полный бред. Он же сам из Воскресенска, забыл? Гаринская жена за Макса замуж собиралась, а лет десять назад, ну, когда первые бабки появились, Гарин ее и увел, а несчастного жениха уволил. Да Макс теперь рядом с Гариным на соседний унитаз не сядет...

— Алиса! — укоризненно воскликнул Сан Саныч.

— Так правда же! А ты говоришь, чтоб он чего-то для него делал.

— Это не я говорю, это ты говоришь, — усмехнувшись, заметил Громов.

С минуту Алиса изучала потолок машины, затем снова заговорила:

— Ну... кроме Макса к полному пакету действительно ни у кого доступа не было. На заводе, то есть. А домой папуля документацию сколько раз привозил. И сейф у нас, сам знаешь, какой, посмотреть постороже — он и откроется. Чужих в доме не бывает, значит, кто-то из своих.

— Ты так уверенно говоришь, как будто знаешь — кто, — заметил Сан Саныч.

— Конечно, знаю. Тоже мне, секрет, — фыркнула девушка.

— А чего же отцу не скажешь?

— Вот сейчас побегу докладывать! Не бойсь, Шурик, ситуация под контролем. Папуля сам себе головную боль придумал. Фигня все это. Испы-

тания не закончены, значит, воскресенским либо их заново проводить — а тогда мы первые успеем, — либо обойтись без испытаний. А это, знаешь ли, рискованно. Мало ли что...

— Мало ли — что?

— Ну... Не знаю, всякие ситуации бывают.

— Значит, не скажешь? — вздохнул Громов.

— Нет, конечно, с ума сошел?! Мало нам дрызгов в доме, еще я добавлять стану. Сам ищи, если надо.

— С тобой все ясно. Значит, погулять вышла, дома тебя дедуля достает. А чего во флигеле не сидится?

— Так Се-емочка приехал, — протянула Алиса. — Два часа с мамулей секретничал, ну и пожалуйста! В доме шумят, а мальчик устал, у мальчика синяки под глазами, мальчику надо отдохнуть... Еще бы не устать, по ночным-то клубам...

— Да... Все обижают несчастную Алисочку... — задумчиво подытожил Сан Саныч. — Жила бы тогда в городе. Квартира пустая стоит?

По правде говоря, кем-кем, а несчастной Алиса точно не выглядела, и я догадалась, что дядя, должно быть, шутит.

— Чего это? Там Марь Иванна цветочки поливает.

— Соседка? — уточнил Громов. — Откуда вдруг цветочки? У тебя же полтора кактуса. Она что, круглосуточно их поливает?

— А тебе жалко?

— Скажи, Марь Иванна с невесткой так общего языка и не нашла? — тоном завязтого сплетника спросил Сан Саныч.

— Ужас! — Алиса вновь взмахнула руками. — Еще говорят, свекрови злые. Да эта ее Лика десять свекровей проглотит и не подавится. Нам с Милочкой все-таки невероятно повезло. Помнишь, как мамуля паниковала — ах, бедного Семочку злая авантюристка соблазнила. И что? Тише воды, ниже травы. Хотя при такой мамаше, как ее, и не удивительно. Тут за черта с рогами выйдешь и молиться на него станешь. А наш Семочка — вообще принц из сказки на белом «мерседесе».

— Ты же его в грош не ставишь? — вроде бы удивился Сан Саныч.

— Ну, я... Я девушка разборчивая, мне такое счастье и даром не надо. Но если без базара — вполне приличный молодой человек. Вот Милочка и дрожит, как бы не рассердить, как бы не надоесть, в общем, как бы чего не вышло. Шарахается от всех, приезжать боится. Мы ее видим-то три раза в год.

— А ребенок?

— Ну, Громов, ты тормоз, я же говорю — она три раза в год приезжает, ну, может, пять, не чаще.

— Когда последний раз была?

— Весной где-то, холодно еще было. А ты считаешь, она могла... — Алиса явно над чем-то задумалась. — Не, не выйдет, такая клуша... Не то что у Марь Ивановны эта Лика, та уж своего не упустит, да и соседское прихватит, не притормозит. Марь Иванна на восемь кило похудела, представляешь?

— Ты из-за Марь Ивановны в городе не живешь?

— Вот еще! Чего там делать? Холодильник рисовать? Тут цветы, собаки... ой, ты не знаешь, у Марфы котята родились, пока маленькие, хочу серию эскизов с котятами сделать, прикольно должно получиться.

В первый момент мне показалось, что кафель с портретами котят — это тихий ужас, но, представив картинку, я внутренне согласилась — да, это может быть очень забавно. На кухне, например, или даже в ванной. Да, может получиться весело.

— А бабочки, а стрекозы! — продолжала Алиса. — В этом году стрекоз жуть сколько. Сейчас устройтесь, пойдём купаться, увидите. Рита, ты предпочитаешь речку, озеро или бассейн?

Встречаются — увы, реже, чем хотелось бы — люди, которые на «ты» со всем окружающим миром. Потому что принимают этот самый мир прямо-таки с распростертыми объятиями. И он, как правило, отвечает тем же. Он ведь, мир, не хорош и не плох, не добр и не зол — лишь зеркален. Ты ему радуешься — и он навстречу сияет солнечной улыбкой. Ты угрюм и всем недоволен — и мир кривится: окатывает тебя грязным душем из-под колес встречного автомобиля, подсылает черных кошек и подбрасывает под ноги банановую кожуру. А уж если ты на мир плюешь — не обессудь, ответа окажется достаточно, чтобы тебя утопить. Потому как зеркало вокруг тебя — ну, очень большое.

Глава 6

Усадьба Дворецких — а это была именно усадьба, не какой-нибудь там коттедж на участке размером с носовой платок — в прошлой жизни явно успела побывать дворянским гнездом. Дом, конечно, перестраивали, а может, он и вовсе не сохранился. Нынешний блистал темными зеркальными окнами и переливался асимметричными округлостями и разновысокими этажами. Но сквозь модерн все-таки просвечивали черты старинного русского поместья. Никаких тебе расчерченных по циркулю и линейке клумб, газончиков и дорожек, все натурально — то березка, то рябина, куст ракиты над рекой, даже лопухи кое-где вылезали. На одном из поворотов расступившиеся кусты приоткрыли полянку, усыпанную золотыми одуванчиками. С краю пристроился фонтан, каких я в жизни не видела. Белый мраморный щенок сидел возле пестрой гранитной вазы, которую он, должно быть, по

замыслу скульптора «только что уронил». Склонив голову и приподняв ухо, щенок удивленно трогал лапой вытекающую из вазы струю, которая дробилась на радужные капли и орошала траву, разбавленную какими-то мелкими бело-желтенькими цветочками...

Хозяйка выглядела под стать усадьбе. Двигалась Ольга Федоровна с непередаваемой грацией, нередко присущей полным людям. Осанка и повадка царственная, ей бы не домашними делами заниматься, а Екатерину Великую играть.

Она радушно сообщила Громову, что обижается на него:

— Шурик, ты нас совсем забросил...

А меня, перед тем как поздороваться, оглядела с ног до головы. Кажется, результат осмотра ее более-менее удовлетворил. Я мысленно вознесла осанку малолетнему компьютерному гению Кешке. Не далее как весной он не только заставил меня купить вот эту самую тряпку — чистый лен, но и проследил, чтобы тряпка дошла до стадии предмета одежды. Платице получилось... ничего себе. В нем я даже похожа на приличного человека. Спасибо, Кешка!

По окончании процедуры знакомства нас всех погнали поглощать калории. Робкая попытка сопротивления со стороны Алисы — «мама, мы на речку собирались, ну, нельзя же купаться на полный желудок!» — была подавлена в полминуты:

— Алисонька! Что плохого случится, если гости съедят по яблоку? Я не собираюсь впихивать в них насильно целый обед, но с дороги нужно перекусить.

Ага, «перекусить»! Стол ломился — это еще мягко сказано. Впрочем, никаких жутких кулинарных изысков вроде масляно-золотой севрюжины или истекающей жиром свинины не наблюдалось. Стол ломился от миллиона овощных и фруктовых салатиков, трех сортов ледяной окрошки, овощей и фруктов, по чуть-чуть рыбки, сыру, творожку, сметанки, морсы там разные и — простокваша, которую надо было есть ложкой или резать ножом, поскольку пить «это» не было никакой возможности. В общем, перекусили, не особо напрягая желудок.

Выкупаться, однако, удалось не скоро. Едва мы вышли из дома, на встречу появился «Семочка» — симпатичный брюнет ростом под два метра, с нежно-девичьим цветом лица и слабым намеком на усики. Ольга Федоровна в одно мгновение стала другим человеком. На месте Императрицы Всея Руси явилась чеховская «Душечка», готовая ловить не то что каждое слово — каждое вздрагивание ресниц обожаемого объекта.

— Семочка, тебе не жарко? — нежно зажурчала она.

— Мама! — возмутился «объект». — Ну, сколько просил не называть меня Семочкой! Сэм, хорошо?

— Да-да, радость моя, конечно, я оговорилась. Ты хорошо спал? Позавтракал? Тебе витаминов надо побольше, вон, бледненький какой!

«Бледное», по маминому мнению, личико сияло свежестью, каковая достигается лишь безотказным пищеварением и младенческим сном. В кармане сыночка затренькал мобильник.

— Да?..

Вы когда-нибудь пробовали брызнуть на безмятежно спящую кошку водой? Семочка едва не подпрыгнул (как та самая кошка) и заорал в трубку:

— Ты с ума сошла! Кой черт тебе приспичило?.. Ладно, давай.

Семочка, похоже, моментально забыл о том, что борется за право именоваться Сэмом, отключился, сунул мобильник в карман, покопался там и, по моему, собрался сказать знаменитую фразу про ревизора. Но не успел.

К «парадному крыльцу», на лестнице которого мы все стояли, завернуло такси, зачем-то фыркнуло и остановилось. Из задней двери появилась девочка лет четырнадцати-пятнадцати: светленькая, чуть пухленькая и очень-очень миленькая. На руках у нее сидело весьма упитанное чадо лет трех. Водитель достал из багажника два чемодана и изрядных размеров дорожную сумку, Семочка обменялся с ним одной-двумя фразами, пошарил по карманам, отсчитал деньги, и машина уехала.

За это время дитя успело слезть на землю, осмотреться и заявить:

— Киви!

— Сейчас, маленький, будешь черешню кушать, она уже поспела, — замурлыкала девочка.

— Киви! — вновь потребовал «младенец».

— Ромочка, киви ты все съел.

...Господи! Какая девочка?! Я — балда, это же, наверное, Милочка, жена Семочки. Если они учатся на одном курсе, ей должно быть все двадцать, а то и двадцать два, у Семочки диплом на носу.

Милочка подтолкнула сыночка к нам:

— Вон бабушка стоит, иди, поцелуй ее.

— Не хочу! — заявил Ромочка.

— Сыночка, иди к бабушке, поздоровайся.

— Машинку! — потребовало дитя. Разговаривал ребенок кратко, но содержательно.

— Конечно, конечно, как же такой хороший мальчик без машинки, — рассыпалась Милочка.

Ромочка двинулся к бабушке. Ольга Федоровна едва вскинула бровь, но к ребенку наклонилась. После ритуального поцелуя Ромочка с гордым видом человека, исполнившего тяжкий, но необходимый долг, повернулся к маме и скомандовал:

— Машинку!

Милочка извлекла откуда-то крошечный автомобильчик, который Ромочка тут же начал с упоением развинчивать и даже, кажется, разламывать, швыряя детальки во все стороны. Минуты через две автомобильчику пришел конец, и винтиков не осталось. Ромочка переключил внимание на собак, с интересом наблюдавших за новыми гостями.

— Лошадка! — решил ребенок, глядя на Лорда. — Кататься! — и попытался схватить пса за уши.

Лорд отшатнулся, склонил голову набок — насколько помню, у собак это признак полного непонимания ситуации, — приподнял одно ухо и присел. Точнее, попытался. Мурзик, заранее решивший, что от подобных событий лучше держаться подальше, спрятался за его широкую спину, так что, попытавшись принять сидячее положение, Лорд уселся аккурат на Монморанси. Скотчтерьер взвизгнул, Лорд подскочил на всех четырех лапах, Ромочка испуганно завопил, очнувшись от столбняка Милочка подхватила чадо...

И тут бронзово-зеленый «BMW», взметнув из-под колес веер кирпичной крошки, с визгом развернулся у самого крыльца. Собаки радостно кинулись к машине. Но мужчина, колобком выкатившийся из недр автомобиля, выглядел очень сердитым и возиться с псарней явно не собирался.

Я почувствовала, как Алиса подпихивает меня в сторону. Я повиновалась, и через минуту мы исчезли из поля зрения честной компании.

Глава 7

— Пока папуля шороху дает, пошли охладимся, — предложила наследница. — Ему под горячую руку лучше не попадаться. Сейчас всем достанется, кто поблизости. Милочке — за балованного дитяту, Семочке — за то, что жену не контролирует, мамуле... нет, мамуле обойдется... Кити за то, что такси незнамо как на территорию въехало...

— Кити? — удивилась я. — Это кто?

— Лилькин братец, он у нас за охрану отвечает, — объяснила Алиса.

— Не понимаю, я, вероятно, совсем тупая...

Но Алиса не дала мне закончить, опережая вопрос:

— Я думала, тебя Сан Саныч в курс ввел... Кстати, он тебя всерьез пригласил, или так, чтобы городские не приставали?

— Или, — усмехнулась я.

— Я так и подумала. Тогда ладно, — с явным облегчением кивнула Алиса.

— А если бы всерьез, тогда что?

— Просто убила бы. Ну, не убила бы, конечно, но... Не знаю. Каких-нибудь гадостей наговорила бы... да мало ли... На него один хороший человек це-

лится, а Шурик счастья своего не понимает, думает, она еще маленькая. Ну, ничего, мы ему покажем, кто маленький... Ладно, раз уж ты не в курсах, по порядку всех обозначу. Так, я, Семочка, мамуля — ты уже знаешь. Милочка — Семкина жена, они тут не живут, чадо их... Папуля так радовался, что у Семочки — сын. Что ты! Наследник, продолжатель рода, не хухры-мухры.

— А ты?

— Ну... Я... замуж выйду... — с непонятной интонацией протянула Алиса. — Правда, еще не скоро, подожду, чтоб уж наверняка. Так, обрисовываю дальше. Дедулю Семен Михайлович зовут. Он старенький уже, но такой, знаешь, боевой, одно слово — Буденный. Папулю считает классовым врагом, ругается страшно, вроде такое имя позорит! Он его Марленом назвал — типа Маркс и Ленин. А братца его — Фиделем, ну, в честь Кастро. Фидель Семенович, представляешь? Спасибо, что не в честь Че Геварры. Фидель, папулин братец, дядька мой, в отца пошел, такой же упертый. Только у дедули сдвиг на борьбе за освобождение рабочего класса, а Фидель суперпанацею творит... На благо человечества... Мы его Филей зовем — пока не слышит, конечно. Он нормальный дядька, ну, с тараканами, так они у него даже милые и благородные...

«Благородные» тараканы меня, признаться добились, и следующий пассаж я слушала не слишком внимательно: толковый ведь врач, ну, специфический, конечно, кожник, представляешь, где он работал, посмотрелся и решил стать спасителем человечества, единомышленников нашел, на конференции всякие мотаются, пашет, как четыре лошади...

Считает, что у всех болячек есть одна первопричина, надо ее найти и победить.

— А говорят, благородные рыцари перевелись... — заметила я.

— Ну, не такой уж он псих. Прикинь, каким героем можно стать и сколько бабок срубить, если бы это правдой оказалось. Папуля-то — первый человек в районе, тут кому хочешь завидно станет. А можно стать первым человеком в мире. Вот он и старается. Говорит, в этом году у него какие-то результаты поперли, пора осчастливить человечество. Теперь будет у папули денег клянчить на Центр Всеобщего Здоровья.

— Круто! — восхитилась я. — Неужели даст?

— А чего ж не дать? Панацея там, не панацея, а врач-то он всегда был хороший, пока не свихнулся. Приличный медицинский центр в Усолье поставить — почему бы и нет? Тех миллионов, которые Филя просит, папуля, конечно, не даст, он все-таки не Абрамович, но инвесторов найти поможет, и сам чего-нибудь выделит. Ну, не сейчас, конечно, попозже, сейчас не до того. Ну, вот, родственники кончились. Дальше Игорь, он у правдом и все такое. Тебе еда понравилась?

— Супер! — честно призналась я.

— Ну, так повар — тоже он. Лилька, его жена, только за чистоту отвечает. Охраной занимается братец ее, Кит, он вообще-то Никита... Такая умора была! Игорь с Лилькой наши, усольские, Игорь с папочкой учились вместе... А Кита папуля аж из Казани сманил, из охранного агентства, они нам и систему поставили, и собак сторожевых Кит с собой привез.

— Лорда с Мурзиком? — удивилась я, а про себя подумала, что собаки абсолютно прелестные, но в качестве охраны... Странно.

— Что ты! Лорд и Монморанси — домашние чудики, Кит настоящих бойцов привез, не знаю, что за порода, может, вообще метисы, но собака Баскервилей отдыхает. Вон, видишь, Чика за нами подглядывает?

В прибрежных кустах, приглядевшись, можно было заметить нечто коричнево-косматое, сканировавшее окрестности профессиональным лениво-сосредоточенным взглядом.

— Мы сейчас на границе, — пояснила Алиса. — Вот он и следит, чтоб ни на нас никто не посягнул, ни мы никого недозволенного не протащили. Участок-то небольшой, гектаров десять, кажется, до двадцати точно не дотягивает.

— Да ну! Я думала, гектаров пятьдесят, не меньше.

— Это из-за ландшафта кажется. По периметру колючки, плюс электроника следит, плюс Чика и Мика. На территории они никого не трогают, могут только к дому проводить. Издали, во избежание. У них радио в ошейниках, если чужой границу пересекает, на пульте у Кита тарарам начинается, и либо Чика, либо Мика к нужному месту ринутся. Хотя, по-моему, они без всякой электроники посторонних чувствуют. Умные до невероятности.

. — А как же такси проехало?

— Семка кнопочку нажал, мол, пропустить, свои. Вот... — Алиса достала из кармана крошечный пульт, прицепленный к поясу. — У ворот своя кнопка, у периметра своя, вот общая тревога, но она просто так не нажимается. Если кому-то надо внутрь, либо Кит проход откроет, либо кто-то из нас. А собачки дополнительно следят.

Система показалась мне чересчур сложной и не слишком надежной, но я не спец по охране.

— А почему Киту должно достаться за такси?

— Надо же папуле на чем-нибудь характер показать.

— Он всегда такой сердитый?

— Ну, что ты! Это его Гарин разозлил, точно.

— В смысле, сферы влияния не поделили?

— Да нет, это вряд ли. По продажам мы его все равно сметем, не вопрос. Но тут скандал в благородном семействе. Продал кто-то из своих — ужас!

— Ну... Своих вроде не принято закладывать...

— Тут еще неизвестно, кто свой, и кто кого заложил. Но папуля уперся, как баран — дурную траву с поля вон! Думал, Гарин ему предателя сдаст...

— А он не сдал?

— Откуда же я знаю! Может, и сдал. А может, сдал, да не того, кого надо. Он ведь соврет — недорого возьмет. Вот папочка из шкуры и вылезит. А вообще-то он добродушный, даже на Семочку редко рычит, дабы мамулю не травмировать. Хотя бездельников не терпит, выгоняет сразу. А уж за выпивку вообще со свету сживет. Дед-то чего третий день бесится? Папка кого-то уволил, оказалось — дедулин приятель, ну, тот и взвился: подумаешь, выпил немного, ветеран ведь, можно и простить. У отца эти ветераны во уже где сидят! Только и знают, что митинги устраивать. Дескать, мы всю жизнь пахали, а ты на готовое пришел. Капиталист, враг рабочего человека и все такое. Болтуны, одним словом.

— Неужели настоящих старых мастеров совсем не осталось?

— Осталось немножко. Двое. Одному шестьдесят четыре, другому вообще за семьдесят, но бодрый такой старикан. Так им не до митингов, работают, и не бухтят. Папочка с ними носится знаешь как? Путевки, медицина всякая, ремонт квартиры или дома за счет предприятия, транспорт — пожалуйста, все, чего изволите, только работайте. Так что, ты не думай, вся эта буча ненадолго. Сейчас папуля пар стравит и размышлять начнет, информацию по полочкам раскладывать...

Глава 8

— Эй, кончай ночевать, воздушная тревога! Ольга Федоровна гневаться изволят, грозятся опоздавших без обеда оставить. — Глас с небес ворвался в разморенно-дремотную расслабленность, неодолимо охватившую два бранных дамских тела... Ввысь уходили две ноги в камуфляже. «А, — лениво догадалась я, — это, должно быть тот самый «Кит», который при собаках и охранной сигнализации. Светленький, мордашка такая симпатичная... Только чего ж он орет, так и инфаркт заработать можно». Поворачиваясь на бок, я краем глаза заметила симметричное движение рядом. Мы с Алисой на мгновение встретились взглядами, синхронно потянулись в сторону нарушителя спокойствия... и дернули за обе ноги одновременно. Песчаный откос, на котором мы возлежали, отличался изрядной крутизной и обрывался к воде небольшим уступчиком, так что поименованный Кит должен был ухнуть прямо в бездну вод.

Увы, недооценили мы объект нападения. В момент рывка «объект» невероятным образом извернулся, затормозил, зацепился за склон, вдоба-

вок успел слегка подтолкнуть каждую из нас двоих, так что в бездну вод рухнули мы сами. Могли бы и заранее сообразить.

Нам вдруг очень захотелось есть (еще бы, после такого количества водных процедур), поэтому страшную месть пришлось отложить до лучших времен. Мы изобразили гордое презрение к подлым вражеским прои-скам, задрапировались в полотенца и двинулись в сторону «полевой кух-ни». Она выглядела чем-то средним между маленькой полянкой и очень большой виноградной беседкой — с крышей, но без одной стены. Вместо банального мангала тут красовалась белокаменная печь. Не знаю, как Алиса, а я сразу почувствовала себя некоей античной героиней. В антич-ную обстановку не вписывались лишь сервировочный агрегат метра в полтора высотой, полки которого были заставлены пустыми и полными тарелками, блюдами, судками, бокалами и бог еще знает чем, да джинсо-вый мужик, вдумчиво дирижировавший невероятными ароматами, исхо-дившими от печи. Разглядеть аристократического мажордома повнима-тельнее не удалось — Ольга Федоровна погнала нас немедленно переоде-ваться, мол, что это за вид, извольте за столом выглядеть прилично.

— Подумаешь! — фыркнула Алиса. — А где все?

— Вот заодно и в обеденный гонг ударишь, — распорядилась хозяйка.

На крыльце Алиса решила, что я немедленно должна полюбоваться на прибавление в семье, иначе просто жить не интересно. Трехцветная зеле-ноглазая красавица Марфа, гордо возлежавшая в большой овальной кор-зине под лестницей, прищурилась на нас с некоторым подозрением. На первый взгляд казалось, что рядом с ней лежит еще одна такая же пе-страя кошатина.

— И всегда все разные! Видишь? Черный, рыжий, белый, трехцветный и, неизвестно в кого, серый.

Но рассмотреть потомство не удалось. Едва мы для удобства наблюде-ния присели на корточки, гордая красавица выстрелила — другого слова не подберу — левой передней лапой, украсив мою ногу от колена до сере-дины икры внушительной «татуировкой». Второй «выстрел» едва не попал мне прямо в глаз, едва-едва я успела отшатнуться.

— Марфа! Это же гости! Как тебе не стыдно?! — возмутилась Алиса.

В изумрудных очах не мелькнуло ни тени раскаяния. Марфа медленно царапнула по краю корзины левой лапой, вытянув ее над копошащейся ма-лышней, затем повторила прием второй лапой. Подумаешь! Это у вас — го-сти, а у меня — дети, мало ли чего у ваших гостей на уме, мр-пр!

Я осторожно положила кончики пальцев на край корзины и замерла. Марфа внимательно посмотрела на меня, на руку, опять на меня... вытя-нулась... обнюхала пальцы... подумала и лизнула, дескать, мир? Для пол-

ного замирения мы сходили с Алисой на кухню, принесли горсточку сушеных кальмаров и скормили их суровой мамаше, отделавшись всего тремя маленькими царапинками.

— Любит — до сумасшествия, — сообщила Алиса. — Прятать бесполезно, из-под земли выкапывает. Ты на нее не обижаешься, нет? Марфа после родов всегда бешеная становится, сейчас уже ничего, но все-таки... это я балда, не сообразила...

Мне ничего не оставалось, как подтвердить, что сама виновата.

— Ладно, пошли к Филе, заодно и познакомишься.

Худой, длинный, мосластый Фидель выглядел не то на десять лет старше, не то на десять лет моложе своего успешного брата. Угловатостью и остановившимся взглядом выпуклых глаз он удивительно напоминал богомола на охоте.

— Фидель, это Рита, с Сан Санычем приехала, я ее неудачно с Марфой познакомила. — Алиса вытолкнула меня вперед, дабы наглядно продемонстрировать результат «знакомства». Фидель Семенович вышел в коридор и склонился к моей многострадальной коленке.

— Ай-яй-яй, как неосторожно! У вас от столбняка прививка сделана? — деловито поинтересовался он, доставая из-за кабинетной двери какие-то пузырьки.

— Кажется... — пожала я плечами.

— Ну, Фидель, ну что ты, как мамуля над Семочкой? — вмешалась Алиса. — Намажь ее своим бальзамом, ни одна зараза не пристанет, царапины-то свежие, десяти минут не прошло.

Нечто, которым смазали мои боевые отметины, сверкало оттенками мореного дуба и красного дерева и пахло при этом изрядно. Дышать как-то сразу расхотелось, но и саднить царапины перестали тоже сразу.

Глава 9

Через двадцать минут после гонга «съезд гостей» все еще продолжался. Ольга Федоровна отправилась поторопить супруга, который никак не мог прервать срочную беседу с Сан Санычем, Семочка, зыркнув вслед мамуле, слинял в ближние заросли — покурить, дедуля, совсем не похожий на Буденного, пихал в оливки красную икру и сопровождал этими кулинарными «шедеврами» некую прозрачную жидкость. Мы с Алисой, не сговариваясь, двинулись к противоположному краю стола. Я пристроилась к блюду с зеленью, Алиса смачно захрустела огурчиком.

В некотором отдалении Милочка болтала с Филей. Точнее, наоборот. Фидель Семенович, выходя из образа анахорета, мученика науки и все та-

кое, тщился поднести к узким губам пухлую ручку и при этом продолжал что-то говорить. Милочка безмолвствовала и в своем бледно-зеленом туалете почти сливалась с растительной декорацией. Лишь щечки рдели пунцовой краской — должно быть, от смущения...

— Вы подумайте, какая честь! — фыркнула Алиса. — Обычно Филя семейные обеды напрочь игнорирует. — Она отправила в рот пучок укропа с ломтиком какого-то мяса и присела на скамью. На соседней скамье тут же материализовался Семочка, а к беседке уже величаво приближалась Ольга Федоровна, сопровождаемая супругом и уголовным начальником.

Игорь переоделся в белый льняной костюм и двигался эдаким официантом с роскошного курорта. Его жена... Ну, не знаю, не знаю... Среднего роста, чуть полнее, чем требуют модные нынче стандарты, натуральная блондинка с золотистым загаром и очень яркими, неожиданно вспыхивающими глазами на кругловатом симпатичном личике. То, что называется «аппетитная» — хотя лично мне это слово применительно к женщинам всегда казалось унижительным.

Лиля немного помогала мужу подавать и обслуживать, а в основном возилась с Ромочкой. Его, видимо, накормили пораньше, но «взрослый» стол казался ребенку неодолимо притягательным: дайте вон то, вон это, помидор, сыр и всякое такое. Милочка при каждом возгласе возлюбленного сыночка порывалась вскочить из-за стола и испуганно взглядывала то на мужа, то почему-то на Фиделя.

— Ты, Семочка, говорят, тратишь больше, чем с матери вытягиваешь. Банк ограбил или работу, наконец, нашел? — добродушно поинтересовался Марлен Семенович, потянувшись за зеленью.

Сынок с явным сожалением оторвался от тарелки, картинно выпрямился и расправил плечи.

— Папа! Я миллион раз просил не называть меня этим дурацким именем!

— Ну-ну... — хмыкнул отец. — Может, и пора... Так не скажешь ли, откуда дровишки?

Картинно развернутые плечи изобразили не менее картинное пожатие.

— Так... Кручусь помаленьку.

— Похвально, похвально. Только что ж ты... я мог бы тебе пару-тройку работодателей сосватать. По специальности. А?

На этот раз двинулось одно плечо.

— А... — понимающе кивнул отец. — Не хочешь на папиных связях выезжать? Уважаю. Самостоятельность — дело благое. Кстати, может, поделишься, зачем тебе понадобилось с Гариным встречаться?

— С каким еще Гариным? — благородно вознегодовал отпрыск.

— Не поделишься, так я и думал. Дело твое. Большой уже мальчик. Взрослеешь на глазах... Ну-ну... Если учесть, сколько ты с матери вытя-

гиваешь, прекращать официальное субсидирование, наверное, бесполезно, да? Придется, должно быть, разбираться другими способами...

— Марлен! Ты не можешь... — воскликнула Ольга Федоровна.

— Как это? По-моему, как раз-таки могу... Лелюшка, ты бы не мешала, лапочка, в мальчишке просыпается мужчина. Наш кусок ему уже поперек горла становится. Он хочет сам добывать своего мамонта. Разве можно препятствовать?

— Какая там самостоятельность! Он учится, семья у него, ребенок... Да ты знаешь, во сколько сейчас детей одеть-накормить обходится?

Марлен Семенович усмехнулся:

— Кое-какое представление имею. Имеет ли Семочка — не знаю, — усмехнулся Марлен Семенович. — Кстати, о расходах и доходах. По-моему, будет полезно, если Рома какое-то время проживет здесь.

— Марлен Семенович! — Милочка покраснела, побелела, чуть не позеленела — и все это одновременно.

— Прежде всего, для самого Ромы, — примирительно заметил глава семьи. — Боже упаси, Милочка, не подумайте, что я к вам в претензии. Рома — прекрасный мальчик, я горжусь, что у меня внук. Но материнская любовь слепа, а ребенок растет. Есть смысл немного распылить его внимание...

— Он меня любит!

— Кто же спорит? Еще бы не любил. Никто же не предлагает ребенка с матерью разлучать. Что я вам, зверь какой? Живите и вы тут, мы только рады будем. Но... характер у Ромы... сложный, и возраст тоже... Он сейчас явно считает себя пупом земли, потом ему с этим очень трудно жить будет. А Лиля — профессиональный педагог, не все ж ей в горничных талант губить, она отлично справится с проблемой. С вашей помощью, конечно.

— Твою профессиональную шлюху на сто километров к детям подпускать нельзя! — завопил Семочка.

— Игорь! — Мягкий голос хозяина остановил «управдома» почти в прыжке. — Будет неплохо, если удастся обойтись без членовредительства. Хотя на вашем месте лично я не удержался бы. Лиля! Я приношу свои извинения за безобразное поведение моего сына. А ты... Сэм... ты с собственным ребенком последний раз общался недели три назад, так что не изображай из себя заботливого папашу.

— Зато ты, — взвился Семочка, — обо всех заботишься, за всех все знаешь, да? Если у тебя деньги — значит, все по-твоему должны делать, да? С собой не заберешь!

— Семочка! — Ольга Федоровна даже со скамьи приподнялась.

— Не волнуйся, Лелюшка, все нормально. — успокоил ее супруг. — У Семена зубки прорезались. По-моему, он нашел другой источник доходов.

Хорошо, если постоянный. Любопытно, как поведут себя кредиторы, обнаружив, что после моей смерти потенциальному наследнику ничего не причитается?

— Марлен! — попыталась остановить тайфун Ольга Федоровна.

— Что — Марлен? Я ведь и в самом деле не вечен. Пока я тут, он при деньгах, а если меня завтра инфаркт хватит? Он же за год все спустит.

— Что ты говоришь?!

— Что есть, то и говорю. Пора уже задуматься. Как-то я это из виду упустил, спасибо, напомнили. Если кому любопытно, могу в общих чертах сообщить: основными наследниками будут внуки. Пока один Рома, но если Алиса сподобится, да еще мужского пола — то и ее дети.

— Папуль, по-моему, у тебя башню снесло, — вмешалась Алиса. — Мне твоего наследства не надо, живи триста лет, да и вообще, я и себя, и семью уж как-нибудь обеспечу, но...

— Девочка моя! — улыбнулся Марлен Семенович. — Не обижайся на старика. На заводе твое слово главным останется, не бойсь, все под контролем. Хотя ты ведь и впрямь обеспечишь, и помощи ни у кого просить не станешь. Эх, поменять бы тебя с Семкой... А может, ты замужем фамилию нашу оставишь?

— За каким еще замужем?

— Ну-ну, не ершись, ты мне идею подала.

— Папуль! Перестань. Семка — дурак, ляпнул сгоряча, а ты как маленький...

— Пустое. Чего вы все застыли? Я что, на улицу кого-то выгоняю? Всем достанется, но дело делить не дам. Завтра Никанор с племянниками явится, все обсудим, ко всеобщему благополучию.

— Вот, вот! — возопил доселе молчавший дедуля сквозь смачный ломоть семги. — Адвокатов себе купил, на дом выезжают! Думаешь, управы на тебя нет? Перед парткомом бы постоял, а то и перед тройкой... Вконец обнаглел — дела он делить не хочет! Твое личное, да? Я вот этими самыми руками этот завод поднимал... Чего хочу — ворочу, кого хочу — увольняю, рабочего человека ни за понюх табаку в распыл отправил!

Дед хлестко глотнул водки, зажевал куском жареного мяса.

— Пап, не вмешивайся, а? — вздохнул Марлен Семенович. — Друг — это я понимаю, но он же дело запретит, глаза совсем залил, краску уже не видит...

— Что, рабочему человеку и выпить уже нельзя? Ах, у директора разрешения спросить надо! Дело он испортит... А сам чего удумал? Девчонку-соплюшку главной ставить! Небось к станкам ни ногой, она командовать будет, дармоедка, вся в отца! Ништо! Будет и тебе праздник! Дождешься! — дед опрокинул в себя очередную рюмку, поперхнулся, утробно закашлял,

тяжело поднялся со скамьи, пошатнулся... Игорь мгновенно оказался рядом, привычно подставил плечо и увел «революционера» в дом...

— С меня хватит! — взвизгнул Семочка, швырнул вилку и ракетой вылетел из беседки. Милочка беззвучно выскользнула вслед за ним.

— Сан Саныч, Рита, вы уж не обижайтесь на этот концерт, — повернулся к нам Марлен Семенович и... подмигнул. Показалось? Да нет вроде. — На самом деле мы друг друга любим, оттого и орем, как психи.

— Риточка, Марлен правду говорит, — неожиданно мягко подтвердила Ольга Федоровна.

Удивляться своеобразным формам выражения родственных чувств было бы крайне невежливо. В каждой избушке свои погремушки, не так ли. Лично у меня на месте родственных чувств — большой-большой пробел. Да и родственники-то, признаться, весьма немногочисленны, вдобавок, до них и не доскачешь, они обитают совсем в других географиях. Ну, с праздника-ми поздравить, ну, подарки ко дню рождения, ну, позвонить раза три в год... Откуда тут взяться родственным чувствам? Так что не мне судить о способах их выражения.

Скандалов я тоже не люблю и остерегаюсь. И что? Моя личная проблема.

А Марлен Семенович, хотя именно он спровоцировал застольную разборку, тем не менее внушал симпатию. Вот хоть ты тресни. Алиса явно унаследовала свое обаяние от отца. Почему-то не в гостинице, где я впервые восхитилась здешними изразцами, не днем позже в музее, а именно во время прогулки мне захотелось немедленно приобрести что-нибудь из местной продукции и украсить — хотя бы балкон. Чудеса, право. Разговор-то весь крутился вокруг ландшафтного дизайна. Марлен Семенович был замечательным гидом, хотя с тем же успехом мог бы распинаться перед наводнявшими поместье стрекозами. В ботанике я — швах. Знаю, что растения бывают однодольные и двудольные, да еще, пожалуй, про климатические зоны — по крайней мере, мне понятно, почему хрущевская кукуруза не стала расти «от Москвы до Енисея». А мхи — это симбиоз лишайника и водоросли. Или я опять все перепутала?

Кстати, разных мхов гостеприимный хозяин показал мне не меньше десятка, поведав, что привозили и высаживали их специально: зеленые и рыжие, «гладкошерстные» и «лохматые». И все сплошь с какими-то экзотическими названиями, которых я, естественно, не запомнила. Впрочем, вовсе не обязательно знать, из чего приготовлено какое-нибудь изысканное блюдо, чтобы оценить его вкус.

В данном случае «вкус» — то есть вид — потрясал, услаждал, ласкал и прочая, и прочая, и прочая. Марлен Семенович объяснил, что растения они с «Лелюшкой» отбирали по принципу неприхотливости, такие, что не требуют непрестанных забот. Теперь дважды в год приезжает из соседнего пи-

томника бригада — для «генеральной уборки», включая чистку пруда и бассейна, а все остальное время сад существует, как ему вздумается.

Нашу изысканную беседу прервало появление Фиделя Семеновича, которому приспичило «срочно поговорить». Подозреваю, что Марлен Семенович с большим удовольствием продолжил бы нашу прогулку, но — дорогие гости, не надоели ли вам хозяйева? И я тут же поспешно ретировалась. Судя по некоторым донесшимся до меня обрывкам фраз, на хозяина напали всеерьез. «Приоритет», «единственный шанс», «ты мне просто завидуешь» — да, Дворецкому-главному предстояла нешуточная баталия. Я была всецело на его стороне, а что толку? Посему отправилась на поиски Алисы, Сан Саныча, даже Ольги Федоровны или хотя бы Лили с Ромочкой. А вместо них почти наткнулась как раз на тех, кто меня совершенно не вдохновлял. Хуже того, пара тоже ссорилась, что было уж совсем неожиданно. Тихая, бессловесная Милочка наскокивала на мужа, требуя:

— ...ты должен с ним поговорить!

Вероятно, заявление хозяина о том, что Ромочка должен общаться не только с мамой, пронзило Милочку до глубины души. Супруг возвышался над ней на полторы головы, но это ему не особенно помогало. Милочка упорно стояла на своем, а Семочка пытался ее утихомирить. Правда, довольно безуспешно.

— Ты с ума сошла! Он и так на меня волком смотрит из-за этих чертовых рецептов. Вбил себе в башку, что это я их прибрал, теперь бесится.

— Но это ведь не ты?

— Совсем спятила? Нет, конечно! — возмущенно вопил любящий супруг и нежный сын. — Папочке удобнее, чтобы это был я, вот и все. Потому и маразм с завещанием придумал. Мне и без того проблем хватает! А ты — поговорить. Да не трясись так, никто у тебя Ромочку не отберет, очень надо!

Тут я, наконец, осознала, что подслушиваю, и тихо-тихо начала пятиться. Под ногой хрустнула веточка. Застыв не хуже лотовой жены, я лихорадочно придумывала оправдание попримичнее. В моей тупой башке почему-то не появилось элементарной мысли: гулять по саду не возбраняется, ну, шла, ну, наткнулась — что такого? Ничего. Однако страх перед возможным «обнаружением шпиона» вырос до размеров слона. Или пяти слонов.

Уф-ф! Пронесло. Не заметили. Увлечены очень.

Глава 10

Это ужасно, но вечер был самый обыкновенный. Про «ужасно» — это я потом придумала, а в тот момент... Вечер как вечер, ничего выдающегося. Обеденный «скандал» не оставил и следа, публика излучала лень и тишину.

Дневная духота постепенно сгустилась в тяжелые тучи, так что сумерки настали куда раньше положенного, а к ужину и вовсе стемнело. В опасении возможных катаклизмов ужинали в холле — как еще назвать это помещение, я, по причине полной архитектурной безграмотности, не знаю. Быть может, гостиная? Такое, знаете ли, нечто размером чуть поменьше теннисного корта. Стена, выходящая в сад, точнее, на террасу, почти сплошь стеклянная и раздвижная, та, что напротив, оживляется тремя-четырьмя дверями, уходящая вправо и влево в два коридора — они чуть выше «гостиной» и начинаются с трех косых ступенек каждый. Такая дополнительная «граница» пространства. Один «угол» холла отсекается пятиметровым сквозным стеллажом, изображая библиотеку — кожаные кресла, камин, низкий дубовый стол — все как у больших. Рядом «скушает» кабинетный рояль — как сообщила Алиса, «память о маминой музыкальной юности». С другой стороны — телевизор (даже, кажется, не один) и бильярдный стол. Остальное пространство занято столами, диванчиками, шкафчиками какими-то... Кресла-качалки, парочка трельяжей с соответствующей зеленью, лампы подвесные, лампы настольные, напольные, настенные... А в целом — очень славно.

По причине обильности обеда ужин имел место быть крайне легкий, даже и не ужин, так, вечерние посиделки. Коктейли, фрукты, сыр и тому подобные пустячки.

Гений фармацевтики присоединиться к компании вовсе не соизволил. Дедуля с графинчиком и блюдом деликатесов пристроился к телевизору. Марлен Семенович поклевал крекеров с сыром, запил это дело бокалом калифорнийского рислинга, поцеловал жену и удалился в кабинет, распорядившись отнести закуску туда же — «через полчаса, Игорь, чтоб мне ночью по кухне не шарить, тебя не поднимать, неизвестно, сколько просидеть придется». Лиля в уголке читала Ромочке сказку. Сан Саныча после отбытия хозяина дома Ольга Федоровна усадила играть в нарды. Молодые супруги оккупировали бильярд, а мы с Алисой устроились в «библиотеке», подальше от семейной идиллии.

Часов в десять Ольга Федоровна заметила, что Ромочка вовсю зеваает, не пора ли, мол, спать, «да и дождь вот-вот хлынет, промокнете, пока до флигеля дойдете», и дернула за шнурок, который был предназначен для вызова прислуги из кухни, — мол, можно убирать со стола. Игорь появился почти сразу. Едва он оказался на верхней ступеньке, откуда-то выскочила сумасшедшая Марфа. Знаете, иногда кошки, в панике или под влиянием иных чувств, вдруг решают, что перед ними не человек, а дерево. Если по тебе взбирается котенок — оно еще ничего. А если взрослая кошатина, причем не в самом безмятежном настроении... Пытаясь защитить лицо, Игорь, естественно, не мог смотреть под ноги. А, между прочим, даже три ступеньки — это очень много. Особенно, когда по дому бегают всякие жи-

вотины. Дремавшие на ковре Лорд с Мурзиком, естественно, решили, что все это — новая увлекательная игра. То есть, решил Мурзик, а Лорд последовал за ним. В общем, весь спектакль занял не более трех секунд. Финальной сцене позавидовал бы сам Гоголь: у нижней ступеньки сидят озадаченные Лорд и Монморанси, между ними, скрючившись, лежит тело в белом костюме, Лиля, успевшая мгновенно передать ребенка Милочке, замерла над Лордом с таким же недоумением на лице — «и что мне теперь делать?» — Ромочка на руках у мамы проснулся и заливисто хохочет, застывшее лицо Ольги Федоровны выражает абсолютный ужас... Тело, впрочем, пытается подавать признаки жизни в виде сдавленного «извините».

Первой опомнилась Алиса. Едва взглянув на неловко вывернутую ногу Игоря и внушительные следы марфиных когтей, она метнулась за дядькой, бросив через плечо:

— Опять после кальмаров руки плохо помыл? Знаешь ведь, что Марфа после родов дикая становится!

— Ну, я же ее только что угощал, — сокрушенно простонал несчастный мажордом.

Минут пять мы смазывали царапины чудодейственным бальзамом. Игорь только тихонько шипел, хотя отделала его Марфуша знатно, ладно, хоть лицо успел прикрыть. Потом общими усилиями переместили «тело» в его комнату — возле кухни, разумеется.

Семочка заявил, что медицине не обучен, так что бдеть у постели инвалида не собирается, и его семейство отправилось на ночлег. Ольга Федоровна тут же вернулась в образ «императрицы», причем императрицы явно недовольной — еще бы, такой непорядок в хозяйстве! Впрочем, как положено просвещенной государыне, воли гневу она не давала, так, вышлась в дверях немым укором.

Пока мы «добрались» до ноги Игоря, она успела раздуться так, что еле ботинок стащили. Н-да. Трещина там или нет — не знаю, но растяжение сильное, хромать «пациент» как минимум неделю будет. Точно отвечая моим мыслям, Игорь начал извиняться:

— Ольга Федоровна, вы не волнуйтесь, ничего страшного, нет там никакой трещины, я завтра же поднимусь. Ну, в крайнем случае кухней пока Лиля займется...

— Конечно-конечно, — подхватила его встревоженная супруга.

Ольга Федоровна поморщилась, но кивнула.

Глава 11

Под громыхание грозы спалось всю ночь сладко-сладко. Разбудила меня Лиля.

— Доброе утро, Рита. К вам посетитель. Можно войти?

Посетитель? В восемь утра?!

Ничего не понимаю! Ясно одно — восседаю в кровати, я буду чувствовать себя довольно глупо. Пришлось вылезти — хорошо, футболка почти по колено — и устроиться в кресле.

«Посетитель» был юн, белобрыс и облачен в оливкового цвета форму. Нагрудный карман украшала веселенькая улыбающаяся ромашка, между лепестков — буквы: Э-Д-Е-М. (В райском саду произрастали ромашки? Впрочем, там, надо полагать, все произрастало.)

Надпись чуть ниже ромашки извещала, что посетителя зовут Игнат Черняков. Может, на втором кармане тоже что-то было, но его закрывал букет размером с хороший веник: розы и какая-то незнакомая мне зелено-фиолетовая фигня. А что? Миленько. Даже изысканно. Посыльный из всех сил старался сохранять серьезность.

— Маргарита Львовна? Надеюсь, я не опоздал?

О чем это он? Куда не опоздал? Что тут вообще происходит?

— Что тут вообще происходит? — в полуоткрытую дверь просочился несколько взъерошенный Сан Саныч. Ну да, нас же разместили в смежных спальнях.

— Посыльный из «Эдема». Букет для Маргариты Львовны, — одновременно сообщили Лиля и «гость».

Сан Саныч плюхнулся в кресло и холодно поинтересовался у потолочного светильника:

— От кого бы это?

— Мы вообще-то сведений о клиентах не даем... — На посыльного жалко было смотреть. — Но тут секрета никакого нет, господин Дворецкий вчера звонил и заказал...

— Какой Дворецкий? — очень устало, точно не восемь утра, а полночь на дворе, уточнил господин Громов.

Посыльный растерялся, и мое чувствительное женское сердце не выдержало, мальчик-то при чем, приехал заказ доставить, а из него душу вынимают...

— Который Дворецкий? — шепотом уточнила я, так как господинов Дворецких в доме было аж четверо. Кстати, мне и самой стало интересно, кто же ко мне так душевно отнесся — ну, не главный же, в самом деле. Это было бы странно...

— Марлен Семенович, вот у меня и копия заказа при себе... — дрожащим голосом поведал окончательно позеленевший посыльный. По-моему, он решил, что вляпался в какую-то разборку, не исключено, что с физическими последствиями (ну, то есть, побить могут)...

— Александр Александрович! — вмешалась Лиля. — Не пугайте мальчика, он-то тут при чем? Марлен Семенович часто для гостей цветы заказывает.

— Для гостей? — съехидничал Сан Саныч. — И вот прямо так взял и заказал?

— Ну да, вот, смотрите сами...

На свет явилось нечто вроде квитанции — заказчик, номер телефона, заказ сделан в одиннадцать вечера, время исполнения — восемь утра...

— Лиля, проводи мальчика, угу? Что это я в самом деле? — Сан Саныч усмехнулся и подмигнул мне.

— Конечно, Александр Александрович, — мягко ответила Лиля и вывела посыльного из комнаты.

— Для приличия могла бы и смутиться или растеряться, — вздохнув, произнес Сан Саныч.

Растеряться? Смутиться? Вот сейчас я действительно растерялась.

— У-у, как все запущено, — подытожил доблестный боец невидимого фронта. — Правду Ильин говорил, самостоятельна до психопатии.

— До чего, до чего?! — возмутилась я.

— До психопатии. Своя собственная девочка, да? И ревновать вас, миледи, нет никакого смысла...

— Уж будто у Ильина есть основания для ревности!

— Уж будто для этого нужны основания! — в тон мне ответил Сан Саныч.

— А это кому как... — Я задумалась (с утра пораньше как-то не до психологических вывертов) и, выдержав паузу, продолжила: — Если близкого человека напрягает, что я кому-то улыбаюсь, возникают некоторые сомнения — а такой ли он уж близкий? Я, знаете ли, всем улыбаюсь. Не, Ильину вся эта фигня до лампочки, он настоящий мужик...

— О как! Это можно цитировать?

— Да ради бога! А зачем? Он и так знает, как я к нему отношусь.

— Н-да... Пожалуй, и впрямь незачем. А я-то посочувствовать хотел приятелю... Ну, совет да любовь. На свадьбу-то пригласите?

— Чего?!! — искренне изумилась я, окончательно проснувшись.

— Все-все, молчу, уже понял. Вернемся к нашим баранам... — Сан Саныч понюхал презент. — Марик в своем репертуаре. Давай-ка я тебе сейчас вкратце нашу идею расскажу, чтобы ты сегодня уши и глаза открытыми держала. Ну, насчет завещания, руководства бизнесом и все такое. Начало ты видела, сегодня наверняка продолжение будет... — Он переложил букет на стол и неожиданно спросил: — Ты цветочки-то хоть любишь?

— Здрассьти! Кто ж их не любит! Только не розы, конечно.

— Ну, ты даешь! А эти как же?

— Дареному коню, знаешь ли... Хотя странно как-то... Да еще в такую рань...

Я вряд ли сумела бы объяснить, что именно показалось мне странным. Но даже если бы сумела — все равно не смогла бы в буквальном смысле, то есть физически, так как с пожарной сиреной соперничать не в состоянии. А визг, от которого задрожали оконные стекла, по мощности был никак не слабее хорошей сирены.

Рванувшись к окну, мы с Сан Санычем весьма ощутимо столкнулись локтями. Вот почему это — стукаешься локтем, а искры летят из глаз? Кто-нибудь знает?

Собственно, «окно» на деле было дверью. Эту часть здания по второму этажу опоясывала терраса, странная, как и весь дом. Каждому приходилось видеть галереи, дырявые по причине возраста и множества переживаний. Но чтобы дырки входили в замысел... Вместо привычных растений в кадках террасу украшали верхушки деревьев и кустов, высаженных вдоль дома — именно для них и были оставлены «дырки». Кто не видел — не поверит, но, честное слово, восхитительно распахнуть поутру балконную дверь — на втором этаже! — и оказаться между вишней, сиренью и боярышником, еще свежими от ночного дождя.

Источником звука оказалась Милочка, стоявшая, как на пьедестале, на валуне (одном из окаймляющих дорожку) метрах в десяти левее «моего» куска террасы. Ничего себе развлечения в семейной загородной усадьбе!

Впрочем, едва успела все это заметить, как Милочка стекла меж рук безуспешно пытавшегося подхватить ее Кита и осела на один из соседних валунов, а Сан Саныч уже перелетел через перила и оказался внизу. Гравий под его ногами придушенно хрустнул.

Ну, где наша не пропадала! В каскадеры меня вряд ли возьмут, но опор для рук и ног наблюдается достаточно — перила, балясины, карнизы, ветки, в конце концов...

Доблестной полиции я проиграла полминуты. Не приспособлены мы, кролики, для лазания.

— Не лезь, отсюда и так все видно! — рявкнул через плечо Громов.

Неужели я похожа на идиотку, которая сдуру ринется затапывать возможные следы? Да и какие уж тут следы? Ливень всю ночь хлестал, почва под окном более всего напоминала кисель, только черный, а шиповник с боярышником выглядели так, словно компания слонов устраивала там танцевальную вечеринку. Причем, слоны явно были нетрезвые...

Окно было наполовину поднято, шторы раскрыты, и обстановка кабинета — как на ладони. Громадный рабочий стол наискось упирается в подоконник правым углом, на котором поблескивает рыжевато-коричневый телефон, почти на середине стола — старинная настольная лампа, за ней — край компьютерного монитора...

Марлен Семенович сидел за столом лицом к окну. Точнее, макушкой. Лицом он уткнулся в какие-то документы. Те, что можно было рассмотреть, выглядели официальными.

Темное пятно широко окружало голову бывшего хозяина усадьбы. В свете настольной лампы почему-то гораздо заметнее стала седина.

Из окна башенки почти над моей комнатой высунулась растрепанная Алиса:

— Вы чего орете? Убили кого-то?

— Теперь точно из области кого-нибудь пришлют, — мрачно подытожил Громов.

Глава 12

«...над ключичным суставом рана, нанесенная обоюдоострым узким лезвием, типа стилета... кожные покровы чистые, без повреждений... при наружном осмотре признаков отравления, ударов, борьбы не обнаружено... обстановка комнаты не нарушена... шторы отдернуты... на подоконнике и на ковре возле стола частицы почвы... блюдо на столе справа от трупа содержит остатки крекеров, сыра и зелени...»

Первым забеспокоился Кит. Полагаясь на собак и электронику, он ложился рано. Нет смысла изображать недреманное око, если система сообщит — причем очень громко — о любой попытке нарушить ее, системы, покой. Собственно, территория охранялась, в общем, на всякий пожарный случай, более для спокойствия Ольги Федоровны, нежели в расчете на какую-то опасность.

Поднимался Кит рано, в половине седьмого. Часовая зарядка, за ней купание — подозреваю, что зимой он купался в сугробе. Завтракал обычно в восемь, в начале девятого, после своих четвероногих напарников, которые получали еду без четверти восемь по очереди — сначала Мика, затем Чика. На следующий день — наоборот. Собаки знали режим назубок. Обычно тот пес, которому в этот день принадлежала первая очередь, без четверти восемь уже подбегал к двери. Если нет, Кит нажимал кнопку у себя на пульте, посылая сигнал на приемник в собачьем ошейнике. Напоминал.

В это утро Мика не явился. Ни по собственной инициативе, ни после трех «напоминаний». Не среагировал на сигнал и Чика. В первый момент Кит подумал на электронику — ну, вот, придется мастера звать, а собаки их почему-то не любят. Но все-таки — где же сами-то собаки? Сигнал сигналом, но время завтрака они помнят наизусть. Неужели опять зайца завалили?

Сканер послушно регистрировал сигналы от собачьих ошейников, показывая на экране две неподвижные точки примерно посередине между домом и пляжем, неподалеку от шашлычной беседки...

Кит, естественно, побежал выяснять — в чем дело...

Собаки лежали рядом, голова к голове, только спины из травы холмиками виднелись.

От горя у Кита потемнело в глазах. Но, подойдя к собакам вплотную, он с невероятным облегчением обнаружил, что псы живы, просто спят. Не в обмороке, не в шоке — спят, как младенцы. Носы холодные, сердцебиение нормальное, дыхание ровное, пасти чистые — непохоже, чтобы отравились чем-то. Необъяснимо.

Поскольку любимым «деткам» ничего, вроде, не угрожало, Кит отправился к Ольге Федоровне, докладывать. Случай-то нештатный, нарочно не придумаешь.

Глава 13

Присланный из области оперативник именовался Михал Михалычем Зотовым. Выглядел он как парниковый помидор: розоватенький, рыхловатенький, щекастенький, добродушный... Непропеченный какой-то. Полная противоположность поджарому и собранному Громову. Тот, однако, Зотову обрадовался, как брату родному — «а я-то боялся, ты в отпуске, пришлют какого-нибудь Цветкова» — и бразды руководства отдал без звука. Сидел и делал вид, что он тут так, погулять вышел, пока Михал Михалыч всех опрашивал. Нет бы побегать, следы поискать, ясно же, что хозяина зарезал какой-то случайный бандит... По крайней мере, я была почти уверена, что официальная версия сложится именно так — посторонний. Ибо зачем «своим» усыплять собак? Значит, чужой. Пришел, залез в окно и... Времени, чтобы скрыться, было навалом — до самого утра. Но — положено опрашивать возможных свидетелей, вот и опрашивали.

— ...ужина фактически не было, так, закуски, сыр, фрукты. Марлен ушел в кабинет, наверное, около девяти... да что вы, какой скандал, какая ссора, кто вам такую глупость сказал?.. У него днем неважное настроение было, вот он и цеплялся ко всем, кто под рукой, обычное дело, к вечеру давно уже успокоился... Мы все отправились спать, когда гроза началась. В одиннадцать, по моему. Нет, вечером я к Марлену не заходила и вообще ничего подозрительного не заметила. Ну а утром, примерно в полдевятого, пришел Кит...

— Ольга Федоровна, давайте по порядку. Он вас разбудил, или вы уже проснулись?

— И встала, и душ приняла, собиралась кофе пить.

— А вас не встревожило, что... — Михал Михалыч замялся и, по моему, даже смутился. — Вас не встревожило отсутствие мужа? Или у вас разные спальни?

— Нет.

— Нет — это на какой из вопросов?

— На оба, — вздохнув, ответила Ольга Федоровна. — Спальня у нас общая, и я не встревожилась. Марлен вечером сказал, что ему надо с документами поработать. Когда он поздно засиживался, то оставался в кабинете, чтобы меня не беспокоить, иначе я потом до утра не засну. У меня, знаете ли, очень чуткий сон.

— Итак, вы проснулись, приняли душ, и тут пришел Никита...

— Да, и сказал, что... что собаки заболели.

— А почему он именно к вам с этим пришел? Не к хозяину, не к его брату — он ведь врач?

— Фидель Семенович... ну, он все-таки не ветеринар, и он, по-моему, еще не проснулся, он часто по ночам работает. Марлена нельзя беспокоить, когда он в кабинете... ну, кроме экстренных случаев, понимаете? Вот Кит и пришел ко мне, чтобы решить — сообщать хозяину или просто вызвать ветеринара.

— И вы решили ветеринара не вызывать?

— Нет... Собаки выглядели здоровыми, они просто спали, понимаете? То есть... они не были без сознания, ничего такого. Просто спали. Конечно, мы бы все-таки вызвали ветеринара...

— Вы кого-то постоянного приглашаете?

— Конечно, вы же видите, сколько живности. Обычно сами справляемся, Марфа у нас на руках рожает... но ветеринар у нас один, постоянный. Остап Михайлович.

— Хорошо. Вы решили, что Остапу Михайловичу вы позвоните позже, так?

— Да. Тем более что Чика вроде начала просыпаться. Но сам случай... это выглядело как-то очень странно.

— Странно — это достаточно экстраординарно для того, чтобы побеспокоить вашего мужа?

— Конечно.

— И вы послали Никиту доложить хозяину, так?

Ольга Федоровна кивнула. По мере того как расспросы приближались к времени обнаружения тела, кровь все отливала и отливала от ее лица, и голос становился все тише и тише.

— А почему вы сами с ним не пошли?

Пауза. Полное впечатление, что она вообще не понимает, куда попала и что происходит. Наконец едва слышно, но отчетливо она ответила:

— Не знаю... Собаками всегда Кит занимался, то есть...

— А почему вместе с ним оказалась ваша невестка?

Снова пауза и полное непонимание в глазах.

— Моя?.. А... Не знаю...

— Хорошо, Ольга Федоровна. Вам нужно отдохнуть. Мы постараемся вас больше пока не беспокоить. Спасибо за вашу выдержку.

— Периметр — это граница участка?

— Ну да, там сетка. С нее сигнал мне на пульт поступает, а если меня в пульта нет, то на медальон, и в доме дублируется, все чин чинком. Лучше сплошной стены. Марлен Семенович не хотел пейзаж забором портить, но сетка легированная, ее только танком проломить можно. Тут же заповедник рядом, забежит еще какой ценный олень, мало ли.

— Сетка везде сплошная?

— Только по речке и по озеру разрыв.

— То есть, если я переплыву озеро...

— Тут вас Чика и встретит, они уж знают, пока кто-то из своих не сказал на гостя «свой» — значит, чужой, значит, хватай и держи, пока не разберутся. Чика неделю назад зайца придавила — тоже, видать, сдуру озеро переплыл, ну и попался.

— Съели?

— Ну, что вы! Мика за мной прибежала, серый только и успел, что испугаться, Чика его повалила и на него легла, даже зубами не тронула. Но — не пустила, потому как непорядок.

— И что с ним случилось?

— Да вынес за ворота и отпустил. Чикю с Микой похвалил, конечно, вкусенького дал. Молодцы, сторожите дальше. Так что периметр не пройти, вы не сомневайтесь.

— А если я с вертолета к дому спущусь?

— Издеваетесь, да? А если подкоп из Австралии? Они ведь собаки, не джедаи какие-нибудь. Район дома — не их территория. Но вообще-то мимо них не пройдешь. Только пристрелить, но пристрелить их трудно. Умные очень.

— Как же их усыпили?

— Ума не приложу. Быть этого не могло! Понимаете, не могло! Я уж голову себе сломал.

— Да ладно уж. Бросили через вашу сетку кусочек мяса повкуснее, с начинкой снотворной...

— Да не взяли бы они! Что ж я, собак своих не знаю? Ничего и ни у кого не взяли бы. Ни с земли, ни из рук. Разве что у кого из домашних, да и то... Без меня — вряд ли.

Кит неожиданно треснул кулаком по столу, зацепил за угол, брызнула кровь, он по-собачьи начал зализывать царапину. В комнате повисло тяжелое молчание.

Мне показалось, что смерть хозяина огорчает Кита меньше, чем обвинения в адрес возлюбленных собачек. Если вдуматься, оно и понятно. Он же охранник. Если Хозяина нужно охранять, значит его МОГУТ убить, так? А собачки — друзья, партнеры, соратники. Причем сами защититься от обвинений не могут. Кто же их защитит, если не он?

Вдруг Кит оторвался от своей ладони и с надеждой взглянул — нет, не на Зотова, а на его соседа.

— Сан Саныч, а можно ведь, наверное, определить, как эта гадость к ним попала? Не верю я, что они могли что-то у чужого взять, не верю!

— Как ты себе это представляешь? — вздохнул Громов. — Их же не убили... да сиди ты, хорошо, что не убили, хоть что-то хорошее в ситуации.. Но одно дело — осматривать труп, другое — твоих зверей живьем. Мы же не станем их вскрывать, чтобы выяснить, как они снотворное получили.

— А... если не вскрывать — то никак?

— У тебя какие-то идеи?

— Может, в них иголкой выстрелили?

— Ты же сам сказал, что их пристрелить невозможно.

— Не невозможно, а трудно. Чтоб их пристрелить, надо либо в голову попасть — а это точно вряд ли, либо снарядом бронебойным шарахнуть, чтоб в клочки. Живучие они. Мика — еще до того, как мы сюда попали, — на mine подорвалась, по кусочкам собирали, я полгода ее восстанавливал, массаж делал, гимнастику всякую. Ничего, бегают. Так что убить их трудно. А вот иголкой из духового ружья зацепить... или не из ружья... да хоть из рогатки... Почему нет? Ведь есть же снотворные, чтобы только царапины достаточно было?

— Да есть, конечно, — согласился Зотов. — Но еще больше таких же ядов. Почему их не убили, а только усыпили? И как ты предлагаешь выяснять наличие укола? Шкура-то у них — что у белого медведя.

— Ой, да они мне все позволят. По миллиметру осмотрю.

— Ну, осмотри. Вон, вместе с Геннадием Палычем.

Геннадий Палыч в чине сержанта зарделся от предоставленной чести.

— А пока не осмотрел... Кстати, их не тошнило? Посмотрели бы и содержимое желудков заодно.

— Вроде нет. Я почему и Остапа Михалыча не кинулся вызванивать с ходу? В норме собаки, спят и все. Потом, уже когда Ольгу Федоровну привел, Мика просыпаться начала, засопела, глазки приоткрыла...

— Ольга Федоровна говорит, что Чика проснулась...

— Да нет, Мика. Они ж как два патрона, только я и различаю. У Мики морда поуже и лапы подлиннее, у Чики нос чуть темнее, и в углу левого глаза родинка, прямо на границе шерсти, не знаешь — не заметишь.

— Ольга Федоровна отправила вас доложить Марлену Семеновичу, так?

— Ну! То есть она сперва позвонила — по внутреннему телефону, а он не отвечает. Ну, мало ли... Гроза ведь была, ветер, могло проводку нарушить... Я в кабинет постучал — тихо. Еще постучал, голос подал, говорю «Марлен Семенович, с собаками беда случилась, можно войти?» Ни звука.

— А вторых ключей у вас не имеется?

— В сторожке. Ну, я решил сначала в окно посмотреть, думал, с сердцем, может, что или... А оказалось...

— А откуда там Милочка взялась?

— Да... просто мимо шла, а я тут... ну... не знаю. Взялась и взялась, мне тогда не до того было.

И тут до моей пустой башки дошло, что «взяться» в районе дома Милочке было не то чтобы неоткуда, но с утра пораньше совершенно незачем. Семочка во флигеле, значит, и Милочка с Ромочкой там же.

— Да не знаю я ничего! Марлен Семенович к себе ушел, я его больше и не видела. А утром просто погулять вышла, пока Ромочка спит. Мне... мне подумать надо было.

— Людмила Викторовна, да вы успокойтесь, мы ведь всех опрашиваем, всегда кто-то что-то видит или слышит, даже если не сразу понимает, насколько это важно...

Она, оказывается, Викторовна, ну, надо же!

— Спрашивайте! — гордо заявила Людмила Викторовна, в обиходе Милочка. — Только я все равно ничего не знаю.

Это сообщение несколько подпортило картину, но Михал Михалыч был невозмутим и терпелив, как сто удавов.

— Людмила Викторовна, вы вечером и ночью что-нибудь слышали?

— Мы сразу спать легли, а флигель от дома далеко, чего тут заметишь!..

— Понятно. А утром, когда шли от флигеля к дому... ничего странного не заметили? Что-то сломанное или... Все, как обычно, было?

— Мокро было, — брезгливо повела плечами Милочка. — Солнце уже давно встало, а все равно очень мокро было, я туфли испортила.

— Сочувствую. Может быть, вы кого-то подозреваете?

Милочкины глаза распахнулись шире лица:

— Но... я же их совсем не знаю, я тут и не бывала почти, откуда мне знать? И вообще... это же бандит какой-то был, так ведь? Нигде от них покоя нет, вот я зимой, около института...

— Вы думаете, это был, как вы выражаетесь, какой-то бандит?

— А кто же еще! Конечно, бандит. Отморозок. Вы его найдете, и все будет в порядке.

— Ну... если бандит, то конечно... Но, может быть, у вас еще какие-нибудь соображения есть?

— А может, он сам?

Выражению лица Михал Михалыча позавидовал бы кактус на подоконнике. Если бы там были кактусы. Сан Саныч смотрелся поспокойнее, надо думать, с Милочкой он уже успел пообщаться. И даже остался жив. Михал Михалыч глянул на коллегу, вздохнул и трансформировался из кактуса в гербарий почтенного возраста.

— То есть, вы предполагаете самоубийство? И вы знаете что-то о возможных причинах?

— Марлен Семенович вообще странный был, не то что его брат. Разве нормальный человек додумается у матери ребенка отнимать? Вот у него что-то в мозгах и переклинило... Или совесть проснулась... Зато Ромочка теперь со мной будет!

Еще минут двадцать беседа ходила по замкнутому кругу: нет, не видела, не знаю, не была, не участвовала, не привлекалась, все всех любят, и вообще никто никого не убивал, это всем показалось. А самое главное — «Ромочка теперь со мной будет», далее очередной рассказ о том, какой это гениальный ребенок, и какая ответственность у матери такого гениального ребенка, и как жестоко отнимать ребенка у матери, и... снова по кругу.

Когда Милочку, наконец, отправили восвояси, Михал Михалыч повернулся к Громову:

— Ну и?

— А ты думал, она тебе сразу так все и выложит? — пожал тот плечами.

Я ни-че-го не понимала. Что выложит? Ясно, что Милочка чего-то не договаривает — но никто и никогда не говорит всего. Нет, тут какой-то конкретный факт...

— Но если ее муженек просто прогуляться вышел, почему бы не сказать? Так, от простоты душевной, а? Во сколько, ты говоришь, его видел? В начале первого?

— Примерно. А не говорит... Сам подумай. Во-первых, она могла к этому времени уже спать. Во-вторых, могла и сама выйти.... В-третьих... не такая уж она полная идиотка. Супруг прогуливается в подозрительное время, а она сразу все так и выложит? Может, она его подозревает...

— Да ладно... Гулял-то в самый дождь, от него грязи куда больше было бы. Хотя... откуда этой крошке знать, сколько там было грязи... А ведь он мог что-то и видеть, место подходящее...

— Угу, — согласился Сан Саныч. — Аккурат рядом с беседкой, чуть ближе к дому. Вот ты его лично о том и спросишь.

Как интересно... Значит, Сан Саныч вечером решил... погулять. И видел Семочку, который тоже решил... погулять. Вот нашел удовольствие —

грязь после дождя месить. Правда, дорожки тут отличные, но ливень-то какой был, Милочка утром... гуляла и то туфли испортила.

— Ольга Марленовна...

— Меня зовут Алиса, ясно?

— Да-да, конечно. Алиса, вы ведь хотите...

— Спрашиваете! — воскликнула Алиса, не дослушав вопроса. — Своими бы руками гада придушила!.. — Тут она как-то сразу сникла и тихо добавила: — Да только не знаю я ничего, хоть убейте!

— Ну, лиха беда начало. Вы просто расскажите о вчерашнем вечере, все, что заметили, все пустяки, хорошо? Художникам свойственна наблюдательность...

— Да какая, к лешему, наблюдательность! После Игоря с его подносом никого больше не видела. А это еще когда было, полдесятого, наверное? И все. Просидела до полуночи, а что толку?

— Получается, вы покидали холл последней?

— Да. То есть... Вместе с Ритой, она тут в уголке читала. Мы и свет погасили, как раз в кабинете телефон зазвонил.

Я тоже вспомнила два мелодичных звонка, еле слышных из-за кабинетной двери.

— Алиса, может быть, вашему отцу кто-то угрожал?

— Да этот, инженер Гарин... Нет, вы шутите! Он что, заслал убийцу? О господи!.. Извините... в сто раз проще было на выходе с фабрики выстрелить, папка никогда не осторожничал. А тут все под охраной, пройти от периметра до дома нереально. Да вы у Кита спросите!

— У Никиты мы уже спросили. — Голос Михал Михалыча сочился сочувствием.

На мой скромный взгляд, уж в сочувствии Алиса точно не нуждалась. Хотя уже через пять минут стало ясно, что я ошибаюсь. Очередной вопрос про инженера Гарина, точнее, про тех, кто имел доступ к документации, вывел ее из себя.

— Да как вы не понимаете, что это ни при чем! Слышите, ни при чем!

Впервые в жизни я видела, как слезы «брызнули» из глаз. Буквально. Как из шутейных клоунских очков с баллончиками. Совсем не смешно, знаете ли.

— Нет, вечером мы с ним не общались, поговорили днем. Он намеревался финансировать мой медицинский центр. У меня появились, наконец, результаты, нужно торопиться. Время — очень важный фактор, в этом направлении работаю не я один. Приоритет, вы, конечно, понимаете? Иначе

Россия опять окажется в аутсайдерах. Вы знаете, что у нас практически нет здоровых людей? А моя методика может без преувеличения перевернуть весь мир. Нам это сейчас очень нужно. Марлен понимал всю важность моих разработок.

— И готов был выложить нужную сумму? — дружелюбно поинтересовался Михал Михалыч.

— Ну... он просил подождать. Проблемы какие-то...

— Вас это огорчило?

— Меня нельзя огорчить. Я сам, конечно, пользуюсь своей методикой. И организм — в первую очередь нервная система — в абсолютном порядке. Я просто попытался убедить Марлена, что терять время сейчас преступно, это наверняка дорого обойдется.

— Убедили?

— Я очень хорошо отношусь к своему брату, но деловые люди всегда ограничены. Им ведь приходится сосредотачиваться на повседневности, они не видят ничего, кроме своего участка. Никакой широты.

— Значит, в деньгах он вам отказал — ну, по крайней мере, в ближайшем будущем. Но вас это не взволновало, так?

— Вы не понимаете! Вы все выворачиваете наизнанку. А я наоборот... Я собираюсь назвать медицинский центр именем Марлена, это память на века.

— Но ведь денег он вам так и не дал, на что же вы собираетесь строить свой центр? Думаете, что Ольга Федоровна или Алиса что-то выделяют — в память мужа и отца?

— Мне не надо милостыни! Я родной брат Марлена, и прав у меня не меньше, чем у жены и дочери.

— Конечно, конечно. Фидель Семенович, вы раньше всех отправились спать, даже ужинать не стали...

— Я не спать отправился, а отправился работать. Я не могу себе позволить терять время за коктейлями. Когда попросили, конечно, оказал первую помощь Игорю...

— С ним что-то случилось?

— С Марфой не поладил, разве вам не рассказали?

— Ну да, конечно. И так, вы обработали ему царапины, перевязали ногу...

— И остался в своем кабинете.

— Примерно, до которого часа?

— До сорока трех минут четвертого. Плюс-минус минута. Если, конечно, часы у меня в кабинете идут верно.

— Мы проверим. Это очень хорошо. Вы человек внимательный, кабинеты у вас с Марленом Семеновичем смежные. Вы ничего не видели, не слышали?

— Я работал, — гордо ответил самодостаточный Филя. — Грозу, разумеется, слышал. Кстати, даже если бы и было что слышать, гром грохотал так, что любое свидетельство может быть поставлено под сомнение. Разве что...

— Разве — что? — переспросил Зотов.

— Телефон. У Марлена в кабинете два аппарата. Плюс мобильник, конечно. Один из аппаратов параллельный с моим, на нем же кухня висит, ну, то есть, аппарат в кухне. И... да, еще тот, что в верхнем холле, там, где спальни.

— Понятно.

— Второй — отдельный, не связан больше ни с одним телефоном в доме. По нему Марлен разговаривал около одиннадцати и около полуночи.

— Около полуночи? — Михал Михалыч напрягся, как собака в стойке. — С кем разговаривал? Во сколько точно?

— С кем — не знаю. Во сколько... Думаю, примерно без десяти двенадцать, но не поручусь, возможно, и десять минут первого.

— А почему вы решили, что...

— Ну... если он трубку снял, значит, разговаривал?

— А откуда вы знаете, что он ее снял?

— Два звонка — и все. Значит, трубку сняли, как вы думаете?

— Я пока ничего не думаю. А около одиннадцати?

— Это Марлен сам звонил. То есть, может, и с мобильного, я не знаю. Было довольно тихо, а у меня окно открыто, так что голос я слышал. Если все сидели в холле, значит, он по телефону говорил. Звонков я не слышал, значит, звонили отсюда, мой параллельный аппарат не звякал, значит, вызов был или с личного телефона Марлена, или с мобильного. По-моему, вполне очевидно.

— Прекрасно! И во сколько это было? — уточнил Михал Михалыч.

— Почти в одиннадцать. Может быть, без десяти, точнее не скажу, мне нужно было кое-что обдумать.

Сенечка гневался и скандалил так, что его вопли, надо полагать, слышны были во всем Усолье.

— Я уже двадцать раз все сказал, что вы ко мне прицепились?! Придумали себе версию, да? Я снюхался с Гариным, продал технологию, отец узнал, и я его... Так по-вашему?

— Семен Марленович, никто вас ни в чем не обвиняет, и спросили всего один раз, а не двадцать... — пытался успокоить его Зотов.

— А я не знаю ничего! Мы все вместе тут сидели, а потом с Милкой спать пошли, тоже, между прочим, на глазах друг у друга. Что я мог ви-

деть? Где дом, а где флигель? Пристали, как... — плаксиво буркнул несчастный сирота.

— Да-да, конечно, — охотно согласился Зотов. — Но мало ли как бывает. Вдруг вы решили перед сном прогуляться, что-то видели или слышали...

— Я что, ненормальный — под ливнем шляться? Нас и так накрыло, еле успели до флигеля добежать... А, что толку! — гневно махнул рукой Семочка. — Я же вижу, что вы меня подозреваете, ну и пожалуйста, доказывайте! Уперлись в одну точку, а это она во всем виновата! Хотел отцу сказать, да он бы все равно не поверил...

— Она — это кто? — лениво уточнил Михал Михалыч.

Семочка запнулся на всем скаку, словно, нацелившись в распахнутую дверь, неожиданно обнаружил прямо на своем пути косяк. По личному опыту знаю: несколько мгновений после подобной «встречи» соображать человек не в состоянии.

— А... ну... Лилька, конечно. Раньше на сторону ходил, а тут хорошо устроился, прямо под боком... — Он замялся, будто подбирая слова. — Еще неизвестно, что она ночью делала, вы проверьте, проверьте! — Семочка вновь взвинул себя почти до визга. — А Игорь? Вам не кажется, что он на удивление вовремя подвернул эту свою ногу? Тоже мне, алиби! Сколько я в спортзал ходил, ни разу такого мгновенного отека не видел — за минуту ведь распухла, с чего бы так? Зато потом он ходить совсем не мог, конечно, как же иначе! А Кит? Никто не видел, чем он занимался вечером и ночью. Свидетелей-то нет!

Когда оскорбленный в лучших чувствах Сема наконец удалился, Михал Михалыч вопросительно взглянул на Громова:

— Что, в самом деле?

— Да ладно тебе! Что я, растяжений никогда не видел? Хоть из шкуры выскочи, это не сымитируешь. И сильное растяжение, отек действительно стремительно пошел, я даже испугался, что перелом или сустав порван. Но вроде ничего.

— Никто ничего не видел и не слышал, никто ничего не знает. Очаровательно! Хотя можно было ожидать. Хорошо, конечно, что покойник перед смертью поел, но мы ведь не знаем, во сколько это было. Игорь принес ему поднос без чего-то десять. А дальше? Во сколько хозяин решил перекусить? Сразу? Через час? Не позднее полуночи. И еще этот телефон в одиннадцать. Звонил не Фидель, иначе зачем бы он об этом сообщал. Более-менее все остальные сидели в гостиной. Кто и кому мог звонить в такое время?

— Например, в «Эдем»...

— Куда?

— В «Эдем», Михалыч, есть у нас тут поблизости такой питомник. Орхидеи, кипарисы и так далее. Нынче утром оттуда Маргарите Львовне охапку роз прислали.

— А кто заказывал, они фиксируют?

— Ну, если посыльный не врет, Марлен и заказывал. В одиннадцать.

— То есть, в одиннадцать — плюс-минус, не до минуты же они время заказа отмечают, но все-таки — в одиннадцать он был еще жив. А к часу, максимум к половине второго, как говорит эксперт, уже нет. Хотя в полночь он вроде бы еще раз по телефону разговаривал. Так?

— Похоже, что так, — согласился Громов.

Насчет Лили, которая якобы «во всем виновата», они не перемолвились ни словом. А мне показалось, что Семочка имел в виду совсем другого человека, но... «все равно никто не поверит». А Лиля... что Лиля? Просто на язык подвернулась. А может, и вовсе он не думал ничего такого, вопил, что в голову взбредет...

И так далее, и тому подобное. Все разговоры сводились к «нет, не был, не участвовал...» Идеино-несгибаемый дедуля то стенал о том, что сына «погубили» деньги, то провозглашал высшую справедливость. Спал до утра сном невинного младенца и ничего не слышал и не видал. Заявил, правда, что всю ночь невестка (то есть, Ольга Федоровна) по дому шлялась, но, спрашивается, откуда он это знает, если спал? Да и странно было бы не спать после такого количества выпитого...

Лиля отмалчивалась и всхлипывала. Игорь, получивший вечером обезболивающий укол, страшно по этому поводу переживал: «Я всегда чутко сплю, и комнаты рядом, наверняка что-то услышал бы, а тут...» Истерик, впрочем, не закатывал и рук, украшенных следами Марфиных когтей, не заламывал, держался с подобающим мажордому достоинством.

Последним, весьма пикантным штрихом стала информация от местной АТС: последний звонок на номер Марлена Семеновича имел место быть в начале седьмого вечером. Никаких таких полуночных вызовов не зафиксировано. Проще всего предположить, что Фидель либо врет, либо ошибается. Но мы-то с Алисой тоже слышали этот звонок!

И даже если вынести загадочный полуночный звонок за скобки, легче не становится. Без десяти одиннадцать, если верить гениальному медику, или ровно в одиннадцать, если верить книге заказов питомника, Марлен Семенович звонил в «Эдем», заказывал букет для заезжей журналистки — для меня, то бишь. Это раз.

Второе — поднос с закуской, который Игорь отнес в кабинет без чего-то десять. Смерть наступила через полчаса после того, как закуска была

съедена, а рислинг выпит. Плюс-минус десять минут. Но не позднее двух часов ночи — это уже исходя из температуры тела.

Третье. Коридор, ведущий к кабинету, неплохо просматривается из холла. С некоторых позиций даже дверь кабинетная видна. Но... никто никого не заметил. Вполне возможно, что просто мы все такие невнимательные. Но вряд ли убийца мог на это заранее рассчитывать — безумный риск. Значит, окно? Да и грязь там где-то осталась... Хотя, конечно, после полуночи можно было и в дверь войти. Вот только как ее потом закрыть?

Господин Громов терпеливо выслушал мои рассуждения, но восторга не изъявил. Даже когда я заявила, что каждый из опрошенных чего-то не договаривает, он пожал плечами — мол, дело обыкновенное, так всегда бывает, 99% сокрытой информации никакого отношения к событию наверняка не имеют.

— Но один-то процент остается!

— Займись, — лениво согласился Сан Саныч. — Может, чего и услышишь... Только вряд ли.

Я еще немного побуянила — обидно ведь — но Главный Сыщик Усоля только хмыкнул:

— Ну да, ну да. Кстати, дверь была на фиксаторе, то есть, снаружи ее так не закрыть, даже имея вторые ключи. И собаки спят где-то посередине дороги от речки к дому. Злодей переплыл речку и, усыпив собачек, двинулся к дому. Собачки из последних сил двинулись за ним, но не дошли, свалились прямо на дороге. Очень логично...

И все это добрым-добрым голосом... Мне почему-то стало неуютно.

— Бред, Сан Саныч! Ну, представь: Дворецкий сидит за столом, весь в документах. Кстати, а компьютер работал?

— Нет, Риточка, выключена была машина. А что самое забавное, знаешь? Последний выход в сеть в седьмом часу вечера... еще до ужина. Да не подпрыгивай ты, это любопытно. В папке «Отправленные» ни одного письма. Нормальный человек удаляет отправленные письма?

— А в «Удаленных»?

— И как тебя Ильин терпит?.. В «Удаленных», как ты легко можешь догадаться, тоже пусто... И «Корзина» чистая. Пальцев чужих ни на мышке, ни на клавиатуре нет. Но это как раз не удивительно, теперь про отпечатки даже младенцы знают. Все, больше ничего не скажу, иди, гуляй!

— Погоди... Значит, он что-то важное отправлял... Черт! Ну, даже если допустить, что он сам все подчистил, и машину сам выключил. Сидит за столом... Тут кто-то лезет в окно... а он продолжает сидеть.

— Ты думаешь, его усыпили?

Ничего подобного я не предполагала, но на всякий случай любопытствовала:

— А что, медики что-то нашли?

Громов покачал головой — дескать, все чисто.

— Ну, вот видишь! Но все это... неправильно! Так не может быть.

Глава 14

Обед прошел мрачновато. Хромавшего Игоря Ольга Федоровна отправила отлеживаться, так что подавала заплаканная Лиля. Как ни странно, Семочка не выразил по этому поводу ни малейшего недовольствия и вообще был на диво любезен. Должно быть, растратил эмоции во время допроса.

Все старательно делали вид, что в доме ничего такого не произошло, просто собачки «заболели» — и каждый норовил их приласкать и угостить. «Больные» не возражали, валялись там, куда обычно им и хода не было, по углам гостиной: у камина — Мика, у французского окна — Чика. Хотя, возможно, наоборот, я их так и не научилась различать.

Кит, видимо, как честный профессионал — охрана-то нарушена — сидел на пульте, хотя и не в сторожке, а в комнате возле кухни. Благо ухаживать за пострадавшими было кому. Лиля доставила прямо в гостиную две громадные миски, да не со стандартным кормом, а с разными собачьими вкусностями — печенка для Мики, свежая рыбка для Чики. Или наоборот? Плюс молоко и по банке шпротов каждой собачьей морде. Эх, за мной бы так ухаживали!

Время от времени собачки приподнимались и, пошатываясь, сдвигались на два-три метра. Кто-нибудь вскакивал из-за стола и «помогал», попутно засовывая в собачью пасть какое-нибудь лакомство. Псина делала глоток и падала на месте, предаваясь продолжению сна. Через десять минут то же самое повторялось в обратном направлении.

На мой неискушенный взгляд «несчастливым» куда полезнее было бы отлежаться в хижине у Кита, но... Когда тот в очередной раз заглянул проведать пострадавших, Семочка, наконец, взорвался:

— Может, ты их уже заберешь отсюда? Смотреть на этот балет тошно! Остается еще медали героям повесить — за верную службу.

— Собаки не виноваты, — буркнул Кит. — Их усыпили.

— А надо было воспитывать, чтоб не жрали все подряд! — окончательно взбесился Семочка.

— В самом деле, — холодно заметила Ольга Федоровна. — Я вас, Никита, ни в чем не обвиняю, но ситуация говорит сама за себя. Все-таки животные есть животные.

В этом месте Киту полагалось бы мрачно подвигать желваками на челюстях — типа, с каким трудом сдерживает свои эмоции, но он спокойно ответил:

— Повторяю: ни Мика, ни Чика без моего разрешения ни у кого ничего не возьмут. Можем проверить... — И замолчал. Потом развернулся и удалился.

Алиса, не проронившая за время обеда ни слова и даже, по-моему, не проглотившая ни кусочка, отодвинула стакан с соком и вышла на террасу. С таким же точно видом, как выходил вчера Марлен Семенович: мол, вы тут расслабляйтесь, а мне еще работать.

Со своего места мне было видно, что она направилась к лесенке, ведущей в ее «башню». Я обозрела оставшихся — все были заняты своими делами — и выскользнула следом.

Не то чтобы я собиралась следить за Алисой, но возникшая неожиданно ассоциация с «вчера» мне не понравилась. Впрочем, убедившись, что Алиса действительно поднялась к себе, я успокоилась и отправилась прогуляться по саду.

Пейзаж, еще вчера очаровывавший и завораживавший, сегодня казался ненатуральным, почти мертвым. Нет, бушевавшая ночью гроза ничего особенно не порушила — даже хрупкие колокольчики упрямо поднимали нежные венчики. Все краски стали ярче, резче, сочнее — и, может, из-за этого не оставляло ощущение, что ходишь по театральной декорации. Хотя, скорее всего, кажущаяся безжизненность сада объяснялась шуточками подсознания: раз хозяин мертв, значит, и владения его должны нести печать гибели.

Печать гибели — это, должно быть, следы убийцы? — автоматически подумала я. Однако ни в саду, ни на прибрежном песке никаких следов несанкционированного проникновения не наблюдалось. Ну, еще бы! После такого ливня!

Постой-постой... После ливня?

Дождь пошел в начале двенадцатого, а после полуночи хлынул уже как из ведра, превратив почву в нечто киселеобразное. А в кабинете следов грязи практически не было. Убийца что, по воздуху летал? Или... Интересно, по бордюру фундамента можно добраться до кабинетного окна, не наступая на землю? Фундамент выступает за общий уровень стены всего на пару сантиметров, но, если «ползти» недалеко, наверное, можно. А что? В конце концов, окна есть не только в кабинете... Дальше по коридору — комнаты Фидея, Лили, Игоря и еще пультавая (куда вообще мог зайти кто угодно).

Я не заметила, как добрела до полянки с мраморным щенком. Добрела — и остолбенела. Скульптурная группа украсилась еще одной фигурой. Дедуля. Вот уж кого не ожидала увидеть.

Тезка легендарного комбрига сидел возле гранитной чаши, погруженный не то в глубокие размышления, не то в алкогольную нирвану. Скорее, в нирвану. Никакие философские раздумья не могут заставить человека настолько наплевать на комфорт. Трава до сих пор мокрая! А уж земля-то и вовсе...

Впрочем, пренебрежение удобствами и неудобствами — неотъемлемое свойство истинного революционера, о чем весьма красноречиво свидетельствовало состояние дедулиного костюма. Штаны и ботинки выглядели так, словно в них ходили по стройке, причем не вышедшей из нулевого цикла. Рубашка почище, но тоже... ничего себе. И ведь строек-то никаких поблизости нет. Может, Семен Миххайлович вообразил себя Че Геварой в боливийских джунглях? Совершил удачную партизанскую операцию, а теперь размышляет о перспективах мировой революции...

Похоже, я была не столь уж далека от истины, ибо мое появление пламенного борца за всеобщую справедливость не восхитило. Даже наоборот. Он явно принял меня за досадную помеху.

— Чего встала? — довольно недружелюбно буркнул «пламенный боец», даже не попытавшись приподняться. Взгляд его показался мне абсолютно трезвым.

— Семен Михайлович, вы не простудитесь? — искренне забеспокоилась я.

Моя заботливость, однако, не произвела на дедулю никакого впечатления. Ну, что же...

— Семен Михайлович, а почему вы решили, что Ольга Федоровна ночью по дому ходила?

Дедуля расправил тощие плечи, и я вдруг совершенно неожиданно представила его молодым. Совсем молодым. Это, значит... война только закончилась, ходил дедуля в одних и тех же лыжных штанах и старом, потертом пиджачке, толкал пламенные речи на комсомольских собраниях, встряхивая буйными кудрями, на девушек засматривался, и не только засматривался... Интересно, Марлен и Фидель — сыновья одной матери или разных?..

Додумать я не успела, ибо дедулин ответ меня не то чтобы ошеломил, но все же вверг в некий ступор:

— Потому что другой толстой бабы у нас в доме нет. И нечего меня пугать, я и вашему менту продажному так сказал — я собственными глазами видел: она это была, точно.

Так и не выйдя из ступора, я продолжала чисто механически:

— И когда вы ее видели?

— Да уж полночь было, как она явилась.

— Что, прямо вот так бродила туда-сюда по коридору?

— От Марлена она выходила, от кровиночки моей, сыночка. — Дедуля явственно захлюпал носом, но, видать, вспомнил, что «плачущий большевик» — это нонсенс, и снова «забронзовел»: — Она его и зарезала!

Я почему-то не стала объяснять дедуле про замочный стопор и невозможность запереть дверь снаружи. Зато додумалась до еще одной возможности. Убийце не обязательно было скакать туда-сюда в окно, можно войти в дверь, сделать свое черное дело, зафиксировать замок и уж после этого сигануть в окно, повредив при этом боярышник. Но представить себе царственную Ольгу Федоровну (и размеры опять же — прав дедуля!) балансирующей на подоконнике — увольте, на это моего воображения не хватает.

Но почему же она не сказала, что в первом часу ночи Марлен Семенович был еще жив?

Глава 15

Знаете старую загадку? Идут, мол, по Пятой авеню богатый адвокат, бедный адвокат и Санта Клаус, видят — тысячедолларовая купюра на тротуаре, кто ее первый поднимет? Ответ: богатый адвокат, ибо двух остальных в природе не существует, это фантомы. Фантомы вполне конкретной разновидности, толково определенной извечным Клиффордом Саймаком — «исчадия разума».

Тем не менее Никанор Евгеньевич, личный адвокат господина Дворецкого, ныне покойного, существовал. Хотя бы потому, что поминутно кашлял и сморкался. Сморкающийся фантом — это как-то чересчур, вы не находите?

Но по всем — ну, почти по всем — признакам Никанор Евгеньевич относился аккурат к упомянутой категории: класс — фантомы, отряд — исчадия разума, семейство — бедные адвокаты, вид... м-м... удручающий: «Как это я сюда попал? Как бы не выгнали... Еще шажок, и придется собирать бутылки». Да вы сами таких видели. Костюмчик от Мосшвей, часики «Полет», одеколончик «Бедный Саша». Прямо как некоторые американские миллиардеры в драных джинсиках. Тоже понты, только классом повыше: чихал я на ваши кадиллаки индивидуальной сборки, я таких двадцать куплю, не замечу. Кстати, чихал Никанор Евгеньевич вполне убедительно.

На самом деле случается — хотя и редко, — что это и не понты вовсе, а действительно наплевать. Особый вид трудоголиков, которых кроме своего дела ничего более не интересует. Есть профессия и весь остальной окружающий мир. Таким можно лишь позавидовать: жизнь их всегда

интересна и насыщена. Близкие подобных персонажей пробуждают сочувствие. Правда, жизнь их тоже интересна и насыщена, но несколько по-иному.

Никанору Евгеньевичу, невзирая на первое впечатление, было не наплевать. Часики-то да, а вот рубашечка, пусть ее почти и не видно, наверняка не с вьетнамского рынка, да папочка, из которой он бумажечки достает, стоит, думается, как мой компьютер. А на такие ботиночки и портфельчик мне полгода пахать придется. Это если не пить и не есть...

На информацию об отсутствии завещания достойная публика отреагировала с разной степенью корректности. Порадовалась только я — помнится, при чтении одного документа могут присутствовать лишь заинтересованные лица, ну, быть может, еще официальные представители, вроде Сан Саныча — так что выставили бы меня, как пить дать. А интересно ведь... хоть и говорят, что любопытство сгубило кошку.

Ага, похоже, весть об отсутствии завещания радует не только меня, но еще и Семочку. Милочке безразлично, Ольга Федоровна изображает абсолютное внимание, Алиса по-прежнему пребывает в растерянности, Семен Михалыч в нирване, Фидель в некоей приятной задумчивости. Может, уже считает, как потратить свою долю наследства? А то с чего бы появиться на лице блаженной улыбке?

На самом-то деле братья и сестры — наследники второй очереди, при наличии первой очереди — детей и супругов — вторые отдыхают. Помню, к нам в редакцию явилась сестра одного бизнесмена. Не подумайте плохого, его не взрывали, не расстреливали, ничего такого ужасного, умер от вполне благопристойного инфаркта — работка-то у них, бизнесменов, нервная — и, как на грех, без завещания. Наверное, сглазить боялся. Оставил сестру с двумя малолетними детишками и безутешную вдову с гардеробом от Диора. Сестру с племянниками было очень жалко, правда.

Ой-ей-ей! Дом и деньги — ладно, как они фабрику на троих делить станут?

Глава 16

Мотивы были — или могли быть — у каждого. Ну, кроме меня, естественно. Раздвоением личности пока, вроде бы, не страдаю, так что за себя-то могу ручаться.

Сан Саныч? Крайне сомнительно. Наследство ему не светило, в деньгах он, похоже, не нуждается — хотя я могу и не знать. Заподозрить его в воровстве технологической документации — сложно, у него для этого возможностей маловато: в доме бывает редко, на фабрике тем более. Разве

что, месть? Если Дворецкий, верный своим привычкам, соблазнил какую-нибудь невинную громовскую сестренку... или не сестренку, а пассию... М-да...

Кит? Аналогично. Сестренка — вот она, пожалуйста, Лиля зовут, насчет пассии ничего не знаю. Возможностей украсть технологию явно больше, чем у Громова. Да и вообще возможностей больше, чем у любого из присутствующих. Легко представить, как, сочинив что-то насчет необходимости приватной беседы, Кит лезет в окно — и Дворецкий спокойно сидит за столом. Неясный момент один — зачем Киту понадобилось бы усыплять собак? Они ему наверняка не только лазание в окна, но и чего-то похлеще позволили и простили бы. Разве что для общей путаницы, дабы отвести от себя подозрения. Потенциальные минусы кроме очевидного риска — шанс потерять хорошую работу. Неизвестно, как тут теперь все будет.

Игорь? Смотри выше, только не сестренка, а жена. Плюс, возможно, зависть — они же вроде однокашники, а теперь один — весь в шоколаде, а другой ему прислуживает. Неприятно. Украсть технологию мог, наверное, легче, чем все остальные. А вообще, возможностей не густо. Со свернутой ногой, да после болеутоляюще-снотворного укола — по свидетельству заинтересованной, возможно, Лили и абсолютно незаинтересованного Фиделя — лезть в окно, которое повыше обычного первого этажа... Сомнительно. Потенциальные минусы — те же, что у Кита.

Лилия? По наследству — ноль, тут ей ничего не причитается. Остается ревность, гнев отверженной женщины и все такое. Не знаю, я в этих материях не разбираюсь. Рецепт вечного цемента — технически возможно. Кстати, инициатива «воровства» могла ведь исходить и от инженера Гарина. Но тот, разумеется, попытался бы подкупить прислугу, а не кого-то из семьи.

Почему я так привязалась к этим рецептам? Очень уж Марлен Семенович разгневался. Виновнику точно мало не показалось бы. А страх перед разоблачением и вытекающими из этого разоблачения последствиями — мотивчик весомый. Но это к слову. Потенциальные минусы... для Лили опасность потерять хорошую работу, пожалуй, сильнее, чем у прочих. Ольга Федоровна, конечно, не может ревновать «к какой-то прислуге», но женщины — существа загадочные.

Плавно переходим к семье, у них мотивов явно больше, чем у обслуги. На потенциальное наследство мог рассчитывать каждый. Да что там мог — наверняка рассчитывал, тут и к гадалке не ходи.

Фидель Семенович? Вот только не надо мне говорить, что у меня извращенное мышление, раз я родному брату покойного роль убийцы примеряю. История показывает: убивают и родные братья, и матери, и дети.

Надежда на наследство — быть может, больше, чем у всех остальных, деньги ему очень нужны. Или он думает, что нужны. И уверен, что ему что-то причитается, родной брат, как-никак. Ревность или месть — сомнительно, хотя на эту тему у меня информации маловато. Все может быть. Вон как он вокруг Милочки рассыпался, значит, не совсем уж аскет, какие-то естественные стремления сохранились, невзирая на преданность науке. Продать Гарину технологическую документацию? Если сумма показалась «достойной» — легко. Живет в том же доме, а моральные принципы у «великого ученого» очень... своеобразные. Ну что такое мелкая кража — тем более, у родного брата — по сравнению с мировым приоритетом и счастьем всего человечества? Потенциальные минусы от смерти брата — да, в общем, никаких.

Семен Михайлович? Ох, тут, наверное, на первом плане — всякие идейные соображения. Отнять и поделить, далее со всеми останковками. Классовая ненависть, одним словом. Ну, к сыну, а почему нет? Что, впрочем, не мешает несгибаемому революционеру пользоваться плодами сыновнего «буржуйства» — деликатесы он потребляет с явным удовольствием. С паршивой овцы хоть шерсти клок? Не знаю. Эта логика мне недоступна, но в жизни чего только не бывает, даже пламенные революционеры встречаются. Террористы — хоть XIX, хоть XXI века — убивали и убивают как раз по идейным соображениям. И ничего, никто их в психи не записывает. Надежда на наследство? Тоже возможно, деликатесы Семен Михайлович любит, и даже пламенные революционеры знают, что вкусненькое — не бесплатно. Или все в куче — забрать буржуйские деньги и устроить мировую революцию в масштабах отдельно взятого уездного города. Все возможно. Даже кража технологических секретов — хотя, по-моему, Семен Михалыч уже с трудом отличает цемент от зубной пасты. Но, может быть, не такой уж он тупой, как выглядит. Вот только трудно представить, как не очень трезвый старичок лезет в высокое окно. Потенциальные минусы — не вижу. Вряд ли у Ольги Федоровны поднимется рука выставить из дома старого и не слишком здорового человека — «общественное мнение не поймет». Тем паче не совсем посторонний человек — свекор все-таки.

Ольга Федоровна? Леди Макбет и все-все-все? А что, она могла бы — если бы ее ненаглядному Семочке позарез понадобились бриллианты английской короны, она точно придумала бы, как их добыть, лишь бы дитя не плакало. Опять же — наследница первой очереди, вместе с детьми. Потенциальные минусы — разве что супруга она любила куда больше, чем показывала, в противном случае — никаких.

Семочка? Нет слов. В классическом детективе этот персонаж сразу остался бы не у дел — именно потому, что слишком много мотивов, скуч-

но. Хотя не исключено, что, в конце концов, именно он и окажется убийцей. Тот, кому больше всех выгодно. Надежды на наследство — безусловно. Деньги Семочке нужны еще больше — по крайней мере, более срочно, чем его дядьке Филе. Мог ли он быть тем, кто похитил «секретные разработки»? Легко. Моральных принципов у этого юноши примерно столько же, сколько у молодого крокодильчика. Как и Никита, мог бы влезть в окно, что-нибудь сочинив насчет необходимости приватной беседы — ну, например, по поводу сыночка, или решил покаяться в краже, скандал-то Марлену Семеновичу был не нужен, он хотел лишь изловить предателя. Остался бы он сидеть за столом? А что? Мог. Или мог подняться, затем вновь сесть — чисто психологический прием, дабы подчеркнуть «кто в доме хозяин». Так что «сидячая» позиция вполне объяснима. Единственное, что не вяжется с молодым Дворецким — всякие там любви-ревности-мести. Воля ваша, не вижу в нем человека, способного на страсть. Он больше всего на свете любит самого себя. Как он при этом ухитрился жениться — уму непостижимо! Надо бы у Алисы выпросить про обстоятельства Семочкиной женитьбы. Как-то оно немного странно. Потенциальных минусов от смерти отца — не просто ноль, а даже круче: мамулей-то Семочка может крутить, как вздумается... И куда это его гулять понесло в первом часу ночи? Неужели юный наследник и к папашиной пассии — то бишь к Лиле — похаживал?

Милочка? Тут я вижу единственный мотив — материнская любовь и страх потерять ненаглядное дитя. Наследовала бы она — только через Семочку. Для «промышленного шпионажа» возможностей не было. Исключить этот вариант напроць нельзя, но вряд ли. Особой нужды в деньгах, кажется, не испытывает. Вообще все, что ее интересует, ограничено стенами детской. Правда.... Я, по чести сказать, отличаюсь патологической ненаблюдательностью. Но даже мне, тупой, заметно, в какой Милочка панике. Казалось бы, со смертью Марлена Семеновича ее главный мотив испаряется, чего теперь бояться? Надо бы узнать у Фиделя, о чем он с ней так пылко беседовал перед тем самым барбекю. Просто клинья подбивал или еще что? Они же вроде бы как незнакомы были? Не нравится мне это. Подбивать клинья к юной супруге родного племянника — оно как-то не идет надежде мирового здравоохранения...

Алиса? Опять нет слов, но по прямо противоположной причине. Ну, какие у нее мотивы? Наследство? Бред! Хищение технологических секретов и, как следствие, страх разоблачения? Вообще сумасшедший дом. Хотя что-то она об этом пресловутом хищении знает, точно знает, да и сама так сказала... если не сочинила на ходу, дабы весу себе придать... Нет, вряд ли... Знает и молчит. В таком раскладе вариант один, но... кого же она может прикрывать?..

Глава 17

Правда, черт меня дернул сочинять «классический» сюжет. Развлеклась, понимаешь, решила, дубинушка интеллектуальная! Вот и нате вам! «Жизнь имитирует искусство» — теперь я вспомнила, что это сказал Оскар Уайльд. И он был прав на все триста процентов!

С мотивами, по-моему, получилась полная фигня — то есть у всех, и навалом. Придется по методу разных умных персонажей собирать и анализировать странности.

Ну, выписала я их столбиком, и что?

Пропавшее орудие убийства. На первый взгляд, это выглядит вполне логично, ведь считается, что орудие указывает на убийцу. А если подумать — наоборот, сплошные сложности. Нож все-таки не иголка, его не так легко спрятать. Можно, конечно, закопать в саду, но зачем? Что такого индивидуального в этом клинке, что его непременно нужно было унести?

Поломанный боярышник. Его я записала в странности по чистому наитию, потому как лезть в окно, и особенно из одного и не вписаться в этот самый куст практически нереально. Но уж больно очевидно — вот вам, убедитесь, убийца проходил здесь. Только клочков одежды на колючках не хватает.

Подаренные мне розы. Может, дело в том, что я не большая любительница букетов вообще и роз в частности. Но, согласитесь, получить цветы от покойника — это как-то... царапает. Хотя, в сущности, ничего особенного — он же не знал, что вскоре станет покойником?

Спящие собаки. Как и разоренный боярышник, покушение на псов выглядит слишком нарочито. Почему их тогда усыпили, а не убили?

Компьютер. Точнее, «убитая» переписка. Не может ведь быть так, чтобы все письма несли в себе опасную для убийцы информацию. И не надо мне говорить, что уничтожить все подряд — отличная маскировка, чтобы не догадались, какое именно письмо — важное. Чего тут маскировать? Удаляешь это «важное» — и все, никому и в голову не придет, что оно вообще было.

Телефонный звонок в полночь. Я еще собиралась включить в список одиннадцатичасовой звонок, но передумала: с ним-то как раз все понятно, Марлен Семенович розы для меня, очаровательной, заказывал. А вот звонок в районе полуночи — это странность так странность. Три человека этот звонок слышали, а телефонная станция утверждает, что никакого вызова не было.

Семочкина ночная прогулка. Это, разумеется, никакая не странность, просто факт, который может оказаться важным. Например, подсказал

внутренний голос, если Семочка и есть убийца. Проще пареной репы. Ага, согласилась я и предложила более логичный вариант: Семочка хотел поговорить с папой, но так и не набрался смелости. А вот видеть кого-то вполне мог.

Милочкины испорченные туфли. Вопрос лишь в том, когда именно она их испортила. Утром, на невысохшей еще траве? Так скажите, пожалуйста, с какого перепугу это создание отправилось на прогулку ни свет ни заря?

Посмотрела я на этот список с умным видом, добавила взбесившуюся вдруг Марфу и ночные «прогулки» Ольги Федоровны — и, опять же, что?

Если бы у меня и вправду были такие мозги, как некоторые иногда утверждают — в этот момент мне надлежало со всей дури хлопнуть себя по лбу. Озарило! Вся информация, необходимая для того, чтобы вычислить убийцу — обстоятельства, мотивы, улики — все уже есть, только в кучку собрать. Но единственное, до чего я в тот момент додумалась: стычка Игоря с Марфой и последующая вокруг него суета собрала в кучу всех присутствующих (кроме Кита и Марлена Семеновича, разумеется). Все сосредоточились на Игоре, так что в эти десять-пятнадцать минут мимо нас могла стая НЛО пролететь и стадо бешеных слонов проскакать — никто бы ничего не заметил. Эта дурацкая сцена просто обязана быть отвлекающим маневром! Иначе просто глупо. Вопрос: отвлекающим от чего? Для убийцы еще рано, так от чего же?

Внутренний голос, однако, «молчал в тряпочку», и я отправилась поговорить с Алисой. И мне польза — вдруг чего интересного услышу, и ей не вредно отвлечься.

У лестницы я столкнулась с заплаканной Лилей. Она шарахнулась от меня так, словно я была Ганнибалом Лектером или Фредди Крюгером. Да чего же они тут все такие зашуганные? Милочка в панике, как перепелка перед комбайном, Лиля чего-то боится, Ольга Федоровна, при всей своей сдержанности, тоже в явной тревоге. Что за дела?

На стук в дверь никто не отозвался. Я постучала еще раз — вновь молчание. Тишина казалась абсолютной и оглушительной. Казалась, разумеется. Ни в одном доме, где живут люди, полной тишины не бывает, всегда присутствуют хоть какие-то скрипы, шорохи, отголоски. Я постучала еще раз — опять с нулевым результатом. Да черт подери! Я ведь своими глазами видела, что после обеда Алиса отправилась к себе. И что?

В конце концов, когда я уже решила разыскать Сан Саныча и вломиться в алисины апартаменты вместе с ним, из комнаты донесся слабый звук — стон не стон, мычание не мычание. О господи!

Я навалилась на дверь, подергала ручку... дверь отворилась как-то удивительно легко.

Глава 18

Алиса сидела на широком подоконнике, уставившись в окружающее пространство взглядом замороженного сфинкса. Интересно... Что же там такого ужасного? Надо поглядеть...

Ничего интересного! Справа по аллее прогуливался Громов с Зотовым, слева за кустами мелькала Семочкина спина. Он, видимо, направлялся к воротам. Или к сторожке. Или... да черт с ним, с Семочкой!

— Алис, пойдём погуляем...

Маска уныния на ее лице сменилась недоумением, затем вновь апатией и унынием.

— Зачем?

О, уже прогресс! Я молча пожала плечами, обвела рукой стены, потолок и покачала головой. Разумеется, никаких таких мыслей о подслушивании у меня не было. Но, когда человек вот так каменеет, его непременно нужно переключить на что-то житейски-обыденное: еду, ходьбу или что-то в этом роде. Алиса глянула на меня, в окно, опять на меня, вздохнула, спустила ноги с подоконника и начала нашаривать кроссовки. Получилось!

На середине лестницы она замерла, приложив к губам палец. Снизу доносились мужские голоса.

Ага! Кит в сторожке, по крайней мере должен быть, Семочка двинулся куда-то в том же направлении, Громов с Михал Михалычем где-то под окнами... Остаются трое: Семен Михалыч, Фидель Семенович и Игорь. Любопытно... Жаль, слышно не все, да еще и говорят почти шепотом... Один настаивает, другой вроде бы как не соглашается.

«Мне необходимо уточнить... Я ничего в этом не понимаю... Каждый, кто здесь живет, хоть что-то в этом понимает... Совсем не нужно... Это на самом деле большие деньги, я должен быть абсолютно уверен...»

Интересный разговорчик! Сосредоточившись, я начала тихонечко опускать ногу на следующую ступеньку — если удастся одолеть три, можно будет увидеть макушки загадочной парочки. И в этот момент, как назло, Лорд, удивленный тем, что хозяйка остановилась «в неполюженном месте», решил ее немного подтолкнуть...

Если бы дело происходило в каком-нибудь веселеньком современном романчике, Алиса схватилась бы за меня, и мы дружным клубком — вместе с Лордом — выкатились бы прямо под ноги говорившим, нанеся попутно серьезный урон окружающей обстановке.

Но мы не скатились с лестницы, мы даже ничего не уронили и не сломали. Но некоторый шум все-таки произвели. Через полминуты мы оказались внизу и обнаружили у подножия лестницы... Семочку.

Но ведь пять минут назад я собственными глазами видела его спину... или не его? Кто же там тогда был? Вряд ли Семочку можно перепутать с кем-то из обитателей дома или гостей. По фигуре на него похож Кит, но масть другая. Ничего не понимаю! Чужой?

Видимо, Алиса уже пришла в себя, потому что удивленно произнесла:

— А ты откуда тут взялся? Я только что видела тебя в окно — удаляющимся в направлении сторожки.

— А я передумал и вернулся, — пожал накачанными плечами Семочка. — С Никитой побалакать я еще успею, и вообще... тут все самое интересное происходит в доме. Ты не находишь?

Алиса фыркнула и, похоже, едва удержалась от того, чтобы не съездить братцу по наглой физиономии. А ну его, в самом деле!

Мы отправились к крошечному водопадику, возле которого я с Марленом Семеновичем беседовала о розах. Уголок прелестный — впрочем, в усадьбе Дворецких каждый мини-пейзаж поражал особым очарованием. Алиса многозначительно посмотрела на меня, хмыкнула и произнесла:

— Ладно, давай, спрашивай. Ты ведь не просто так меня из дому вытащила? Хотя все равно спасибо.

— На здоровье. Скажи, Алиса, почему Семочка на Милочке женился?

— Так беременная была... Кстати, я до сих пор не знаю, специально она залетела или так, по дурости. Но женитьба... да... Ты мамулю ее не видела — это что-то! Пообещала тут всем такой шухер устроить, что мама не горюй! Короче, всех за глотку взяла. Папуля хотел ей по башке настучать, да Семочка встрял. Он же пацан, в общем, нормальный, не отморозок какой-нибудь тупой, которому на всех наплевать, это мамуля его портит. И к Милке он нормально относится, ну, раздолбай, конечно. А жениться он, в общем, и не возражал особенно, только...

— Только никому не нравится, когда его за горло берут... — подхватила я.

— Ну, да... Собственно, вот и все.

— Она больше не проявлялась? Эта самая мамаша...

— Нет... отец тогда ее конкретно послал: против вашей дочери я ничего не имею, вы хотели ее удачно замуж выдать — вы ее выдали, теперь до свидания, ближе ста верст к нам не приближайтесь, вас тут не стояло, не хотите по-плохому, по-хорошему будет хуже... Подействовало... Может, они с Милочкой и видятся в городке, где мать живет, но я очень в этом сомневаюсь. Милка, по-моему, рада-радешенька была из-под матери выскочить. Та еще мадам.

— Понятно. — Не могу сказать, что мне действительно было все понятно, но что-то же надо в такой ситуации сказать. — А с Филей у Милочки какие отношения?

— С Фиделем? Ни фи́га у тебя вопро́сики! — удивленно протянула Алиса. — Да никаких отношений, они, по-моему, первый раз в жизни вчера увиделись. Фидель в усадьбе недавно живет, Милочка тут тоже не слишком часто появляется, на свадьбе его не было... А что такое?

Эх, знала бы я — что! О чем же эти двое щебетали перед вчерашним обедом? Щебетал, в основном, Фидель Семенович, и все же, и все же...

Тут, на мое счастье, у Алисы зазвонил телефон. Она глянула на табло и, похоже, хотела швырнуть аппаратик в струящиеся рядом воды, но сдержалась и нажала «ОК»:

— Да, слушаю... да, понятно... хорошо, если у полиции возражений не будет, завтра постараюсь... Конечно, перезвоню... да, прямо с утра, часов в девять... да, до свидания... — Алиса захлопнула телефон, повернулась ко мне с несколько обалдевшим видом и, поежившись, проговорила: — Пойдем домой? Или ты еще о чем-то хотела спросить?

От воды и в самом деле уже потянуло холодком.

— Да пора, пожалуй, — согласилась я и решила задать вопрос, который меня изрядно мучил. Конечно, воспитанные люди о таком не спрашивают. Но воспитанные люди и убийств, по идее, не совершают, это уже другая система координат. — Семочка к Лиле клинья не подбивал?

Алиса почему-то не удивилась.

— Да нет вроде. Он же сноб, почище мамули. Хотя... барчук и горничная... Он же обычно один приезжает, без Милочки. Может быть... Так, от скуки, мог подкатываться. Только... зуб даю, Лилия не стала бы одновременно с отцом и сыном крутить. Она девушка непростая, вовсе не какая-нибудь там... На фи́га ей такой праздник, как Семочка? Снизу вверх на него смотреть?

Оставался еще один вопрос. Если бы я прожила в этом доме хотя бы дней десять, а так... Алиса знает каждого, как облупленного, ей проще.

— Ты голоса не узнала?

— Голоса? — удивилась она. — А-а... Под лестницей, да? Дурацкий какой-то разговор. Я не уверена, по-моему, Филя и Игорь... или Семочка...

— Но мы же явно застали конец разговора, он бы просто не успел, — возразила я. — Знаешь, мне кажется, он тоже подслушивал...

— Да? Ну, тогда Игорь и Фидель, больше некому, — вяло согласилась Алиса, даже не поинтересовавшись, чем меня заинтересовал этот разговор.

— Но не Семен Михалыч? — уточнила я.

— Да что ты!

Действительно, как я сама не подумала. Два негромких баритона никак не походили на дребезжащий тенорок борца с мировой революцией.

— Дедулю ни с кем не спутаешь. А ты думаешь, это важно?

— Кто его знает! — честно призналась я. — Но если говорят о больших деньгах, это, скорее всего, важно.

— Да, ты права... Хотя Филя всегда говорит о больших деньгах. Правда, что еще считать большими деньгами... — равнодушно заметила Алиса и добавила: — Надо Громова найти.

— Точно! — Я постаралась вложить в ответ максимум воодушевления. — Надо ему рассказать.

— Наверное, надо... — после паузы неохотно согласилась Алиса.

Ничего не понимаю! После этого телефонного звонка как будто что-то изменилось, и очень сильно. Кто же это звонил?

Глава 19

Сан Саныч стоял, прислонившись к стене у выхода на террасу. Стена светло-серая, рубашка тоже, джинсы светло-голубые, вокруг совсем сумерки. Хамелеон, блин!

Из холла доносились голоса.

— Ну, Ольга Федоровна, Ромочка любит, когда я его убаюкиваю, я сразу спать легла, откуда я знаю?! — Плачущий голос Милочки напоминал повизгивание замерзшей дворняжки.

Плавная речь хозяйки дома — если продолжать собачьи сравнения — мягкое порывивание серебристого дога — чемпиона породы последних десяти лет, не меньше.

Некоторое время до нас не доносилось ничего достаточно членораздельного. Видимо, Ольга Федоровна на чем-то настаивала — ее мягкий голос был гораздо менее разборчив, чем плачущие возгласы Милочки.

— Да не знаю я! Я первый раз в жизни... Спросите сами, что вам стоит?

— ...ты все-таки подумай. Ситуация сложная...

За раздвижными створками воцарилось молчание. Я осторожно попыталась выглянуть из-за громовского плеча: Ольги Федоровны уже не было — по крайней мере, не было видно, — а Милочка сидела к нам боком и выглядела до такой степени несчастной, что даже профессиональный палач ощутил бы стремление немедленно утешить ее, защитить и обогреть.

Почему-то ни Громов, ни мы с Алисой греть Милочку не кинулись. Под предлогом необходимости частного разговора мы заставили Сан Саныча отвести нас в кабинет Марлена Семеновича. Во мне, правда, бродили сомнения — стоит ли Алисе глядеть на место, где убили ее отца? Но она,

кажется, и вправду, уже взяла себя в руки и что-то для себя решила. Может, телефонный звонок поспособствовал?

Первое, чем она у Громова поинтересовалась, было местонахождение Чики и Мики. А ведь действительно, пока мы бродили по территории, собаки ни разу не попались мне на глаза...

— Увезли на обследование, — сообщил Сан Саныч. — Кит осматривал их часа три, никаких уколов не обнаружил. Пусть теперь медицина попробует определить, чем и, главное, каким способом их усыпили.

— А как же Кит их отпустил? — удивилась Алиса.

— Что значит — отпустил? Он с ними поехал. Они еще сонные, изображают плохо, лишний стресс без надобности. Довезет до лаборатории, велит ждать и слушаться вот этих и этих дядей — и вернется. Да, наверное, уже и вернулся. Ладно, докладывайте, что хотели.

Мы рассказали ему о подслушанном — позор нам, позор! — разговоре, включая неожиданное присутствие Семочки. Громова наш доклад почему-то оставил равнодушным — не то он был в курсе, не то делал вид, что это все ерунда.

Взамен мы потребовали у него дополнительной информации об «уликах, собранных следствием» — и не думайте, что настоять на своем было легко. Хотя... не очень-то Сан Саныч похож на человека, которого можно заставить делать что-то против его воли. Послал бы нас в туманную даль — и мы бы послушно отправились. Очень может быть, что опять из каких-то своих профессиональных соображений «делал вид».

Уж не знаю, что ему там наговорил по телефону мой любимый Ильин, но ведь присутствовать на допросах меня допустили. Причем я даже не просилась, будучи заранее уверенной в полной безнадежности сего предприятия. Однако... В уголочке, чтоб никто не видал и не слышал, но — допустили. Может, Сан Саныч поддался на наши уговоры по этой причине, а может, и по другой.

Одним из основных «обстоятельств» оставалось «отсутствие орудия убийства». Представив себе характер раны, я решила, что убийца сильно рисковал, но пока промолчала. Так или иначе, искомое лезвие не нашли. Да и то — обыскивать всю территорию, включая прилежащие водоемы?

Вообще-то лист лучше всего прятать в лесу. Но Сан Саныч предвосхитил мои умствования, сообщив, что кухню осмотрели весьма тщательно, все ножи на месте, и ни один из них орудием убийства не является — ширина лезвия не та. На всякий случай посветили ультрафиолетом — скрытые следы, разумеется, нашлись: на двух-трех ножах, на столе, немного на полу и в раковине. Так это же кухня, где регулярно разделявают мясо, было бы весьма странно, если бы там не было следов крови.

По той же причине вначале не вызвало интереса запачканное кровью одноразовое полотенце из мусорного бака — целый рулон точно таких же висел между кухонной дверью и раковиной. В том же баке валялись еще два-три подобных, уже использованных, с пятнами чая, фруктов, майонеза и прочей стандартной кулинарной грязью. На одном, кстати, и немного крови присутствовало — в сопровождении сметаны, красного вина и оливкового масла. Обычное дело — эти одноразовые полотенца гораздо удобнее привычных тряпок. И уж наверняка гигиеничнее.

Потом Игорь сказал, что, мол, да, действительно, полотенцами он протирает столы и все остальное, но столь обильные следы крови остаются разве что при разделывании печенки, а ее не готовили уже дней десять — в общем, полотенца не признал. «Приблудное» полотенце отправили экспертам, но и без того казалось более чем вероятным, что следы напрямую связаны с убийством.

Изначально выглядело странным то, что убийца рискнул вытащить нож. Подобные раны не то, что кровоточат — прямо-таки фонтанируют. Не фартук же он (или она?) надевал. Видимо, роль «фартука» как раз и сыграло полотенце. Накрыв им рану, можно вытащить лезвие практически безбоязненно — все брызги останутся на «заслонке».

Впрочем, не все улики были кровавыми. Я лично отключилась на стадии мокрой обуви. Ее оказалось неожиданно много: у Семочки и Милочки, которые «сразу легли спать» — хотя Милочка, «испортила туфли» утренней прогулкой, у Ольги Федоровны, которая срезала цветы для своей спальни (в темноте и под дождем), у Игоря, который выносил мусор, у Семена Михайловича — по неясной причине, ибо он ничего не помнил (удобная вещь — алкоголизм!), у самого Громова, который непонятно зачем «прогуливался» и попутно заметил аналогичную «прогулку» Семочки... Кажется, все. У меня, Алисы, Лили и Кита вся наличная обувь была суше скелета посреди Сахары.

И еще. О чем щебетали перед последним обедом Фидель и Милочка? С какой стати старшему Дворецкому вздумалось подарить скромной журналистке Рите Волковой шикарный букет роз? Почему телефонисты говорят, что в полночь сюда никто не звонил, а телефонный звонок слышал не только Фидель, но и мы с Алисой? Каким способом усыпили собак? И почему они «пали» на полпути от берега к дому? Следственная бригада полагает, что псы получили снотворное у берега и кинулись к дому, но не добежали... Я, право, не кинолог, но где-то как-то со сторожевыми псами общаться приходилось — в нештатной ситуации они кидаются или к месту события или к «разводящему», в данном случае к Никите. До сторожки от открытого берега — метров тридцать. Почему их к дому понесло? За зло-

деем? За те пять-десять минут, что требовались для действия препарата, псы десять раз успели бы сделать с этим самым злодеем... ну, хоть что-то они успели бы, иначе рухнули бы прямо на берегу.

Зачем понадобилось вытаскивать из раны стилет? Что в нем такого характерного? Отпечатки пальцев? Но ведь нынче даже полный идиот знает про перчатки. Почему вдумчивый и весьма предусмотрительный бизнесмен Марлен Семенович Дворецкий не оставил завещания? Кто, черт подери, украл пресловутые технологические рецепты? Почему в такой панике Милочка, и чего от нее хотела Ольга Федоровна? Зачем Семочка гулял под дождем? И зачем под тем же дождем прохаживался Сан Саныч Громов? Да и правда ли это? Ведь ни один не простудился. Я наверняка бы носом захлюпала... Кто звонил Алисе два часа назад?..

Вопросов было множество, а ответов пока — ноль. Возврат к реальности произошел нечаянно, на слове «телефон». До меня вдруг дошло, что Алиса обсуждает с Сан Санычем тот самый неожиданный звонок. Звонил, разумеется, Никанор Евгеньевич, хотел обсудить какие-то там фабричные перспективы... В сущности, о каких там перспективах может идти речь, наследников-то трое, пока поделят... А Никанор Евгеньевич теперь вообще непонятно кто. Или ему некие полномочия оставлены? В любом случае ситуация изменилась, значит, должна измениться и интонация. Но ничего такого, обычный тон, обычный разговор. Алиса вроде бы ничего не понимала. То есть — почему именно она должна обсуждать «перспективы» и, главное, почему так срочно.

С телефонных звонков беседа почему-то плавно перетекла к исчезнувшему оружию убийства.

— А разве его так и не нашли? — удивилась Алиса. — В коллекции смотрели? — махнула она рукой в сторону дальней стены.

— Да там все лезвия либо слишком длинные, либо широкие, либо и то, и другое.

Оружейная коллекция, традиционно украшавшая кабинет, была невелика, но симпатична. Три ружья, причем одно с граненым стволом, пара дуэльных пистолетов, еще три похожих, шпага, палаш без ножен, что-то среднее между маленьким мечом и большим кинжалом в чересчур богатых массивных ножнах, еще какая-то ножевая мелочь вроде кортиков... Я не спец по оружию, но, на мой неискушенный взгляд, большинство экспонатов выглядели бывальыми. Хотя, как известно, и металл, и дерево, и прочие материалы вполне можно состарить искусственно — это, естественно, повышает цену, поскольку создает дополнительную имитацию достоверности.

Алиса сняла со стены «меч-кинжал» и, держа агрегат за петельку возле поперечины между лезвием и рукоятью, покачала им перед носом Громова:

— Этот осматривали?

Сан Саныч посмотрел на нее с нескрываемой жалостью и очень мягко сказал:

— Солнышко мое, у него лезвие в пять раз шире раны...

«Солнышко» явно рассердилось:

— Громов, я не спятила от горя, если ты это имеешь в виду! Рыдать я буду у себя в комнате, но это тебя совершенно не касается. Мозгов мне не отшибло. Смотри сюда!

Теперь представьте себе этот кинжал. Длиной примерно в локоть, формой похож на лист, обе стороны ножен украшены серебряными накладками в виде стебля с листьями и какими-то камушками — не вздрагивайте, ничего особенно драгоценного; между рукояткой и ножнами — узкая перекладина. Ну, относительно узкая, кинжальчик-то немаленький. Край ножен, примыкающий к перекладине, тоже окантован серебряными планками. Алиса нажала на них посередине, над серебряными «стеблями», подцепила ногтем... часть «стебля» отделилась и поползла вверх... Из-под серебряной накладки вылез небольшой узкий стилет. Алиса не стала его вытаскивать, оставила торчать, повернула кинжал и проделала ту же операцию со второй накладкой. Теперь по обе стороны рукояти торчали «рога» — тонкие рукоятки двух небольших стилетов.

— Ни фиги себе! — Сан Саныч с интересом принялся разглядывать необычную конструкцию. — А почему мне никто не сказал?

— А ты спрашивал?

Громов тяжело вздохнул и потребовал:

— Ладно, теперь спрашиваю. Посмотри внимательно, может, еще что важное увидишь. Все, как обычно?

Алиса минут пять осматривалась, потом пожала плечами.

— Да вроде все нормально, только этот телефон сдвинут. Он обычно посередине стоит, иногда слева, а сейчас справа, на самом краю. Наверное... — она вдруг осеклась.

А еще говорят, что телепатии не существует! Алисины мысли явились мне с такой яркостью, словно она написала ее огненными буквами: Марлен Семенович сдвинул телефон, падая на стол.

Кажется, Сан Саныч тоже это понял, потому что переспрашивать не стал, обнял девушку за плечи и повел к выходу.

Глава 20

Неправдоподобно огромная луна гордо возлежала на верхушках деревьев, расчерчивая сад серебряными дорожками. Картинка выглядела до отвра-

щения красивой и до неприличия эффектной. Почему-то даже самое яркое солнце не создает таких резких контрастов между светом и тьмой, как «бледная» луна.

Говорят, лучший способ победить искушение — это поддаться ему. Раз хозяйева решили устроить себе отбой, значит, вряд ли они станут возражать, если я начну бродить по саду. Да и что хозяйева? Возражать мог бы разве что Сан Саныч, но он предпочел утешать Алису. Интересно, кого она имела в виду, когда предупреждала «руки прочь от Громова»? Не себя ли? Красивая была бы пара. Вот и ладушки! А я гулять пойду!

Луна окончательно запутала меня уже на полдороге к сторожке. Нет. Не так. В том направлении — к речке, песчаному обрыву и сторожке — я двинулась поначалу. Но уже через полчаса, после бесчисленных поворотов и прыжков по кустам, полностью утратила представление о том, где, собственно, нахожусь. А еще через полчаса перестала удивляться талантам Моисея, который сорок лет водил толпу народа по крошечному, в сущности, пятакчу... Может, они все ходили с закрытыми глазами?

Кстати, о закрытых глазах. Почему Алиса сделала вид, что звонок Никанора Евгеньевича оставил ее в недоумении? Трудно поверить, что она ничего не поняла, это очень странно. Даже у меня, посторонней, кое-какие идеи возникли сразу же — но стоило проверить. Марлен Семенович Дворецкий, бизнесмен аккуратный и предусмотрительный, не только любил свою дочь — он ее уважал и более чем здраво оценивал и ее, и всех остальных... домашних. И домашние, включая Алису, разумеется, наверняка отдавали себе во всем этом отчет. Что бы там они не говорили, но про себя все-таки знали. А значит, естественно предположить, что именно Алису Марлен Семенович видел в роли своей преемницы, и, весьма вероятно, оставил на этот счет определенные указания. Или же — в порядке бреда — роль преемника предназначалась господину адвокату. И Алиса не понимает, зачем тот звонил? Она что, идиотка?

С другой стороны — я ведь тут и впрямь никто. Сторонний наблюдатель. Зритель. А если вручать приз зрительских симпатий, то он, безусловно, будет принадлежать именно Алисе. Что из этого следует? Когда человек нам симпатичен, мы готовы на многое — ну, во всяком случае, не очень важное — закрыть глаза. Да мало ли почему Алиса прикидывается дурочкой. Я могу придумать тому как минимум четыре вполне невинных причины. В том числе, самая примитивная: Никанор Евгеньевич попросил Алису до поры до времени помалкивать. Например, пока он не выздоровеет и не займется делами вплотную...

А если господин адвокат звонил по другому поводу? Если ему что-то стало известно? Тогда история с этим проклятым «вечным» цементом на-

чинает приобретать какое-то зловещее значение. Конечно, подозревать в шашнях с инженером Гариным Алису — полный абсурд. но... Это ведь не аргумент, а чисто субъективное впечатление.

В общем, что бы и кто бы там себе не придумывал, получается, что Алиса должна быть тем человеком, которому смерть Дворецкого-старшего приносит максимальную выгоду.

М-да... А не пора ли вам, Маргарита свет Львовна, в постельку? Надо разыскать какую-нибудь дорожку — настоящую, не лунную — и шагать по ней. Куда-нибудь точно приду.

Я огляделась. Слева, за кустами, что-то белело. Не тропинка, а что-то компактное, похожее на небольшой стог сена. Или на привидение... Правда, привидению положено завывать и махать балахоном, а не сидеть под кустиком и бурчать что-то невнятное... Но, в конце концов, даже у привидений есть права. Например, право на отдых. Может, оно устало летать и завывать...

Что же все-таки там белеется? Я осторожно двинулась в сторону «привидения». Хорошо хоть, кусты тут мягкие. Был бы какой-нибудь боярышник, разнес бы меня на клочки. Одна ветка все-таки вцепилась мне в волосы, пришлось остановиться. Воистину, небеса хранят идиотов! Точнее, идиоток. Если бы не эта ветка, я бы вылетела прямо на поляну...

Каждому когда-то приходилось разглядывать «загадочные картинки». Ну, знаете, эти — «отыщи, где спрятался зайчик». Смотришь, смотришь, видишь только стволы, листья, сплетение веток, и вдруг... да вот же он! Ушки, глазки, лапки...

Воюя с веткой, я отвела глаза от белого пятна. Ненадолго, на какое-то мгновение. Но этого хватило, чтобы «навести картинку на резкость». Дальше случились три вещи одновременно: я освободила волосы, «привидение» превратилось в того самого мраморного щенка, что так понравился мне в первый день, невнятное же бурчание оказалось отнюдь не шумом ветра или, скажем, воды, а чьими-то голосами.

Первый голос — мужской — казался знакомым и незнакомым одновременно. Кит? Может быть. Сан Саныч? Не исключено, хотя с какой стати?

Второй голос, безусловно, был женским. Если бы я не была абсолютно уверена, что Алису Сан Саныч отвел спать, я поклялась бы, что это именно она. Может быть, Лиля? У нее похожее меццо-сопрано, только говорит помедленнее. А тут — второпях и с придыханием, как будто на бегу...

Я застыла на месте, превратившись в одно большое ухо. Собеседников я не видела, но слышно было — если сосредоточиться — вполне прилично.

— Почему мне? Даже тебе ничего не сказал...

— Ну... я человек маленький...

Похоже, что это все-таки Громов. А кто же тогда «она»? Не Алиса — с той он мог бы поговорить и у нее в комнате.

— Завещания-то нет. А если... И где мы тогда все будем?!!

А может, это Милочка? Только она так нервно восклицать умеет.

— Ты нервничаешь и преувеличиваешь, — «гипотетический» Громов явно старался успокоить расстроенную собеседницу. — Нет пока никаких оснований...

— Такой куш на кону...

— Думаешь, догадался?

— Он-то наверняка догадался...

— Ну и что? Доказательств ноль, чего ты переживаешь? Гарин...

— Тихо! Не кричи...

— Да нет же никого. Что ты, в самом деле?

— Я просто дура... Зачем мне понадобилось все это устраивать?

Щелкнула зажигалка. Наконец-то я смогла понять, где они стоят: на самом краю полянки, справа от меня, то есть, почти у главной дороги, той, что вела к воротам. Именно туда начал удаляться огонек сигареты. Голоса, разумеется, тоже.

— ...Семочка? — Мужской голос прозвучал довольно скептически.

— А что? Чем тебя не устраивает его кандидатура? Громов уже понял, что это кто-то из нас, так почему Семочка не вариант?

Я почти уверила себя в том, что это Милочка — никто больше не способен на такую недовольную интонацию, — если бы не явная нелюбовь к Семочке, сквозившая в голосе. А Милочка на супруга глядит, как на посланца небес. Но, с другой стороны, почему бы Милочке не иметь тайного возлюбленного? Ясно одно: этот самый «возлюбленный» — наверняка не Громов.

Очень хотелось проследить за таинственной парочкой. В придуманном тексте я так бы и сделала. Когда сочиняешь, все очень легко. А попробуйте сами — ночью, по темным зарослям... От меня же шуму будет, как от пьяного носорога!

Так... Парочка удалилась в сторону ворот. Значит, если я не собираюсь за ними следить, мне надо двигаться в обратном направлении. Неподалеку от полянки дорога слегка сворачивает. Если выйти на нее метров через тридцать, я буду уже за пределами видимости. Правда, эти теоретические «метров тридцать» еще надо пройти... Ну, по крайней мере, ясно, где дом.

Я осторожно развернулась в нужную сторону, сделала шаг, другой...

И тут же угодила в чьи-то крепкие объятия.

— Тихо ты, слон! Чего бродишь среди ночи?

Да... «Там» действительно был не Громов. Не раздвоился же он!

— А... Что?.. К-к-кто там был?

— Любопытной Варваре нос оторвали! Брысь в дом!

Сан Саныч протащил меня сквозь заросли, поставил на дорогу (уже за поворотом) и абсолютно неуважительным жестом (догадайтесь сами!) придавал ускорение в нужную сторону. И, конечно, ничего не объяснил.

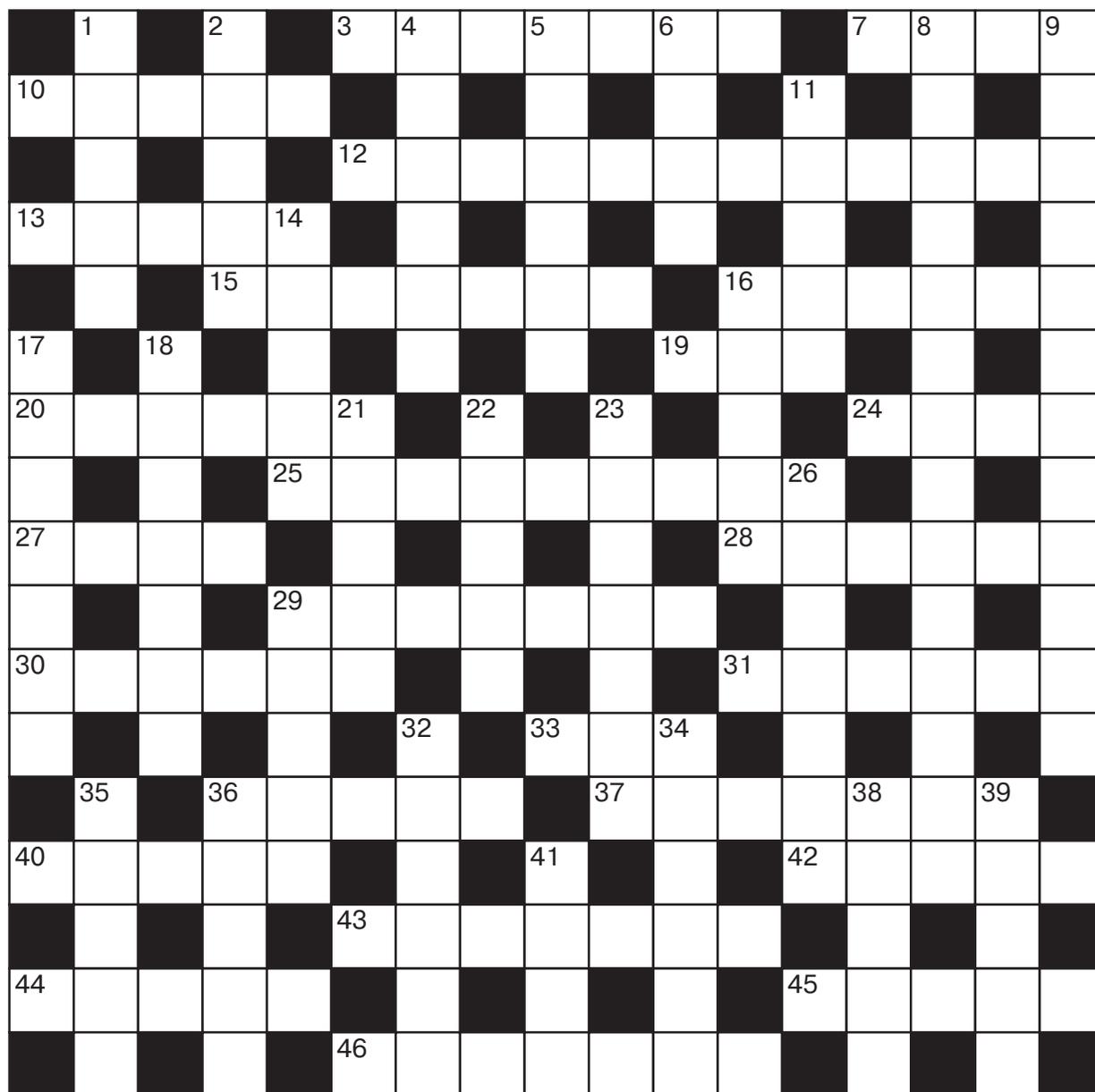
Ну и ладно! Сама догадаюсь!

Настроившись на долгие размышления, я приготовила себе термос с чаем, пепельницу и даже блокнот. Чем черт не шутит, вдруг размышления окажутся плодотворными. Когда полночи ворочаешься промеж дремотой и явью, каких только идей в голову не приходит. Могут ведь среди них появиться здравые?

Но... человек предполагает, а природа располагает. Стоило голове моей коснуться подушки, сон навалился сразу, отключил зрение, слух и мозги — в общем, придавил. Какие уж тут размышления! □

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Бумажная незабудка. **7.** «Самая экспортная» легковушка в СССР. **10.** Каким деревом любовались в Японии до того, как вошла в моду сакура? **12.** У какой дамочки светские замашки? **13.** «Пропавший капитан» у Жюль Верна. **15.** Французский промыш-

ленник с именной маркой автомобилей. **16.** Подвижное забрало. **19.** Дракон, «украшавший» халаты китайских императоров. **20.** Чей герой погибает под колесами авто в драме «Господин оформитель»? **24.** Королевская столица в Европе. **25.** Любимый транспорт героини детек-

тивного сериала про Виолу Тараканову. **27.** Штрафное, но не время. **28.** Самая запомнившаяся зрителям героиня Эльзы Леждей. **29.** Городские часы с боем. **30.** Выхлоп железы. **31.** Временное умопомрачение. **33.** Элитная дискотека. **36.** Царица лососей. **37.** Какого театрального режиссера в 1984 году заочно лишили советского гражданства? **40.** «Разговор» у братков. **42.** Где расположен второй по значимости Египетский музей в мире? **43.** Одежда привидения. **44.** Нормы морали. **45.** Какой песенный цикл немецкий композитор Роберт Шуман подарил на свадьбу своей жене? **46.** Временная плотина.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Цветочная богиня. **2.** Какой звездный актер упрощил режиссеров сделать Капитана Америка бородатым? **4.** Знаковый крейсер Октябрьской революции. **5.** Голландский торговец линзами,

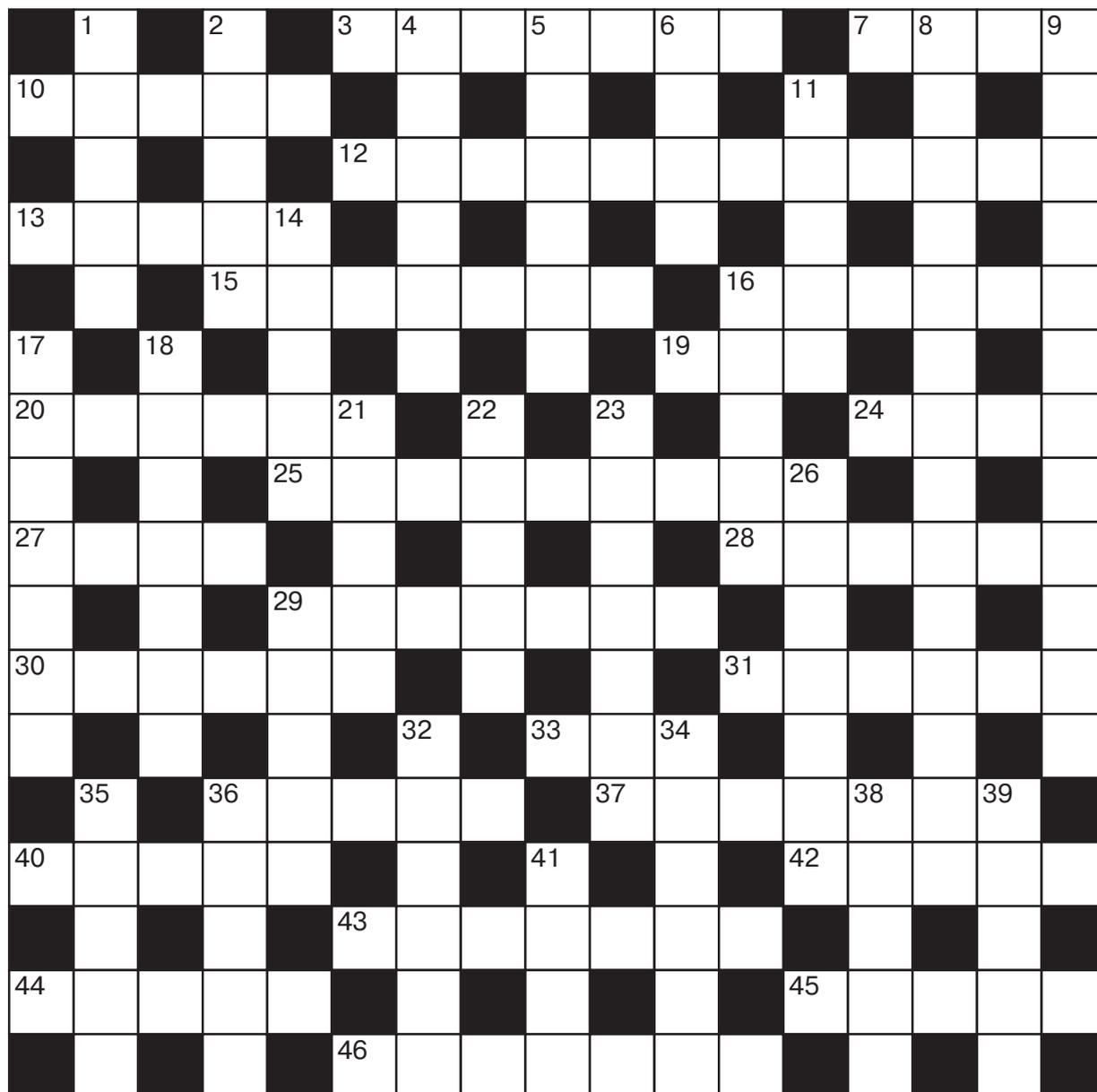
которому, по одной из версий, приписывают изобретение телескопа. **6.** Генетический двойник. **8.** Наставник по практическому вождению. **9.** «Эллинское направление» в поэзии Александра Пушкина. **11.** Пернатый хищник на монетах из Ботсваны. **14.** «Первый последователь» Юрия Гагарина. **16.** Турецкая выпечка. **17.** К чему на четыре года приговаривают героиню романа «Воскресение» Льва Толстого? **18.** Сердечная мышца. **21.** Чародей у древних славян. **22.** Голосистое искусство. **23.** Пленник девайсов. **26.** Каким взрывчатым изобретением вошло в мировую историю 25 ноября 1867 года? **29.** Что стелют или вешают? **32.** Город из мюзикла «Аладдин». **34.** Кем отобедал Кот в сапогах? **35.** Игра для самых метких. **36.** Былинный герой. **38.** Какой жмурик «еще всех нас переживет»? **39.** Кто подписал Портсмутский мир? **41.** Древо Аполлона.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №5

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Яство. **7.** Марк. **10.** Декабрь. **12.** Гинденбург. **13.** Протест. **14.** Гиппокрена. **15.** Андроид. **17.** Жаворонок. **20.** Кабан. **23.** Треух. **24.** Жакет. **25.** Ворон. **28.** Вывод. **29.** Искра. **30.** Астролог. **32.** Ловелас. **35.** Майков. **37.** Пакт. **38.** «Домострой». **41.** Такт. **42.** Саперави. **43.** Флокс. **44.** Вред. **45.** Нумизмат.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Метранпаж. **2.** Пастернак. **3.** Престиж. **5.** Спиридонов. **6.** Водопровод. **8.** Амулет. **9.** Кугуар. **11.** Анекдот. **16.** «Дар». **18.** Красс. **19.** Пуаро. **21.** Балтийское. **22.** Недород. **25.** Выгородка. **26.** Робертс. **27.** Рахметов. **28.** Вол. **31.** Салоп. **33.** Напалм. **34.** Атеист. **36.** Вопль. **39.** Рагу. **40.** Йети.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Какой из американских вулканов извергается уже больше двухсот лет? **7.** Комнатный заменитель Драконова дерева. **10.** «Пушистая машина смеха» из «Маппет-шоу». **12.** Божья коровка с научной точки зрения. **13.** Большая бочка, ставшая мерой жидко-

стей у немцев. **15.** Общее собрание в монастыре. **16.** «Сабля», плавающая в уральских реках. **19.** Третий главный элемент в икебанае. **20.** Кого считают первым античным драматургом? **24.** Какое орудие пытки можно увидеть в телесериале «Тюдоры»? **25.** Преисподняя из Ислама.

27. Героиня в костюмах от Жан-Поля Готье. **28.** Дынная груша. **29.** Боевое судно античных времен. **30.** Водоросль, усваивающая атмосферный азот. **31.** Армянские пельмени. **33.** Бирманский танец. **36.** Потеря в весе товара. **37.** Карнавальный танец из Прованса. **40.** Французский врач, соавтор открытия вакцины против туберкулеза. **42.** Японский фарфор. **43.** Птица, попавшая в «Карнавал животных». **44.** Рисунок на поверхности шкуры. **45.** Высшая монашеская степень у православных. **46.** Крымская народность.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Какой кукле «желания загадывают»? **2.** Какой ордынский хан скорее всего и подарил московскому князю Ивану Калите головной убор, объявленный в последствии шапкой Мономаха? **4.** Самая крупная наша оса. **5.** Куда после падения Трои повел своих людей Эней? **6.** «Отец немецкой филосо-

фии». **8.** Революционный аппарат из мультфильма «Корпорация монстров». **9.** Из какого минерала уже со времен Древнего Китая вырезали фигурки божков? **11.** Какому из античных поэтов мир обязан поисками истины в вине? **14.** Быстрорежущая сталь. **16.** Киргизский молочный напиток. **17.** Дельфин в восемь тонн. **18.** «Снижение доходов медиков порождает ... заболеваний». **21.** Планета из вселенной трансформеров. **22.** Самая высокая гора Грузии. **23.** Наделение душой природы. **26.** К какому роду принадлежал легендарный Хлодвиг? **29.** Кого полагали основным конкурентом Харрисона Форда на роль Хана Соло? **32.** Самая ароматная из северных ягод. **34.** Отец Пресвятой Богородицы. **35.** Остаток «бедного Йорика». **36.** Праздник в честь Диониса. **38.** Обряд посвящения в равнины. **39.** Первый правитель Урарту. **41.** Печь для выплавки стекла.

Ответы на эрудит, опубликованный в №5

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Самоа. **7.** Локк. **10.** Протори. **12.** Абхинишева. **13.** Диэрема. **14.** Аскитирион. **15.** Кокданс. **17.** Фаравахар. **20.** Хирам. **23.** Йырчи. **24.** Миних. **25.** Топор. **28.** Шерер. **29.** Типле. **30.** «Матросик». **32.** Мульсум. **35.** Тремор. **37.** Рокк. **38.** Насельник. **41.** «Куга». **42.** Ермолова. **43.** Никта. **44.** Ныра. **45.** Эвфемизм.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Орнитомим. **2.** Стерадан. **3.** Эриманф. **5.** Амбассадор. **6.** Оригинатор. **8.** Офелия. **9.** Клайнс. **11.** Кибинай. **16.** Сай. **18.** Рыжик. **19.** Пчела. **21.** Риттбергер. **22.** Миротон. **25.** Текучесть. **26.** Пельтье. **27.** Эмотикон. **28.** Шим. **31.** Пурим. **33.** Волохи. **34.** Оклазм. **36.** Радий. **39.** Нрав. **40.** Кофе.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 2-е полугодие 2022 года:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales-smena@yandex.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 216 рублей 70 копеек	За 1 номер — 245 рублей 30 копеек
За полугодие — 1300 рублей 20 копеек	За полугодие — 1471 рублей 80 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			
Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

На журнал "Смена" открыта подписка на 2022 год во всех отделениях почтовой связи. Оформить подписку можно по следующим подписным индексам:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ АО «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		П2431 — основной подписной индекс П2446 — льготный подписной индекс П3292 — годовой подписной индекс
---	---	---

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется в любом отделении почтовой связи ФГУП «Почта Крыма»

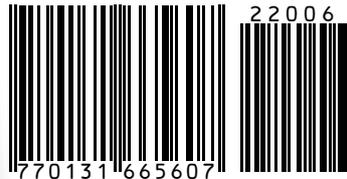
* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вся
пресса
в одном
месте!

**ВНИМАНИЕ,
КОНКУРС!**

ISSN 0131-6656

СМЕНА

Дорогие читатели!

Первая любовь... Наверное, нет на земле человека, который в юности (а может, и в зрелом возрасте) не испытал бы это светлое, чистое, романтическое чувство, вызывавшее бурю возвышенных эмоций. Увы, эта любовь обычно бывает скоротечной, но в глубине сердца она остается надолго, если не навсегда, и накладывает свой отпечаток на будущие отношения. Ее можно назвать «преддверием любви».

Об этом лучше поэта не скажешь: «Еще не любишь ты, но верь: не полюбить уже не можешь» (Иннокентий Анненский).

Вот мы и решили в 2022 году объявить среди наших подписчиков новый

конкурс «Песня первой любви»

Вы помните свое необъяснимое волнение, трепетание сердца, одним словом, свою первую любовь? Наверное, каждому есть что рассказать об этом чувстве — пусть это будет ваша личная история или рассказ.

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются в электронном виде на адрес: tomasmena@mail.ru до конца ноября 2022 года.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в первых номерах 2023 года, а трое победителей получают премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

№6 июнь 2022